

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

5/2025

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета».

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliushchenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, Тел: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: <https://dongu-vestnik05.ru>.

*Печатается по решению Учёного совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет» .
Протокол № 9 от 27.06.25.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 5/2025

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Аруноаст П., Селезнева Л. В.</i> Образ женщины в поговорках русского языка: лингвокультурный анализ	5
<i>Давыдова-Белая А. В.</i> Деформация жанра: писательский дневник в условиях интернет-культуры	15
<i>Белов А. М.</i> О «среди́нной» акцентной парадигме древнегреческого ударения	25
<i>Будаев Э. В., Нахимова Е. А., Руженцева Н. Б.</i> Метафорическая актуализация литературных онимов Лиса Алиса и Кот Базилио в российских СМИ	34
<i>Лин Цзяньхоу.</i> Новая парадигма изучения романа: заметки ко второму тому третьего китайского издания собрания сочинений Михаила Бахтина	48
<i>Гладкая Н. В.</i> Лингвокультурный анализ политических интернет-мемов	60
<i>Панчехина М. Н.</i> Принципы составления «Словаря донецкой речи»	70
<i>Мубаракшина А. М.</i> Метафора в гороскопическом тексте: функциональный аспект	80
<i>Бурляй А. С.</i> Характер языковых средств и инноваций языковой личности военного корреспондента	90
<i>Цао Ли.</i> Образное осмысление эмоционального концепта <i>жалость</i> в русской и китайской паремиологии	99
<i>Чжан Вэньчжэ.</i> Семантические изменения и когнитивные механизмы аппроксиматора <i>около</i>	110
<i>Чжао Пань.</i> Коммуникативно-функциональный анализ вставных конструкций в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин»	119

<i>Чэнь Сяоюй</i> . К вопросу о словообразовательных особенностях исконной и заимствованной экономической терминологии в публицистических текстах 2010–2020-х годов	129
---	-----

Слово молодому учёному

<i>Калиничева Ю.</i> Частотный анализ лексики и дистрибуция частей речи голосовых сообщений: опыт моделирования различий	142
<i>Белан А.В.</i> Формирование жизненных целей у студентов под влиянием детско-родительских отношений	154

Психология

<i>Рядинская Е.Н., Волобуев В.В., Богрова К.Б.</i> Представление о сложных жизненных ситуациях гражданского населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта	165
<i>Коротеева Е.М., Тихонюк М.Д.</i> Индивидуально-типологические особенности и ценностные ориентации как факторы субъективного благополучия студентов и работающей молодежи	174
Правила для авторов	187

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 5/2025

CONTENTS

Philology

<i>Aroonoast P., Selezneva L.V.</i> Image of woman in Russian proverbs: linguocultural analysis	5
<i>Davydova-Belaya A.V.</i> Deformation of genre: writer's diary in internet culture	15
<i>Belov A.M.</i> On intermediate accent paradigm in Greek	25
<i>Budayev E.V., Nakhimova E.A., Ruzhentseva N.B.</i> Metaphorical actualization of literary onyms <i>Лука Алука</i> and <i>Ком Базилио</i> in Russian media	34
<i>Ling Jianhou.</i> A new paradigm for the study of novel: notes on second volume of the Chinese third edition collected works of Mikhail Bakhtin	48
<i>Gladkaya N.V.</i> Linguocultural analysis of political internet memes	60
<i>Panchehina M.N.</i> Principles of compiling Dictionary of Donetsk speech	70
<i>Mubarakshina A.M.</i> Metaphor in horoscopic text: functional aspect	80
<i>Burlyai A.S.</i> Linguistic means and innovations of military correspondent's linguistic personality	90
<i>Cao Li.</i> Figurative interpretation of emotional concept of pity in Russian and Chinese paroemiology	99
<i>Zhang Wenzhe.</i> Semantic changes and cognitive mechanisms of approximator <i>около</i>	110
<i>Zhao Pan.</i> Communicative-functional analysis of parenthetical constructions in novel "Chagin" by E.G. Vodolazkin	119
<i>Chen Xiaoyu.</i> On word-formation features of native and borrowed economic terminology in journalistic texts of 2010–2020 s	129

Commencing scholars, have your say!

Kalinicheva Y. Frequency analysis of lexis and distribution of parts of speech in voice messages: experience in modeling differences 142

Belan A. V. Formation of life goals in university students: influence of parent-child relationships 154

Psychology

Ryadinskaya Ye. N., Volobuev V. V., Bogrova K. B. Views on complex life situations of civilian population living in armed conflict zone 165

Koroteeva E. M., Tikhonyuk M. D. Individual typological features and value orientations as factors of subjective well-being of students and working youth 174

Guidelines for authors 187

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.16158765

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

© 2025 П. Аруноаст¹, Л.В. Селезнева

¹Университет Таммасат (Таиланд)

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ORCID¹ 0009-0003-3218-369X

ORCID² 0000-0002-8546-6496

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлен лингвокультурный анализ образа женщины в русских пословицах. Исследование направлено на определение культурной специфики образа женщины в русском сознании, гендерных стереотипов, отражённых в пословицах. В качестве материала использованы 251 паремия. В результате исследования выявлены следующие константные характеристики: эмоциональность, хитрость, коварство, конфликтность, непредсказуемость и изменчивость желаний, болтливость, упрямство, низкий интеллект, домовитость и хозяйственность, внешняя привлекательность. Представлены как отрицательные, так и положительные черты женского образа. Исследование демонстрирует, что язык выступает в качестве важного инструмента закрепления гендерных стереотипов и отражает традиционные представления о женской роли в обществе.

Ключевые слова: образ женщины, пословицы, паремия, русский, лингвокультурология, метафора, оценочная окраска.

Для цитирования: Аруноаст П. Образ женщины в паремиях русского языка: лингвокультурный анализ / П. Аруноаст, Л.В. Селезнева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 5–14. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16158765>.

Введение. Одной из важнейших функций языка на протяжении всей истории человечества являются хранение и передача информации, накопленной людьми в результате их взаимодействия с окружающей средой и обществом. Особое место в культуре занимают паремии – народные изречения, которые отображают многовековой историко-социальный опыт народа, содержат народную мудрость или моральный урок [13]. В этом и заключается поучительный смысл пословиц, которые в лаконичной форме передают знания и опыт старшего поколения, обычаи, культурные установки и взгляды на жизнь, в частности, на роль женщины, сложившиеся в патриархальном обществе.

Паремия включает в себя пословицы, афоризмы, поговорки и фразеологизмы. В рамках статьи мы рассмотрим лишь один вид паремий – пословицы, обозначающие «краткое, ритмически организованное, устойчивое в речи, образное изречение народа» [1, с. 412]. Исследованием паремий занимаются такие российские лингвисты, как

О.Б. Абакумова, М.Л. Ковшова, Д.Д. Комова, О.В. Ломакина, Н.Н. Меньшакова, Ю.В. Рождественский, Е.А. Яковлева и др.

Роль женщин остаётся одной из наиболее дискуссионных и социокультурных тем в современном обществе, особенно в контексте стремления к гендерному равенству и борьбе с сексуальным угнетением в патриархальных системах. Это подтверждается активизацией социальных движений, продвигающих идеи феминизма через различные организации в разных странах. В связи с этим изучение роли женщин стало одной из актуальных тем в области социальных и гуманитарных наук. С точки зрения языка, образ женщины анализируется с помощью пословиц, отражающих взгляды людей разных наций на женщин в прошлом. Анализ этих представлений тоже становится возможным благодаря применению современных лингвистических и лингвокультурологических подходов, позволяющих рассмотреть язык во взаимосвязи с культурой и социальным контекстом.

В последние десятилетия всё большее внимание уделяется лингвокультурно-логическому подходу, через который можно изучать не только взаимодействие языка и культуры, но и формирование ключевых культурных концептов. Этот метод позволяет рассмотреть внешние – то есть культурные факторы, влияющие на использование языковых средств при конструировании образа женщины.

Анализ образа женщины в русских пословицах даёт возможность глубже понять как исторические, так и социальные представления о женской природе, её функциях и качествах, зафиксированных в языке. Пословицы выступают важным источником для исследования гендерных стереотипов и культурных установок, поскольку они выражают коллективное мнение и закрепляют доминирующие взгляды на женщину в патриархальном обществе.

Роль пословиц и поговорок в формировании образа женщины в русской языковой картине мира рассматривает А.П. Фомичева, которая в своем исследовании показала, что в русских пословицах формируется образ женщины капризной, которая часто меняет свое решение и чей внутренний мир сложно понять [10]. Исследование Е.А. Бычковой показало, что образ женщины в русских пословицах противоречив: с одной стороны, это умный, красивый, добрый человек, а с другой – злобный, болтливый и бестолковый [2].

В рамках контрастивной лингвистики был проведен сравнительно-сопоставительный анализ ценностных репрезентаций гендерных стереотипов в русских и английских поговорках. Результаты показали преобладание негативных представлений о женщинах и положительных о мужчинах – как в русском, так и в английском языке. Анализ частотности использования пословиц продемонстрировал, что в русском языке негативные высказывания о женщинах встречаются чаще, чем в английском, особенно в отношении их поведения и характера [12]. Исследование образов женщины, матери и молодой женщины в русских, английских и китайских пословицах показало культурные различия в восприятии роли женщины. В русской культуре женщины отличаются склонностью к борьбе; в английской культуре отличаются выносливостью; в китайской культуре – таинственностью и загадочностью [8].

Работы китайских ученых показали, что в русских и китайских пословицах обнаружены как общие черты, так и различия в женском образе. Женщина красива, добра и трудолюбива. При этом в китайских пословицах особое значение придаётся молодости женщины, ее бережливости, тогда как в русских пословицах больше внимания уделяется психологическому состоянию и эмоциональности [11].

В тайских исследованиях образ женщины складывается из разных социальных ролей, таких как дочь, жена, мать, каждая из которых предполагает определённые обязанности и ожидания. От женщин ожидается строгое соблюдение установленных

общественных норм и выполнение своих обязанностей: женщина должна была, достигнув зрелости, выйти замуж, заботиться о муже и воспитывать детей [14; 17; 19].

В работе Nureeda Ibni Sulaiman анализируются образы женщин в малайских пословицах, где прослеживается влияние исламских учений на поведение женщин независимо от семейного положения – будь то замужняя женщина, одинокая или вдова [15]. Исследование Wilasinee Faengyong демонстрирует образ женщин в итальянских пословицах, в которых преобладают негативные стереотипы, проявляющиеся в форме женоненавистничества и гендерного неравенства. Пословицы демонстрируют ограниченную роль женщин в обществе и закрепление за ними определённого пространства [16]. Анализ испанских пословиц, проведённый Arthit Jittho [18], подтвердил патриархальный характер испанского общества. В них часто подчёркиваются негативные черты женщин, при этом от них ожидается послушание, трудолюбие и самосохранение.

Таким образом, результаты исследований пословиц демонстрируют распространённость негативных установок по отношению к женщинам, особенно в европейских странах, таких как Испания, Португалия и Италия. Хотя в восточных культурах социальные роли и нормы поведения женщин чётко определены, в них также появляются негативные стереотипы, зафиксированные в пословицах.

Материалы и методы исследования. Паремнологические источники охватывают разные сферы жизни человека: семейные отношения, любовь, дружбу, работу и так далее. Они отражают культуру и дух народа, поскольку пословицы составляют «изречения, разные по времени возникновения, происхождению, источникам и социальной среде, их породившей» [6]. Для нашего исследования мы отобрали 251 пословицу о женщине, ее роли в семье и обществе, в которых используются наименования: баба, женщина.

Источниками пословиц стала книга «Русские пословицы» из сборника «Пословицы русского народа» – классический источник, отражающий взгляды русского народа прошлых веков [20]; онлайн-ресурсы – электронные сборники, включающие пословицы, собранные из различных современных источников [21; 22; 23; 24].

В ходе исследования были использованы, с одной стороны, традиционные лингвистические методы: наблюдения, описания, классификации, с другой стороны, метод лингвокультурологического анализа концепта.

Целью данной работы является исследование образа женщины в русском языке на материале паремий. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) собрать и систематизировать паремии, содержащие слова *женщина* и *баба*, что связано с образом женщины;
- 2) проанализировать концептуальные признаки, характеризующие образ женщины в русских пословицах и поговорках;
- 3) исследовать метафорические модели, формирующие представление о женщине в русской паремии;
- 4) обобщить полученные данные и определить лингвокультурную специфику репрезентации женского образа в русских пословицах и поговорках.

Данное исследование может быть полезным не только в рамках курсов по межкультурной коммуникации, но и в преподавании русского языка как иностранного, где важно сочетать изучение грамматической структуры с социальным и культурным контекстом.

Основная часть.

1. Константные характеристики образа женщины в паремиях русского языка.

Следует заметить, что образ женщины в русском языке отражает не только бытовые представления, но и целую систему знаний о женской природе, её роли в

обществе, семье. Пословицы и поговорки как носители народной мудрости содержат устойчивые модели мышления и культурные мысли, которые формируют образ женщины через язык. На основе анализа пословиц о женщинах мы выделили константные характеристики образа женщины:

1.1. Эмоциональность.

Пословицы отражают представление о женщине как человеке, в котором эмоции преобладают над разумом: *Сила мужчины – в кулаках, а женщины – в слезах; Женское сердце, что котел кипит; Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже; Баба слезами беде помогает; Без плачу у бабы дело не спорится.*

Эмоции женщины играют ключевую роль в поведении и принятии решений. Женский темперамент сравнивается с кипящей водой, что подчёркивает его нестабильность и внутреннее напряжение. Кроме того, действия женщин нередко описываются как основанные не на логике, а на эмоциональных реакциях. Это проявляется в использовании слова «слёзы», которое в пословицах становится метафорой женской чувствительности, уязвимости и зависимости от внешних обстоятельств.

1.2. Хитрость и коварство.

Женщина способна на уловки, обман и тонкие манипуляции для того, чтобы достичь своих целей. Такие характеристики могли быть связаны с религиозными и патриархальными установками: *Даже царь не превзойдёт женщину в хитрости; Хитрость одной женщины – выюк для сорока ишаков, Где сатана не сможет – туда бабу пошлёт. Не купи у попа лошади, не бери и у вдовы дочери; Кто бабе поверит, трех дней не проживет.* Считалось, что без поддержки или покровительства мужчины они не в состоянии обеспечить себе достойное существование, а также должным образом воспитать своих детей [2].

1.3. Внешняя привлекательность.

В пословицах женская красота выступает как ценность, и внешний вид становится критерием оценки характера, поведения и моральных качеств женщины. Примеры пословиц можно представить следующие: *Красивая женщина сама себя стережет; Красивую женщину видно по походке; Женщина смеётся глазами, если не имеет хороших зубов; Возраст мужчины – его дух, возраст женщины – её лицо; Ум женщины – в её красоте, красота мужчины – в его уме; Небо украшают звёзды, мужчин – борода, женщин – волосы.*

1.4. Заносчивость и конфликтность.

Разделение и разногласия среди женщин, как показывают пословицы, чаще возникают, чем у мужчин или девушек, которые могут находиться вместе без конфликтов. Женщины в народном восприятии часто изображаются как склонные к противостоянию и внутреннему напряжению. Это отражено в пословицах: *Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь; Две косы и рядом, и в кучке, а две прялки – никак.* Женщин называют прялками – предметами домашнего труда, мужчины – топорами, девушек – косами. *Женщина б не жила, если б не ссорилась,* где женщина рассматривается как источник семейных и общественных конфликтов, что служит предостережением для мужчин.

Некоторые пословицы подчеркивают бесполезность женщин, обесценивают их роли в обществе: *Баба с возу – кобыле легче; Я думал, идут двое, ан мужик с бабой; Кобыла не лошадь, баба не человек; От нашего ребра нам не ждать добра.* Это укоренившееся религиозное представление способствовало формированию негативного образа женщины как источника соблазна и греха [7].

1.5. Непредсказуемость и изменчивость желаний.

Согласно русским пословицам, поведение женщины часто воспринимается как непостоянное и изменчивое, зависящее от ситуации и личных обстоятельств. Это отражает укоренившиеся стереотипы в русской культуре относительно женской

непредсказуемости: *У бабы семь пятниц на неделе; Женские немощи (болезни) догадки лечат; Девичьи (женские) думы изменчивы; Женские умы – что татарские сумы; На женский нор не угадчик.* Например, образ «перекати-поле» – растения, которое, достигнув зрелости, отделяется от корней и перекатывается по ветру – символизирует непредсказуемость и изменчивость женских мыслей и решений. Или пословица *У бабы семь пятниц на неделе* связана с историческим бытом русского народа. В дореволюционной России по пятницам люди ходили на рынок, закупали товары и часто покупали «в долг», рассчитываясь в следующую пятницу. Этот цикл повторялся, что стало символом нестабильности и частых перемен в решениях женщин [9].

1.6. Болтливость.

Пословицы отражают склонность к сплетням и болтливость: *Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Волос долог, а язык длинней (у бабы); Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке; Где баба, там рынок; где две, там базар; Баба бредит, да черт ей верит; Курица гогочет, а петух молчит.* Некоторые пословицы показывают, что чем больше женщин в одном месте, тем больше проблем: *Если в доме две женщины, пол останется грязным; Три женщины – четыре сплетни.* Подчёркивается не только склонность женщин к сплетням и лишнему слову, но и связь их речи с влиянием потусторонних сил. Это ещё больше усиливает негативное восприятие женской болтливости, представляя её как нечто сверхъестественное и опасное.

1.7. Упрямство.

Пословицы создают образ женщины как человека **упрямого**, трудно поддающегося влиянию и склонного к противостоянию. Приведены следующие примеры: *Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; Смирн топор, да веретено бодливо; Бабе хоть кол на голове теши.* Проявления женского непослушания и упрямства часто фиксируются в патриархальных обществах, где ожидается подчинение женщины мужскому авторитету. В русских пословицах представляют следующее: *Мужик тянет в одну сторону – баба в другую.* Эта пословица подчёркивает восприятие женщины как существа, склонного к противостоянию и несогласию с мужской волей.

1.8. Низкий интеллект.

В пословицах содержится негативная оценка женского ума, подчёркивается её ограниченность: *Волос долог, да ум короток; Волос глуп – везде растёт; Женское сердце – что ржа в железе. Баба – что жаба; В чем деду стыд, в том бабе смех; Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает; Перекати-поле – бабий ум.*

Очевидно, что большинство пословиц, относящихся к образу женщины через призму интеллекта, передают негативное представление о её умственных способностях. Женская глупость или ограниченность часто подчёркиваются через метафоры, в которых внешние качества противопоставляются внутренним. Например, в пословицах *Волос долог, да ум короток* и *Волос глуп – везде растёт* используется символ «длинных волос», который служит метафорой женской красоты, но при этом контрастирует с отсутствием мудрости или здравомыслия. Таким образом, женщина изображается как привлекательная внешне, но не отличающаяся умом. Ещё одной яркой метафорой является сравнение женщин с жабами. Пословица *Женское сердце – что ржа в железе. Баба – что жаба* указывает на восприятие женщины как источника внутренней слабости и даже разрушительного влияния.

Однако существуют и исключения, в которых женский интеллект представлен положительно. Например, в пословице *Как баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает* женщина описывается как человек, обладающий быстротой мышления, находчивостью и способностью принимать решения в экстремальных ситуациях. Такие примеры показывают, что концепт женщины в русских пословицах не всегда однозначен.

1.9. Домовитость и хозяйственность.

Пословицы отражают социальные роли женщины, а также ожидания от их поведения: *Каждая женщина у себя в дому – и госпожа, и прислуга; Без женщины-хозяйки дом пустой; Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе; Бабы-то промыслы, что неправые помыслы; Бабы города недолго стоят (а без баб города не стоят); Лучшие раз в году родить, чем день-деньской бороду брить; Курице не быть петухом, а бабе мужиком; Пусти бабу в рай: она и корову за собой ведет.* Пословицы передают сложившиеся представления русского народа о гендерных ролях, сформировавшиеся на протяжении столетий. Они отражают чёткое разделение обязанностей между мужчинами и женщинами: мужчины работают вне дома, тогда как женщины остаются в доме, занимаясь приготовлением пищи, уборкой и заботой о семье.

2. Метафорический образ женщины в паремиях

Метафорический образ возникает в сознании при восприятии метафорического выражения. Э. Маккормак писал: «Рассматриваемые изнутри, метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире. Рассматриваемые извне, они функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и культурой» [5, с. 360-361]. В паремиях мы наблюдаем сопоставление женщин с разными животными, предметами или даже явлениями. Мы выделили несколько групп пословиц на основе объекта сопоставления.

2.1. Женщина – курица.

Курица не птица, а баба не человек; Курица гогочет, а петух молчит. Дело в том, что курица символизирует болтливость, шумность, беспокойство. В связи с этим женщине приписывается эмоциональная нестабильность, требующая внешнего контроля. Это сравнение имеет ироничную окраску.

2.2. Женщина – ослица.

Женщина – что ослица: без палки не уgomонится, т.е. женщина нуждается в постоянном контроле и руководстве ею, так как осел или ослица воспринимается как символ упрямства, глупости, трудолюбия и непослушания.

2.3. Женщина – кошка.

И то бывает, что кошка собаку съедает. Женщина воспринимается как кошка, символ коварства и скрытности.

Таким образом, сравнение женщины с животными отражает мужской патриархальный взгляд на женщину как на такое существо, которое считается менее разумным, эмоционально нестабильным и управляемым через силу или страх. Соответственно сравнение женщины с животными используется для того, чтобы продемонстрировать её низкий социальный статус, а также оправдывать контроль над её поведением и ролью в обществе.

2.4. Женщина – ветер.

Женщина, ветер и успех не отличаются постоянством. Женщина ставится в один ряд с такими понятиями, как ветер (стихия) и успех (случайность). Эти элементы имеют общую черту – непостоянство. Дело в том, что ветер может дуть в любую сторону без предупреждения, подобно тому как женщина может менять мнение, настроение и решения в любой ситуации.

2.5. Женщина – кипящая вода.

Женское сердце, что котёл кипит. Следует заметить, что метафора кипящего котла связана с внутренней напряжённостью и неустойчивостью. Особенно важно, когда пословица делает акцент на сердце, то есть на эмоциональном центре женщины. Поэтому женская эмоциональность изображена как кипящая вода в котле – она всегда в движении, переполненная чувствами, готовая взорваться.

2.6. Женщина – сельская шапка.

Женщина – как сельская шапка: кто её наденет, тому она и в пору. В данном контексте женщина сравнивается с универсальным предметом, подходящим кому угодно. В связи с этим ценность женщины определяется тем, кто ей владеет, а не её внутренними качествами, так как сельская шапка считается простым, повседневным предметом, доступным каждому. Данная пословица говорит о принципе брака как социального контракта, где женщина представляет собой объект обмена между мужчинами. Её личное мнение, желания не учитываются.

2.7. Женщина – сумка.

Женщина – переметная сумка татарина: может быть полной или пустой. Данная пословица позволяет нам понять, что женщина представляет собой ёмкость, которую наполняют, поэтому её значение зависит от того, что в неё вложили, а не от её собственной активности.

2.8. Женщина – глиняный горшок.

Баба – что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит. Горшок – это неодушевлённый предмет, но в данной пословице он используется как метафора женской эмоциональной нестабильности. В соответствии с этим представлены такие признаки женщины, как раздражительность, реакция на стресс или вспышки гнева.

Итак, метафорический образ женщины представлен двумя противоположными характеристиками: отрицательными и положительными. Более того, отрицательные характеристики связаны с недоверием к словам и действиям женщины. Например, *Не доверяй своим тайн даже женщине, которая родила тебе семь детей.* Пословица *Женское слово – что клей, пристаёт* иронически показывает, что женщина может обещать, но не обязательно будет следовать этим словам.

Положительные характеристики связаны с житейской мудростью: *Женский ум лучше всяких дум; Женщина захочет – сквозь скалу пройдет; Рано встающая женщина на одно дело больше успевает.* Первая пословица показывает, что женский ум играет важную роль и описывается как практичный, находчивый и эффективный. Во второй пословице акцент делается на решительности, целеустремлённости и способности преодолевать препятствия, что безусловно считается положительной характеристикой женщины. В третьей пословице отмечаются ещё другие позитивные характеры: трудолюбие, организованность и практичность женщины.

Заключение. Проведённый анализ пословиц русского языка позволяет утверждать, что образ женщины в русской языковой картине мира является многогранным и культурно значимым. Пословицы, с одной стороны, дают бытовое представление о роли женщины, её домовитости и практичности, с другой стороны, отражают глубинные культурные установки, социальные нормы и гендерные стереотипы, которые формируются под влиянием традиционных взглядов, в том числе патриархальных и религиозных. В результате исследования выявлены следующие константные характеристики: эмоциональность, хитрость, коварство, конфликтность, непредсказуемость и изменчивость желаний, болтливость, упрямство, низкий интеллект, домовитость и хозяйственность, внешняя привлекательность.

Создается метафорический образ женщины, представленной как курица, ослица и кошка, а также ветер, кипящая вода, сумка, шапка, горшок. Большинство пословиц содержат негативную оценку, где женщина рассматривается как существо, нуждающееся в мужском контроле. Это обусловлено патриархальной системой ценностей, в которой роль женщины ограничивалась, а её ценность определялась через внешние характеристики. Однако исследование выявило и положительные

характеристики, такие как красота и соблазнительность, жизненная стойкость, способность к преодолению препятствий, домовитость и хозяйственность.

Пословицы русского языка отражают взгляды общества предыдущих веков на роль и место женщин. Хотя современное общество значительно изменилось, многие предубеждения и стереотипы продолжают сохраняться, зачастую не соответствуют реальному положению дел и могут способствовать социальной маргинализации женщин. Значимость данной работы заключается в понимании гендерных стереотипов, распространённых в российском обществе. Это позволяет глубже осознать проблему гендерного неравенства, которая остаётся актуальной во многих культурах, и может способствовать ведению дискуссий о различных точках зрения на роль женщин в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В.П. Пословица / В.П. Аникин // Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – Т. 20. – С. 412.
2. Бычкова Е.А. Гендерные стереотипы в пословицах и поговорках русского языка / Е.А. Бычкова // Новые горизонты русистики, 2020. – №9. – С. 9 -14.
3. Гриченко Л.В. Паремический дискурс: становление понятия, основные характеристики / Л.В. Гриченко // Гуманитарные и социальные науки, 2021. – №4. – С. 109–116.
4. Ковынева М. Почему говорят «баба с возу – кобыле легче»? [Электронный ресурс] / М. Ковынева. – Режим доступа: <http://www.culture.ru/s/vopros/baba-s-vozu-kobyle-legche/> (дата обращения: 25.05.2025).
5. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
6. Пантелеева О.О. Паремииологический фонд русского языка как отражение культуры народа / О.О. Пантелеева, А.М. Рыбак // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 12. – С. 122–124.
7. Пушаев Ю. Женщина: сотворенная из ребра мужчины? / Ю. Пушаев // Журнал «Фома» [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://foma.ru/zhenshhina-sotvorennaya-iz-rebra-muzhchinyi.html> (дата обращения: 28.05.2025).
8. Токарева Н.А. Гендерные концепты «женщина, мать, девушка» в русской, английской и китайской фразеологии / Н.А. Токарев, Т.С. Кириллова, О.В. Коннова // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – №1(41). – №4. – С. 110–116.
9. Трусов М. Семь пятниц на неделе: значение и происхождение выражения [Электронный ресурс] / М. Трусов. – Режим доступа <http://dzen.ru/media/id/5c1b6cb3d07efb00a93f3b7a/sem-piatnic-na-nedele-znachenie-i-proishojdenie-vyrajeniia5edf24d375cc01341718705a> (дата обращения: 25.05.2025).
10. Фомичева А.П. Роль пословиц и поговорок в формировании образа женщины в русской языковой картине мира. / А.П. Фомичева // Всероссийская конференция молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации «Социальный инженер-2020». – 2020. – С. 273–277.
11. Чжан Ц. Образ мужчины и женщины на примере русской и китайской лингвокультурных систем (на основе анализа фразеологизмов) / Ц. Чжан // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – №2(81). – С. 466–468.
12. Шаймарданова М.Р. Ценностная репрезентация гендерных стереотипов посредством паремий, содержащих номинацию пола (на материале английских и русских пословиц) / М.Р. Шаймарданова, Л.А. Ахметова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – №14(10). – С. 3249–3254.
13. Шайхуллин Т.А. Языковая репрезентация отношений между родственниками в русских и арабских паремиях / Т.А. Шайхуллин // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2011. – № 4(26). – С. 237–246.
14. ถ้ายาณี ถัดโตปการกิต. ส่วนวนจีน : ภาพสะท้อนโลกทัศน์ของชาวจีนต่อสตรีจีน / ถ้ายาณี ถัดโตปการกิต // วารสารจีนศึกษา มหาวิทยาลัยเกษตรศาสตร์, 2020. – No.13(1). – น. 271–301.
15. นูรีดา อิบนิสุลย์มาน. ภาพสตรีในสุภาษิตมลายู / นูรีดา อิบนิสุลย์มาน // วารสารอักษรศาสตร์, 2022. – No.51(1), – น. 60–77.
16. วิลาลีนีย์ แฟงยงค์. ภาพผู้หญิงที่สะท้อนผ่านสุภาษิตอิตาลี / วิลาลีนีย์ แฟงยงค์ // วารสารอักษรศาสตร์, 2021. – No.50(1), – น. 83–104.
17. วรารัตน์ มหามนตรี. ภาพสะท้อนโลกทัศน์ของคนไทยต่อผู้หญิง / วรารัตน์ มหามนตรี // วารสารอารยธรรมศึกษา ใจง-สาละวิน, 2014. – No.5(2), – น. 9–58.
18. อาทิตย์ จิตรโท. ภาพลักษณ์ในเชิงลบของผู้หญิงในสุภาษิตสเปน / อาทิตย์ จิตรโท // วารสารมนุษยศาสตร์สังคมศาสตร์ มหาวิทยาลัยขอนแก่น, 2015. – No.31(1), – น. 131–146.

19. อุบล เทศทอง. โลกทัศน์ต่อชายหญิง : ภาพสะท้อนจากภายติเขมร / อุบล เทศทอง // วารสารดำรงวิชาการ คณะโบราณคดี มหาวิทยาลัยศิลปากร, 2005. – No.4(2), – น. 131–155.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – СПб.: М.О. Вольф, 1879. – Т.1.
21. Allposlovicy. Пословицы о женщинах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://allposlovicy.ru/jenshchina/> (дата обращения: 24.05.2025).
22. Millionstatusov. Пословицы про женщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://millionstatusov.ru/poslovitsi/zhenshiny.html> (дата обращения: 24.05.2025).
23. Moiposlovicy. Пословицы о женщине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://moiposlovicy.ru/zhenschina.html> (дата обращения: 24.05.2025).
24. Slavclub. Сборник пословиц и поговорок про женщину для детей и взрослых [Электронный ресурс]. – Режим доступ: <http://slavclub.ru/poslovicy-i-pogovorki/pro-zhenshhin> (дата обращения: 24.05.2025).

REFERENCES

1. Anikin V.P. (1975). Poslovitsa [Proverb]. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Soviet Encyclopedia (In Russian).
2. Bychkova E.A. (2020). Gendernyye stereotipy v poslovitsakh i pogovorkakh russkogo yazyka [Gender stereotypes in the proverbs and sayings of the Russian language]. Novyye gorizonty rusistiki [New Horizons of Russian Studies], 9, 9–14 (In Russian).
3. Grichenko L.V. (2021). Paremicheskyy diskurs: stanovleniye ponyatiya. osnovnyye kharakteristiki [Paremic discourse: formation of the concept, basic characteristics]. Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki [Humanitarian and social sciences], 4, 109–116. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-87-4-109-116 (In Russian).
4. Kovynova M. Pochemu govoryat «baba s vozu – kobyle legche»? [What is the meaning behind the saying "A woman off the cart makes it easier for the mare"?]. Retrieved from <https://www.culture.ru/s/vopros/baba-s-vozu-kobyle-legche/> (In Russian).
5. McCormack E. (1990). Kognitivnaya teoriya metafory [Cognitive Theory of Metaphore], Teoriya metafory [Metaphore Theory]. Moscow: Progress. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/paremiologicheskii-fond-russkogo-yazyka-kak-otrazhenie-kultury-naroda> (In Russian).
6. Panteleeva O.O., & Rybak A.M. (2011). Paremiologicheskyy fond russkogo yazyka kak otazheniye kultury naroda [The Paremiological Fund of the Russian Language as a reflection of the culture of the people]. Aktualnyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Actual problems of humanitarian and natural sciences] (In Russian).
7. Pushchaev Yu. Zhenshchina: sotvorennaya iz rebra muzhchiny? [Woman: created from the ribs of a man?]. Retrieved from <https://foma.ru/zhenshhina-sotvorennaya-iz-rebra-muzhchinyi.html> (In Russian).
8. Tokareva N.A., Kirillova T.S., & Konnova O.V. (2019). Gendernyye kontsepty «zhenshchina. mat. devushka» v russkoy, angliyskoy i kitayskoy frazeologii [Gender concepts of «woman, mother, girl» in Russian, English and Chinese phraseology]. Vestnik Kalmytskogo universiteta [Bulletin of Kalmyk University], 1(41), 110–116 (In Russian).
9. Trusov M. Sem pyatnits na nedele: znacheniye i proiskhozhdeniye vyrazheniya [Seven Fridays a week: the meaning and origin of the expression]. Retrieved from <https://dzen.ru/media/id/5c1b6cb3d07efb00a93f3b7a/sem-piatnic-na-nedele-znachenie-i-proishojdenie-vyrazhenia5edf24d375cc01341718705a> (In Russian).
10. Fomicheva A.P. (2020). Rol poslovits i pogovorok v formirovani obaza zhenshchiny v russkoy yazykovoy kartine mira [The role of proverbs and sayings in the formation of the image of a woman in the Russian language picture of the world]. Vserossiyskaya konferentsiya molodykh issledovateley s mezhdunarodnym uchastiyem «Sotsialno-gumanitarnyye problemy obrazovaniya i professionalnoy samorealizatsii» [All-Russian conference of young researchers with international participation "Socio-humanitarian problems of education and professional self-realization" Social Engineer-2020], 273–277 (In Russian).
11. Zhang Q. (2020). Obraz muzhchiny i zhenshchiny na primere russkoy i kitayskoy lingvokulturnykh sistem (na osnove analiza frazeologizmov) [The image of a man and woman on the example of Russian and Chinese linguocultural systems (based on the analysis of phraseological units)]. Mir nauki. kultury. obrazovaniya. [World of Science, Culture, Education], 2(81), 466–468 (In Russian).
12. Shaimardanova M.R., & Akhmetova L.A. (2021). Tsennostnaya reprezentatsiya gendernykh stereotipov posredstvom paremiy. sodержashchikh nominatsiyu pola (na materiale angliyskikh i russkikh poslovits) [Value representation of gender stereotypes through paroemias containing gender nomination (based on English and Russian proverbs)]. Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Theories and practice issues], 14(10), 3249–3254 (In Russian).

13. Shaikhullin T.A. (2011). Yazykovaya reprezentatsiya otnosheniy mezhdu rodstvennikami v russkikh i arabskikh paremiyakh [Linguistic representation of relations between relatives in Russian and Arabic proverbs]. Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologicheskiye nauki» [Bulletin of the Tatar State Humanitarian and Pedagogical University. Series "Philological Sciences"], 4(26), 237–246 (In Russian).
14. Kittopakarnkit K. (2020). ām-nuuan jeen pāap sā-tŃn lŃhk tāt kŃng chāao jeen dtŃr sāt-dtree jeen [Chinese Idioms: The Worldviews of Chinese toward Chinese Women]. wāa-rā-sāan jeen sĕuk-sāa mā-hāa wĭt-tā-yāa-lai gā-sĕt sāat [Chinese Studies Journal Kasetsart University], 13(1), 271–301 (In Thai).
15. Ibni Sulaiman N. (2022). pāap sāt-dtree nai sŭ-pāa-sĭt mā-lāa-yŃo [The Portrayal of Women in Malay Proverbs]. wāa-rā-sāan āk-sŃr-rā-sāat [Journal of Letters], 51(1), 60–77 (In Thai).
16. Faengyong W. (2021). pāap pŃo yĭng tĕe sā-tŃn pāan sŭ-pāa-sĭt i-dtaā-liāan [The Portrayal of women in Italian proverbs]. wāa-rā-sāan āk-sŃr-rā-sāat [Journal of Letters], 50(1), 83–104 (In Thai).
17. Mahamontri W. (2014). pāa-sĭt sām-nuuan pāap sā-tŃn lŃhk tāt kŃng kon tai dtŃr pŃo yĭng [Proverb Idiom: Reflection of the Worldviews of Thai People against Women]. wāa-rā-sāan āa-rā-yā-tam sĕuk-sāa kŃhng sāa-lā win [Mekong-Salween Civilization Studies Journal], 5(2), 9–58 (In Thai).
18. Jittho A. (2015). pāap-lāk nai cherng lŃp kŃng pŃo yĭng nai sām-nuuan sŭ-pāa-sĭt sā-bpen [Bad Images of Women in Spanish Proverbs]. wāa-rā-sāan mā-nŭt sāat sāng-kom sāat mā-hāa wĭt-tā-yāa-lai kŃn gāen [Journal of Humanities and Social Sciences (HUSOKKU)], 32(1), 131–146 (In Thai).
19. Tedtong U. (2005). lŃhk tāt dtŃr chāai yĭng pāap sā-tŃn jāak pāa-sĭt kā-mĕn [Gender world view: reflection in Khmer proverbs]. wāa-rā-sāan dam-rong wĭ-chāa gaan kā-nā boh-raan kā-dee mā-hāa wĭt-tā-yāa-lai sĭn-lā-bpāa-gon [Damrong Journal of The Faculty of Archaeology Silpakorn University], 4(2), 131-155 (In Thai)

Поступила в редакцию 20.06.2025 г.

IMAGE OF WOMAN IN RUSSIAN PROVERBS: LINGUOCULTURAL ANALYSIS

P. Aroonoast, L.V. Selezneva

The article presents a linguistic and cultural analysis of the image of a woman in Russian proverbs. The research is aimed at determining the cultural specifics of the image of a woman in the Russian mind, as well as gender stereotypes reflected in proverbs. The language corpus includes 251 paremias. The study revealed the following constant characteristics: emotionality, cunningness, treachery, conflictness, unpredictability and variability of desires, talkativeness, stubbornness, low intelligence, domesticity, thriftiness, attractive appearance. Both negative and positive features of the female image are presented. The study demonstrates that language acts as an important tool for reinforcing gender stereotypes and reflects traditional views about the female role in society.

Key words: image of woman, proverbs, paremias, Russian, cultural linguistics, metaphor, evaluative connotation.

Аруноаст Парит.

Кандидат филологических наук.
Университет Таммасат, Королевство Таиланд,
г. Бангкок.
Преподаватель отделения «Россиеведение и
Евразиеведение», факультет свободных искусств.
ORCID 0009-0003-3218-369X.
E-mail: parit.a@arts.tu.ac.th.

Селезнева Лариса Васильевна.

Доктор филологических наук, доцент.
Государственный Институт русского языка им.
А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация.
Профессор кафедры русской словесности и
межкультурной коммуникации.
ORCID 0000-0002-8546-6496.
E-mail: loramuz@yandex.ru.

Aroonoast Parit.

Candidate of Philology.
Thammasat University, the Kingdom of Thailand,
Bangkok.
Lecturer of Russian and Eurasian Studies
Department, Faculty of Liberal Arts.
ORCID 0009-0003-3218-369X.
E-mail: parit.a@arts.tu.ac.th.

Selezneva Larissa Vasilievna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow,
Russian Federation.
Professor at Department of Russian Literature and
Intercultural Communication.
ORCID 0000-0002-8546-6496.
E-mail: loramuz@yandex.ru.

Научная статья

УДК 82.0: 821.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.16159196

ДЕФОРМАЦИЯ ЖАНРА: ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДНЕВНИК В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРЫ

© 2025 А.В. Давыдова-Белая

ORCID 0009-0003-1007-2614

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматриваются модификации жанра писательского дневника авторов литературного сайта «Проза.ру». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения жанра, вытесняемого блогами в условиях интернет-культуры, с целью понимания механизмов деформации как приспособления к технологически измененному контексту. Исследование объединяет методологию структурно-семиотического, нарративно-психологического и аналитического подходов, что углубляет дифференциацию канонического дневника с его автотерапевтичностью, а также его жанровых модификаций. Среди последних обнаружены такие варианты, как злободневные дневниковые рефлексии, философские рефлексии, дневники цитатного типа, а также ироничные четверостишия. Варианты дневниковых записей во многих случаях выполняют функцию художественной лаборатории писателя. Несмотря на кажущуюся старомодность жанра на фоне активного развития блогов в социальных сетях, жанр дневника адаптируется и продолжает свое развитие на «Проза.ру». Перспективой дальнейших исследований является рассмотрение «сквозного дневникового дискурса» нескольких хронологических срезов и сопоставление с синхронными печатными писательскими дневниками, а также более глубокий стилистический анализ отдельных писательских дневников.

Ключевые слова: дневник, Проза.ру, интернет-культура, деформация жанра, канонический жанр, варианты, автотерапия, блог.

Для цитирования: Давыдова-Белая А.В. Деформация жанра: писательский дневник в условиях интернет-культуры / А.В. Давыдова-Белая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 15–24. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16159196>.

Введение. Писательский дневник – сложное многоуровневое жанровое явление, реагирующее на особенности временного и географического контекста, а также тесно связанное с теми жанрами, в которых тот или иной писатель проявляет себя.

С одной стороны, при слове *дневник* возникает ассоциация с регулярными заметками личного характера, обращенными к значимым фактам человека, даже если это покупка кофе «Lavazza» и корма для кошки на фоне потока рефлексии о вечном. С другой стороны, возникает пресловутый вопрос о том, как сделаны эти контекстуально заякоренные заметки. И тогда оказывается, что разнообразный жизненный контент, который попадает в фокус внимания писателя, последовательно деконструирует жанровый канон, или нашу идею о дневнике.

В своем исследовании лингвистической модели дневника Е.В. Бузальская склоняется к определению его как гипержанра, цитируя К.Ф. Седова, который видит дневник как объединяющий различные речевые формы, сопровождающие социально-коммуникативные ситуации [2, с. 183]. Исследовательница рассматривает такие модификации, как личный (персональный) дневник, литературный дневник (дневник писателя, литературно-художественный дневник), эпистолярный дневник,

путевые заметки (путевой дневник, дневник путешественника, травелог), а также блог [2, с. 186], при этом отмечая широкую вариативность каждой модификации. Как и в первых двух вопросах о понятии дневника и дневнике, существующем в писательской практике, возникает ощущение, что канон и его современное воплощение, например, в блоге писателя, далеки друг от друга как уютный дом и подвал, с протекающим водопроводом и тараканами, а возможно, и скелетами в шкафу.

Метафора подвала не случайна, поскольку писательский дневник не обязательно имеет установку на публикацию, как утверждает исследовательница [2, с. 190]. Существует множество примеров, когда дневники писались исключительно для личного пользования или с завещанием не печатать до энного года, отличаясь принципиальным отсутствием адресата [1, с. 29; 12, с. 168]. И даже культура обнажения приватного, которую мы наблюдаем в последнее двадцатилетие и которая отражается в авторских блогах, может влиять на писательский дневник совершенно противоположным образом, а именно отбрасывая его к другим жанровым маргиналам (частушкам, виньеткам и т. д.).

Автору данной статьи импонирует гибкое отношение к дневниковому жанру как почти лирическому, «чьё основное назначение заключается прежде всего в освобождении пишущего от бремени разноплановых жизненных и житейских впечатлений, регулярная письменная фиксация которых заметно способствует авторскому психотерапевтическому саморегулированию» [11, с. 40].

В процессуальном аспекте дневник наиболее близок к терапии письменными практиками [7], поскольку помогает телесному «я» освободиться через выписывание, а наблюдающему «я» отследить этот процесс. Но нельзя исключить, что именно благодаря своей интимности, прикосновению к «теневогой структуре» личности пишущего (понятие К. Г. Юнга) в периоды технологических изменений, влияющих на процессы письма и его восприятия, дневниковые записки могут далеко отбегать от своего канона. Как отмечал Ю. Лотман, прогресс новых форм коммуникации (таких как смс, электронная почта) вызвал деградацию эпистолярной культуры [10, с. 115], и вполне очевидно, что дискурс блога сегодня деформирует жанр дневника.

Поэтому интересным и перспективным аспектом исследования дневникового жанра в современном литературном процессе представляется вопрос его адаптации в условиях интернет-культуры.

Материалы и методы исследования. Объектом данного исследования служат дневники писателей сайта «Проза.ру» последних четырёх лет; выборка представлена теми авторами, которые регулярно обращались к названной рубрике. Следует обратить внимание, что на сайте «Проза.ру» «Дневники» оформлены именно как рубрика, что заставляет автора отреагировать на данный жанр собственной текстовой интерпретацией или просто сыгнорировать его. В поле нашего исследования попадают следующие аспекты жанра: наличие сквозных мотивов и композиционных приёмов, а также позиция автора в сквозном дискурсе его дневников.

Цель статьи – осмыслить многообразие жанра публичного писательского дневника и деформации канона, происходящие в последние несколько лет (2022–2025 гг.). Методы исследования объединяют инструментарий структурно-семиотического [9; 10], а также нарративного [7] и аналитического подхода [14]. Два последних призваны углубить семиотический подход, акцентируя на автотерапевтическом моменте канонических вариантов этого жанра. Также одна из задач статьи – привлечь внимание к малоизвестным писателям и к очевидно маргинальному жанру в их творческом пространстве. Фокус внимания, обращенный к периферии жанровой системы, возможно, обнажит сложные и многообещающие процессы её обновления.

Основная часть. Первичная гипотеза данной статьи базировалась на характеристике жанра как автокоммуникативного, который имеет «целью... уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которое без записи не происходит. Обращение с текстами, речами, рассуждениями к самому себе», являясь «немой, молчаливой речью» [9, с. 68–80]. Но в процессе углублённого чтения выборки текстов автор не могла не заметить таких вариантов дневникового жанра, которые объединялись только самим названием рубрики на сайте «Проза.ру». Иными словами, настроившись на посещение подвала бессознательного, исследователь попадает в пространство тропок Борхеса и литературных цитат, не всегда отсылающих к источникам, или в зону официального пространства писателя – участника литературного процесса, фиксирующего отдельные даты и события через обезличенное «я». И можно не обратить внимания на такие отступы от канона, если бы не методологическая точка отчета – рассматривать дневник как дискурс, выстроенный сайтом «Проза.ру» как единое поле проявления нескольких авторских сознаний. В этой связи нет никакого «сора», а есть множественность точек зрения на раскрытие себя в жанре, предложенном редакцией интернет-журнала.

Научная гипотеза разбилась о многомерность текстовых реальностей и была скорректирована. Дорожная карта исследования включила в себя предварительный анализ текстов дневников, соответствующих вышеупомянутым критериям (см. описание выборки), классификации вариантов и краткого описания каждого варианта жанра с оценкой его эффективности в общем дневниковом дискурсе.

Прежде чем мы прикоснемся к дневниковым текстам, следует уточнить факты о сайте «Проза.ру». Сайт был создан в 2000 году Д. Кравчуком, в 2012 году из числа лучших авторов порталов «Стихи.ру» и «Проза.ру» была учреждена Общероссийская общественная организация «Российский союз писателей» и Д. Кравчук был избран ее президентом. Организация выступает учредителем ряда литературных премий и конкурсов, проводит множество литературных мероприятий [6]. Ежемесячное число посещения сайта – три миллиона человек [5]. Напечататься на сайте может любой автор, желающий найти своего читателя.

Интерфейс сайта «Проза.ру» максимально прост и привлекает этим как автора, так и читателя; рекламные баннеры на сайте отсутствуют, предлагая минуту передышки для свободной рефлексии, при этом сайт контролирует редакция, благодаря чему реализуются правовые акты РФ. Создатель сайта в интервью 2020 года отмечает, что здесь представлен «довольно старомодный контент – тексты, требующие вдумчивого чтения и затраты значительно больших интеллектуальных усилий, чем просмотр фотографий и видео. К счастью для творческих людей, интерес к литературе в нашем мире пока еще остался и возможность высказаться в виде литературного текста и быть услышанным до сих пор ценится» [8].

Создатель проекта вполне справедливо отмечает характерную черту – нестандартность сайта в пространстве интернет-культуры, которой свойственны динамичность, фрагментарность и наличие множества субкультур и параллельных смыслов, отсутствие иерархичности [13, с. 267–268], и которая, как полагают некоторые исследователи, является синтезом предыдущих культур [3, с. 76]. «Старомодность» контента «Прозы.ру» отражена в самой рубрике «Литературные дневники». Найти ее можно, набрав «проза ру дневники» в строке поисковика, – сразу выходим на календарь 2025 года и последние за сегодня публикации всех авторов, ведущих дневник. Таким образом можно проследить динамику развития жанра у каждого автора, перейдя на его

страницу, за весь период пребывания на сайте, а также срез дневниковых настроений всех, ведущих дневник в тот или иной год, месяц, день.

К примеру, в мае 2025 года, когда автор оформляла данную статью, 36 писателей вели свои дневниковые записи. Для сравнения, в мае 2021 года – 50, 2022 года – 46, 2023 года – 51, 2024 года – 38 человек. Выборочная проба показывает, что произошло «закрытие» дневниковой страницы многими авторами, начиная с середины 2023 года. Связано ли это с усиленной цензурой, специфическим давлением на писателей в этот период? Записи таких авторов, как Алишер Таксанов, пишущий и острые политические заметки, и сатиры с нецензурной лексикой [23], и Владимир Падейский [21] с его политическими рефлексиями, говорят о возможности открыто проявлять свое мнение. Дневниковые записи о литературе с размышлениями на политическую тематику встречаем и у Марины Сапир [22], этико-политические заметки – у Дона Борзини [18] и Эдуарда Тубакина [24], на данный момент закрывшего свою страницу.

Контрастные по отношению к доминирующим в родной стране (России и не только) идеи и ценности писателей, чьи дневники заякорены в актуальный контекст, если их рассмотреть в одной временной точке, создают впечатление многомерного дискурса. У одних писателей размышления об актуальных событиях полностью вытесняют литературу как объект осмысления, при этом «я» биографического автора и писателя отождествлены, в то время как собственно художественное представлено в надлежащих разделах. Но если войти в литературное пространство каждого автора, оказывается, что многие из них пишут публицистику, миниатюры и стихи в прозе с политической окраской. Таким образом, в раздел «Литературный дневник» часто попадают более радикальные, сатирически едкие тексты, лишённые обобщений и отслеживающие актуальные факты. Есть также случаи дублирования дневникового блога в телеграм-канале и других доступных соцсетях со ссылками на них.

Этот вариант **дневника – злободневных рефлексий** – в своем чистом виде аналогичен советским «запискам в стол». Сегодня такой жанровый вариант можно представить как один из многих элементов писательского блога, в котором литературное, публицистическое, дневниковое подаются автором вперемешку, с целью большей интриги в конструировании авторского мифа [4, с. 242]. Но дневниковый проект на «Проза.ру» отличается от классического блога писателя: «Блоги писателей существуют и как личные дневники, и как место, где время от времени размещаются новые тексты, и как медийное пространство, где писатель выражает свои взгляды на происходящее в мире, поскольку аудитория ждет от него реакции (или ее отсутствия) на актуальные события. Блог позволяет писателю не только высказываться на интересующие его темы и публиковать в свободном доступе новые тексты, но и позиционировать себя, создавая автомиф» [4, с. 242]. На «старомодном» сайте «Проза.ру» «Писательский дневник» вынесен в рубрику и за границу собственно художественного, что скорее отражает принцип литературной газеты или журнала, а не блога. Жанровое смешение в писательском блоге, о котором пишет цитируемый исследователь, здесь не случается. Но именно разделение жанров и вынуждает автора самостоятельно определять идею дневниковых записок – как продолжение собственных политических миниатюр в прозе и поэзии, или как сухих описаний событий, противоположных художественным текстам.

Кроме дневника – рефлексии на актуальные политические темы, встречаются **рефлексии философского характера**, где злободневное обобщается одной фразой [15]. Тема озвучена в названии ежедневной записи – «Дешевые люди», «Терапия и хирургия», «Еще будут», автор-ментор раскрывает себя через иерархию ценностей, часто

контрастных тенденциям современной эпохе. Интересным представляется лапидарность (однофразовость) дневниковой заметки и комментариев к ней, озвученный в названии рубрики. Создается впечатление, что название обращено к читателю, в то время как «брызги мыслей» (собственно заметка) – к ситуативным смыслам биографического автора. Сконструировать образ автора возможно, изучая эту амбивалентность его поведения и последовательность заметок.

Еще один вариант такого дневника – **чужая цитата на каждый день** [20], которая, вероятно, отсылает к авторским размышлениям, вынесенным за поля. Здесь наличествует нейтральное название ежедневной рубрики «О чтении», «О почестях», «О ненависти», «О любви» и т. д. и принцип последовательности цитат. Биографический автор полностью вытеснен цитатой, и уловить замысел и динамику жанра можно только через слепок выборки цитат и их последовательность. Автотерапевтическая функция письменной практики слива (которая имеет место в классическом жанре дневника с его исповедальной интимностью и даже в таком минималистском его варианте, как упомянутые выше «брызги мыслей») здесь вынесена за скобки. Исцеляющая роль отдана чужому слову, что ассоциируется с гипертекстовостью и анонимностью интернет-культуры. Цитатный дневник может быть и более персонализированным: например, название отсылает к цитируемому автору, а сам контент – это собственно цитата и ее контекстуальное поле [26]. Здесь также присутствует момент «полезности» коллекции цитат с их отсылками на тексты и вкрапления личных обобщений (связь с постами в стиле «Сто лучших книг»). Автор как личность обобщается благодаря динамике перехода от цитаты к цитате, контрасту цитат в одной записи и коротким комментариям.

Отсутствие принципиальной границы между «Дневником писателя» и художественными текстами отличает автора **ироничных четверостиший**, включенных как в рубрику дневников, так и в поле собственно литературного творчества [25]. Четверостишия дневника более близки к низовым жанрам, и нельзя исключить, что эти четверостишия отсылают к ассоциациям личного плана автобиографического автора. Но это является только лишь предположением, поскольку скрепы ассоциативности вынесены за границы таких дневников. В рубрику «Писательский дневник», возможно, попадают также тексты, далекие от художественности в понимании автора, но являющиеся **частью творческой лаборатории**, где возвращаются более завершенные и сложные произведения.

И наконец, **классический дневник**, с которым писатель делится личными интимными переживаниями, признаваясь в слабости, сложности, обнажая не редко болезненное видение окружающего мира. Тексты, не нацеленные на художественность, но благодаря прикосновению к теневым сторонам личности, к вытесненным мотивам, образам, становятся художественными, почти лирическими и автотерапевтическими. В выборке данной статьи они представлены несколькими писательскими дневниками, на которых остановимся подробнее.

В дневнике Алии Берш находим образцы автотерапевтического слива, внутреннего монолога автора, обращенного к нему самому: *«Откуда вообще появилась эта неуверенность в себе? Почему именно сейчас? "Тварь ли я или право имею" – вопрос, который с завидным постоянством крутится у меня в голове, не давая покоя. В шаге от реализации мечты, я внезапно осознаю, что нет... наверное, я всё-таки не имею этого самого права, ибо не смогу, не осилю... Червь сомнения грызет меня изнутри, провоцируя и без того хроническую бессонницу. Вот если б можно было сбросить себя до "заводских настроек" и вернуться в "старую" версию себя – всё было бы гораздо проще в плане принятия решения. Вот где мне теперь искать эту потерянную фиг*

знает где уверенность в себе? Куда всё подевалось? Как мне объяснить людям, почему я так трусливо шагаю... назад? Я даже себе не могу этого объяснить. Просто не понимаю», запись от 20.08.2023 [17]. При этом не случайны отсылки к расхожим цитатам литературного и коучингового контекста, поскольку речь идет о процессе отслаивания себя-аутентичного от своей неуверенности и «наносного» в структуре личности. «Заводские настройки», вероятно, ассоциируются с первозданной собой, цельной и знающей, в то время как трусость, неуверенность, сомнение – качества наносной личности (персоны) или её теневой структуры.

Интересной особенностью канонического дневника, даже в условиях его публикации онлайн, является наличие сквозных мотивов, тем, к которым автор неуклонно возвращается во многих ситуациях. В данном случае – мотив подлинности и искусственного подражания или лицемерия в записи от 26.08.2023: *«Это особенно чувствуется, когда человек, который "тоже очень любит Достоевского", не может при этом вспомнить ни одного персонажа. Возможно, кто-то посоветует не обращать внимания: "Да брось! Это же обычное детское поведение. Ну подыграй ты в этой песочнице". Да, насчет поведения согласна. Только вот "играть" с такими людьми мне как-то совсем не хочется. Ну не по кайфу мне такое вот фейловое общение – пустая трата времени. Хочется видеть перед собой человека с собственным мнением, привычками, желаниями, опытом, воспоминаниями – человека со своей личной историей, а не обычного подражателя...»* [17]. Можно легко заметить, что здесь отражена тема амбивалентности из предыдущей дневниковой заметки, где теневая сторона внезапно выходит наружу, оставляя автора в недоуменном раздражении. Выявленное лицемерие (обнаруженная теневая структура собеседника) во второй заметке может рассматриваться как развитие мотива амбивалентности самого автора дневника.

Ощущение двойственности и разрыва авторского сознания преодолеваются благодаря воспоминаниям детства, ассоциациям с любимым топосом и вкусом (как и обонятельная модальность, вкусовая ведет к внутреннему ребенку – наиболее аутентичной структуре личности), что видим в записи от 28.08.2023: *«А потом беззаботно лежать в позе звезды на самой верхушке душистого сеновала, наблюдая за тем, как маленький самолетик старательно чертит ровную белую линию на голубом фоне. Грызть, ни капельки не морщась, эти кислые, недозрелые яблоки с бабушкиного сада и, целясь огрызками в невидимую мишень, впервые чувствовать себя абсолютно счастливым ребенком...»* [17].

Мотив этой внутренней амбивалентности, подлежащей непрерывной рефлексии, отличает и писательницу Машу Быкову: *«Где-то, прямо в глубине своего существа, человек обычно знает, куда ему следует идти и что следует делать. Но бывают случаи, когда клоун, которого мы называем "я", ведет себя настолько отвлекающим образом, что внутренний голос не может дать о себе знать»*, запись от 25.10.2023 [19]. Здесь противопоставлены глубинное, осознающее «я» и персона (клоун). Интересно отметить, что образ клоунов и лицемеров, смеющихся в рекламе, тема комфорта, искусственности противостоят теме аутентичности, детскости и боли (одна из дневниковых записок поглощена цитатой протоиерея Евгения Попиченко; в контексте лирически интимных заметок Маши Быковой эта цитата звучит в унисон с голосом автора дневников).

Глубокая исповедальность дневниковых заметок писательницы встречается с внезапным ostranением собственного голоса и выходом на другой уровень коммуникации автора и читателя: *«Жизнь на-половину. Троечница по жизни. Жена – 3. Творческий – 3. Мать – 3. Человек – 3. Троечники хуже двоечников. Те – определенные лентяи и не стремятся ни к чему. А тройка это показатель отсутствия способностей.*

Это хуже, чем безделье. Перечитываю свои события, что остались в памяти и понимаю, что для всех это словно "жалобная книга". Но нет, это книга человеческой боли. Мне было очень больно. Мне до сих пор больно. И жизнь уже прожита, а я не смогла переварить эту боль. О, похоже, я и вправду жалуясь», запись от 23.04.2023 [19].

Детскость, лиричность, автоирония отражают внутреннюю спонтанность дневниковых «сливов». Мир преломляется через сознание автора дневника, и именно внутренняя реальность и рефлексия на ее процессы становятся основой дневниковой ткани в этом варианте жанра. Дневник в таком понимании – это близкий друг и собеседник, и читатель прикасается к процессу автотерапии. Периодическое «включение» точки зрения другого необходимо здесь, в первую очередь, для понимания границ внутреннего пространства – ценностных, эмоциональных, ментальных, а также сложности внутренней структуры личности. Такой тип дневника наиболее последовательно ассоциируется читателем с понятием дневниковых записок. Близкий к нему жанр – лирическая миниатюра.

Несколько отличается вариант писательского дневника В. Беленко [16], который можно охарактеризовать как **фактологическую дескрипцию**. Возможно, такой тип дневниковых заметок отражает экстравертную личность биографического автора, вовлеченного в делание, претворение реальности. В то время как предыдущие писательницы больше ориентированы на внутренние процессы и их наблюдение. Писательский дневник В. Беленко переполнен фактами, обозреваемыми событиями, ассоциациями с родовым и историческим прошлым, в нем много внешних стимулов, переработанных рефлексией педагога, оральной личности, энергичной и подвижной. В этих дневниковых заметках множество воспоминаний, вызванных через зрительную ассоциацию, и поэтому мотив противопоставления дорогого прошлого и быстро проходящего настоящего становится сквозным.

Энергичность заметок ощущается благодаря типичным дневниковым зачинам с элементом действия – *иду, смотрю, не приду в себя, вернулась*, или наблюдения за картинкой – *Москву замело, дождь зарядил*. Дневник пишется регулярно, иногда перед уроками, чаще дома перед окном. Этот вариант дневника имеет выраженную ориентацию на читателя, которому хочется рассказать и донести наблюдаемое. Существует непосредственная связь между дневниковой лабораторией и рассказами писательницы. В дневниках – потоки наблюдений, но уже в них зарождаются зерна нарративных ходов. Также и проза писательницы отличается склонностью к зрительным деталям и простотой речевого оформления. Безусловно, дневники В. Беленко также автотерапевтичны, но принцип этих записей – фиксация воспринятой реальности, прикосновение к ней и последующее отталкивание от записанного к формированию художественных текстов.

Заключение. Подытоживая наблюдения за модификацией жанра писательского дневника в дискурсе «Прозы.ру» последних четырех лет, можно отметить, что деформация этого маргинального явления на фоне ориентированной на блог интернет-культуры, проходит на нескольких уровнях. Каноничная модель дневниковых записей представлена небольшой группой писательниц, и здесь определяется условно «лирический» и «эпический» (фактологически-дескриптивный) варианты. Если первый тяготеет к письменным практикам терапии, интуитивен, автопоэтичен, то второй обращен вовне и склоняется к нарративности. Эти дневники тесно связаны с художественными текстами авторов и могут рассматриваться как лаборатория потенциальных лирических миниатюр.

У большинства авторов, регулярно ведущих дневник на «Прозе.ру», жанровый канон деформируется, приобретая черты злободневных или философских рефлексий, сатирических стихов или дневниковых цитат. На первый план выходит ценностная позиция автора по отношению к событийным процессам, исчезает авторефлексия, минимизируется художественность. В некоторых случаях и здесь можно проследить взаимосвязь между регулярными записями в дневнике и прозой, публицистикой, поэтическими сатирами.

Таким образом, с одной стороны, понятие дневника и его каноническая форма сохраняется у небольшой группы писательниц. С другой стороны, множатся жанровые модификации (злободневные дневниковые рефлексии, философские рефлексии, различные варианты дневников цитатного типа, ироничные четверостишия), что свидетельствует о приспособлении писательского дневника в условиях дигитализации культуры. Даже несмотря на кажущуюся старомодность жанра на фоне присутствия более динамичных блогов в социальных сетях, жанр дневника продолжает свое развитие на «Прозе.ру». Перспективой дальнейшего исследования может быть рассмотрение «сквозного дневникового дискурса» отдельных хронологических периодов и сопоставление его с синхронными печатными писательскими дневниками того же временного среза. Также ценным и необходимым представляется более глубокий стилистический анализ писательских дневников отдельных авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Е.В. Языковые особенности жанра дневника / Е.В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 1 (1): В 2-х ч. – Ч. I. – С. 28–33.
2. Бузальская Е.В. Гипержанр «Дневник»: основные варианты модели / Е.В. Бузальская // Жанры речи. – 2019. № 3 (23). – С. 183–192. – DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-183-192>.
3. Губанова О. Интернет-культура как информационно-коммуникативная среда XXI века / О. Губанова, П.Н. Куршев, Г.М. Кириллов // Вопросы студенческой науки. – Вып. №1 (41), 2020. – С.70–76.
4. Гудов В.А. Затекст – автомиф – литературная репутация / Феномен затекста = The Phenomenon of Aftertext: монография / под общ. ред. Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – С. 241–251.
5. О Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://o.proza.ru/> (дата обращения: 17.05.2025).
6. Кравчук Д. 'СТИХИ.РУ' и 'ПРОЗА.РУ' – электронный канал общения авторов современной литературы [Электронный ресурс] / Д. Кравчук. – Режим доступа: <https://www.unkniga.ru/innovation/tehnology/761-qq-qq-.html> (дата обращения: 17.05.2025).
7. Кутузова Д. Письменные практики [Электронный ресурс] / Д. Кутузова. – Режим доступа: <https://pismennyepraktiki.com/author> (дата обращения: 17.05.2025).
8. Лебедева Н. Как порталы Стихи.ру и Проза.ру задают тренды в современной литературе. [Электронный ресурс] / Н. Лебедева. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/03/kak-portaly-stihiru-i-prozaru-zadaiut-trendy-v-sovremennoj-literature.html> (дата обращения: 17.05.2025).
9. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры: в 3 т. – Т. 1. – Таллин: Александрия, 1992. – С. 77–90.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи, исследования, заметки / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2010. – 152 с.
11. Прозоров В.В. Дневник как лирический речевой жанр // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 34–41. – DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-34-41>.
12. Салханова Ж.Х. Дневник как литературный жанр / Ж.Х. Салханова, А.С. Утебекова // Неофилология, 2020. – Т.6, № 22. – С. 368–376. – DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-368-376.
13. Фаблинова О.Н. Интернет-культура как социальный феномен современности / О.Н. Фаблинова // Социологический альманах. – 2015. – С. 264–270. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kultura-kak-sotsialnyy-fenomen-sovremennosti> (дата обращения: 17.05.2025).
14. Brington-Perera S. The Scapegoat Complex: Toward a Mythology of Shadow and Guilt / S. Brington-Perera. – Toronto: Inner City Books, 1986. – 132 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Баранов В.А.: литературный дневник / В.А. Баранов // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/mentor00> (дата обращения: 19.05.2025).
16. Беленко В.: литературный дневник / В. Беленко // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/superlera57> (дата обращения: 19.05.2025).
17. Берш А.: литературный дневник / А. Берш // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/bambouk> (дата обращения: 19.05.2025).
18. Борзини Д.: литературный дневник / Д. Борзини // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/nuiche> (дата обращения: 19.05.2025).
19. Быкова М.: литературный дневник / М. Быкова // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/happylove14> (дата обращения: 19.05.2025).
20. Лебедев А.: литературный дневник / А. Лебедев // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/nordmann777> (дата обращения: 19.05.2025).
21. Падейский В.: литературный дневник / В. Падейский // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/calliopamoscow> (дата обращения: 19.05.2025).
22. Сапир М.: литературный дневник / М. Сапир // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/marinasapir> (дата обращения: 19.05.2025).
23. Таксанов А.: литературный дневник / А. Таксанов // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/alisher1966> (дата обращения: 19.05.2025).
24. Тубакин Э.: литературный дневник / Э. Тубакин // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/tubakineduard&s=1> (дата обращения: 19.05.2025).
25. Френклях Г.: литературный дневник / Г. Френклях // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/avtor/zvibendov> (дата обращения: 19.05.2025).
26. Юрченко М.: литературный дневник / М. Юрченко // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/diary/marinna1970&s=281> (дата обращения: 19.05.2025).

REFERENCES

1. Bogdanova J.V. (2008) Jazykovye osobennosti zhanra dnevnika [Language features of the diary genre]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1, Vol.1, 28–33. (In Russian)
2. Buzalskaja J.V. (2019). Hyperzhanr “Dnevnik”: osnovnye varianty modeli [Diary: Main Variants of the Genre]. *Zhany rechy*, 3 (23), 183–192. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-183-192> (In Russian)
3. Gubanova O., & Kurshev P.N., Kirillov G.M. (2020). Internet-kultura kak informatsionno-kommunikativnaya sreda XXI veka [Internet culture as an information and communication environment of the 21st century]. *Voprosy studentcheskoj nauki*, 1 (41), 70–76 (In Russian)
4. Gudov V.A. (2001). Zatekst – avtomif – literaturnaja reputacija [Subtext – automyth – literary reputation]. In T.A. Snigiriova, A.V. Podchinionova (Ed.), *Fenomen zateksta* [The Phenomenon of Aftertext] (pp. 241–251). Ekaterinburg: Ural University Publishing House (In Russian)
5. Informatsiya o sajte Proza.ru [Information about the site Proza.ru]. Retrieved from <https://o.proza.ru/> (In Russian)
6. Kravchuk D. 'Stichi.ru' i 'Proza.ru' – elektronnyj kanal obshchenija avtorov sovremennoj literatury ['Stichi.ru' and 'Proza.ru' as electronic communication channel for authors of contemporary literature]. Retrieved from <https://www.unkniga.ru/innovation/tehnology/761-qq-qq-.html> (In Russian)
7. Kutuzova D. Pis'mennye praktiki [Writing practices]. Retrieved from <https://pismennyepraktiki.com/author> (In Russian)
8. Lebedeva N. Kak portaly Stichi.ru i Proza.ru zadajut trendy v sovremennoj literature [How the portals Stichi.ru and Proza.ru set trends in modern literature]. Retrieved from <https://rg.ru/2020/11/03/kak-portaly-stihiru-i-prozaru-zadajut-trendy-v-sovremennoj-literature.html> (In Russian)
9. Lotman J.M. (1992). O dvuh modeliah kommunikatsyi v sisteme kultury [About two models of communication in the cultural system]. In J.M. Lotman. *Statji po semiotike i tipologii kultury* [Articles on semiotics and topology of culture] (pp. 77–90). Tallin: Alexandria (In Russian)
10. Lotman J.M. (2010). Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri mysljashchih mirov. Statji, issledovanija, zametki [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds: Articles, Research, Notes]. Sankt-Petersburg: Iskusstvo-SPB, 152 p. (In Russian)
11. Prozorov V.V. (2019). Dnevnik kak liricheskiy rechevoj zhanr [Diary as a lyrical speech genre]. *Zhany rechy*, 1 (21). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-34-41> (In Russian)
12. Salhanova Zh.H., & Utebekova, A.S. (2020). Dnevnik kak literaturnyj zhanr [Diary as a literary genre]. *Neofilologija*, 6 (22), 368–376. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-368-376 (In Russian)

13. Fablinova O.N. (2015). Internet-kultura kak sotsialnyj fenomen sovremennosti [Internet culture as a social phenomenon of modern times]. Sotsiologicheskij almanah, 264–270. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kultura-kak-sotsialnyy-fenomen-sovremennosti> (In Russian)

14. Brington-Perera S. The Scapegoat Complex: Toward a Mythology of Shadow and Guilt. Toronto: Inner City Books, 1986, 132 p. (In English).

Поступила в редакцию 19.05.2025 г.

DEFORMATION OF GENRE: WRITER'S DIARY IN INTERNET CULTURE

A.V. Davydova-Belaya

The paper examines modifications of the genre of the writer's diary of the literary site Proza.ru. The relevance of the paper is due to the need to study the genre, which is being displaced by blogs in the context of Internet culture and to understand the mechanisms of deformation as an adaptation to a technologically changed context. The study combines the methodology of structural-semiotic, narrative-psychological, and analytical approaches that help to distinguish the canonical diary with its autotherapeutic nature and its genre modifications. Among the latter, such variants as topical diary reflections, philosophical reflections, quotation-type diaries, and ironic quatrains were found. Variants of diary in many cases perform the function of the writer's artistic laboratory. Seemingly old-fashioned, the genre of diary is getting adapted and is developing on Proza.ru at the background of the blogs' active evolution in social networks. The prospects for further research include examining the "cross-cutting diary discourse" of several chronological layers and comparing it with synchronous printed writers' diaries, as well as a more in-depth stylistic analysis of individual writers' diaries.

Key words: diary, Proza.ru, Internet culture, genre deformation, canonical genre, variants, autotherapy, blog.

Давыдова-Белая Анна Викторовна.
Доктор филологических наук, профессор.
Донецк, Российская Федерация.
ORCID 0009-0003-1007-2614.
E-mail: annabila@mail.ru.

Davydova-Belaya Anna Viktorovna
Doctor of Philology, Professor.
Donetsk, Russian Federation.
ORCID 0009-0003-1007-2614.
E-mail: annabila@mail.ru.

Научная статья

УДК 811.113

DOI: 10.5281/zenodo.16222581

О «СРЕДИННОЙ» АКЦЕНТНОЙ ПАРАДИГМЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО УДАРЕНИЯ

© 2025 А.М. Белов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ORCID: 0000-0003-2525-7083.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена сравнительно-исторической проблематике реализации индоевропейских акцентных парадигм в древнегреческом языке. В центре внимания, во-первых, вопрос о том, насколько значимо применение метода акцентных парадигм для древнегреческого ударения, и, во-вторых, проблема числа акцентных парадигм в раннюю и позднейшую эпохи. На первый вопрос дается совершенно утвердительный ответ: без применения методологии акцентных парадигм корректно описать древнегреческое ударение (по крайней мере, в системе именного склонения) не получится. Утверждается, что для относительно раннего состояния в древнегреческом именном склонении следует выделять окситонную и баритонную парадигму, унаследованные из более древнего состояния. Для решения второго вопроса необходимо понять, существуют ли в древнегреческом какие-то другие акцентные парадигмы, отличные от окситонезы и баритонезы. В статье критически рассматривается предложенная Ф. Проберт модель выделения срединной акцентуации в древнегреческом классическом времени. Рассматриваются одиннадцать типичных случаев такой акцентуации. Утверждается, что большая часть рассмотренных случаев относится к достаточно поздним временам, поэтому для раннегреческого система с двумя парадигмами выглядит достаточной. Однако для описания более позднего состояния число акцентных парадигм необходимо будет увеличить. Помимо этого, в работе предлагается уточненное понимание феноменов окситонезы и баритонезы в греческом, отличное от Проберт. Греческая окситонеза сохраняет древние парадигматические черты, тогда как баритонеза имеет много свойств категориального ударения. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на греческое ударение в целом и сохранить старые парадигмы, закрепив за ними новое содержание.

Ключевые слова: индоевропейская акцентология, древнегреческое ударение, просодика, окситонеза, баритонеза, акцентная парадигма, закон Вандриеса, закон Уилера.

Для цитирования: Белов А.М. О «срединной» акцентной парадигме древнегреческого ударения / А.М. Белов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 25–33. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16222581>.

Введение. Новым подходом к изучению древнегреческой акцентной системы явилось рассмотрение древнегреческого ударения в терминах акцентных парадигм, уже давно и широко используемый славистами, балтистами, санскритологами и специалистами в других индоевропейских и неиндоевропейских языках¹. Если классические работы [9; 13] предпочитают пользоваться более традиционными категориями для описания древнегреческого ударения, то уже начиная с генеративистов П. Кипарского [10] и Д. Стериadi [15] идея морфологизированных акцентных парадигм – или других близких к ним категорий – начинает применяться и в древнегреческой акцентологии.

¹ См.: [4; 5; 6; 7; 8] и многие другие работы.

Под акцентной парадигмой понимается внутриязыковая закономерность распределения словесных ударений в системе словоформ конкретных лексем; при этом базовые типы такого распределения оказываются основанием для классификации лексем соответствующего языка. Язык, акцентная система которого удовлетворяет этому принципу, считается в современной акцентологии имеющим парадигматическую акцентную систему. Так, для древнерусского языка [5] стандартно выделяются три базовых акцентных парадигмы, для литовского [6] – четыре; согласно общеизвестным положениям Московской акцентологической школы [4], все они возводятся к двум более древним парадигмам праязыка – окситонной (имеющей ударение в конечной позиции) и баритонной (сдвигающей ударение к началу слова).

Древнегреческий язык также следует рассматривать как язык, имеющий парадигматический характер акцентуации, по крайней мере в именном склонении. Это следует из того, что акцентная характеристика древнегреческого слова зависит отнюдь не только от формального устройства фонетического слова, данного в терминах мор и слогов; выбор стратегии акцентуации древнегреческого слова в очень большой степени определяется некой априорной информацией, не выводимой напрямую из устройства слова, которая, в идеале, должна составлять предмет его словарной классификации. Так, греч. *τόμος* 'отрез' и *τομός* 'резак' состоят (в синхронии классического периода) из совершенно одинаковых морфем, однако относятся к разным акцентным парадигмам: баритонной и окситонной соответственно. Отнесенность слова к той или иной парадигме позволяет вполне успешно предсказать² законы размещения ударения во всех словоформах лексем, относящихся к продуктивным для классической синхронии типам, и размещение это будет весьма различным. Напротив, древнегреческий глагол, за редчайшими исключениями отдельных форм в ряде архаических типов, формирует лишь баритонную акцентную парадигму, уподобляясь тем самым позднейшим категориальным акцентным системам.

Мы видим, что приложение парадигматических законов к греческой акцентуации совершенно необходимо и имеет большие перспективы. Отсюда в современной акцентологии возникает две важных группы проблем, связанных с этим. Во-первых, необходимо корректно описать сами древнегреческие акцентные парадигмы, выяснить их число, их особенности в различные эпохи; во-вторых, очень важной проблемой сравнительно-исторического языкознания оказывается вопрос о причинах выбора соответствующей акцентной парадигмы: почему одни слова окситонны, а другие – баритонны? Как это связано с их морфологическим и морфонологическим устройством, историей и т. д.? Может ли сравнение с другими родственными языками прояснить причины выбора парадигмы?

Основная часть. В последнее время появилось несколько крупных работ, вполне последовательно использующих этот метод в исследованиях древнегреческого ударения. Так, в работе [11], имеющей более эмпирический характер, даётся попытка объяснить акцентогенность некоторых древнегреческих суффиксов (главным образом для т.н. неподвижных парадигм 1-2 склонения) и их влияние на окситонность или баритонность тех или иных слов. В работе [1], напротив, имеющей более теоретический характер, сделана попытка построения общей (абстрактной) теории древнегреческого ударения, рассмотренного в терминах окситонной и баритонной парадигм; при этом эмпирические данные Проберт, во многом, послужили отправной точкой наших исследований в этом направлении.

² Как это сделано, например, в [1, с. 223 и слл.].

Тем не менее, между подходом Проберт и принципами, изложенными в [1], имеется ряд существенных расхождений по самым принципиальным вопросам. Один из них – это число акцентных парадигм в древнегреческом языке. Так, Ф. Проберт, обычно предпочитая не использовать термин *парадигма*, говорит как бы о трёх принципиально различных случаях древнегреческой (именной) акцентуации: это конечное ударение (\approx окситонеза), рецессивное ударение (\approx баритонеза) и «срединное ударение» (*intermediate accentuation*), которое наблюдается в случаях типа *παρθένος* или «каландовых суффиксов» типа *-ύλος*. С другой стороны, в наших работах, напротив, последовательно отстаивается разграничение именно окситонезы и баритонезы, причём окситонеза понимается не просто как ударение на последнем слоге (в начальной форме), и даже не просто как ударение на последней мере основы, но как именно морфологизированно-парадигматическое ударение [1, с. 334], противопоставленное тем самым баритонезе, рассматриваемой как немаркированное категориальное ударение «по умолчанию».

Так получается, что слова, относимые Ф. Проберт к срединной акцентуации, которые действительно имеются в наличии, казалось бы, должны противоречить высказанному в моих работах положению, что для древнегреческой акцентной системы (по крайней мере, в ее относительно раннем состоянии) достаточно выделять только две акцентных парадигмы – окситонную и баритонную. Задачей этой работы я вижу, во-первых, объяснить это кажущееся недоразумение, а во-вторых, показать принципиальную разницу между нашим подходом и подходом Филомены Проберт.

Что такое срединная позиция ударения?

В первую очередь важно отметить то, что материалом для исследований Проберт служили греческие слова, главным образом, классического и более позднего времени, когда как поле наших исследований имело существенную индоевропейскую составляющую; в центре исследования Проберт лежит эмпирическая классификация греческих слов этого (сравнительно позднего) периода и объяснение ряда акцентных аномалий с учётом лексикостатистики и морфологических данных. Задачей работы [1] было структурное объяснение формирования древнегреческой акцентной системы в её ранний период и построение некой её общей теории. Поэтому единицы классификации, принятые в обеих работах, будут существенно различаться.

Если выделение тех или иных акцентуационных типов преследует цели формальной классификации (к примеру, подобную же функцию исполняют традиционные *oxytona*, *perispomena*, *properispomena* etc.), то выделение той или иной акцентной парадигмы имеет вдобавок ещё и предсказательно-объяснительный смысл, как это имеет место в случае славянской, балтийской и многих других акцентных систем. Все эти соображения заставляют нас по-новому поставить вопрос о том, что представляют собой древнегреческие слова, имеющие т.н. «срединную акцентуацию», и составляют ли они отдельную акцентную парадигму.

В начале скажем о том, что представляют собой упомянутые баритонеза и окситонеза. Древнегреческую **баритонезу** разумно рассматривать как рецессивную акцентную схему по умолчанию, когда ударение занимает максимально удалённую от конца позицию. В древнегреческом языке ионийско-аттического диалекта, в котором, как и во многих других диалектах, действует закон крайней позиции, ударение не может уходить налево дальше третьего слога. Уже установлено, что точным определением этой позиции можно считать третью вокалическую меру от конца, если для выделения мор применяются правила, сформулированные в [1, раздел 5.3]. Ударение древнегреческой баритонезы в этом смысле оказывается категориальным по

своей природе, сохраняя, однако, в ряде особо специфических случаев некоторую зависимость от морфологических ограничений и создавая тем самым эффекты «дальней» и «ближней» баритонезы.

Под «ближней» баритонезой понимаются случаи размещения баритонного ударения на третьей вокалической море, лежащей во втором слоге от конца (*ἀρχαῖος*). Под «дальней» баритонезой понимаются случаи размещения ударения на третьей вокалической море в третьем слоге от конца, причем так, что второй оказывается безударной неконечной долготой (*βέβαιος, ἔλυσσα*)³.

Окситонеза, напротив, представляет собой реликты парадигматической системы, сохранившейся в древнегреческом языке ещё с ранних времен (*θυμός* при скр. *dhūmās* 'дым'), либо в ряде случаев инновации, построенные по аналогии к этим древним явлениям и повторяющие их фундаментальные свойства. К таковым свойствам следует относить: 1) стремление к акцентуации конца слова (в идеале – последняя мора основы), 2) стремление к колумнальности (в идеале – сохранение ударения на той же море во всех продуктивных формах)⁴ и 3) морфологическая обусловленность.

Наша модель, продолжая некоторые идеи Д. Стериadi, предполагает, что в случае нахождения в исходе слова доступной для ударения акцентогенной морфемы, это слово будет приобретать окситонезу, тогда как отсутствие таковых морфем или потеря ими акцентуации будет приводить к переходу слова в баритонезу. Примером такой (почти) минимальной пары для ионийско-аттического будут случаи типа *θυμός* 'дух, дыхание' (отглагольное существительное от *θύω* 'дуть' > 'дымить, воскурять, приносить жертву') при *θύμος* 'тимьян, душица' ('пахучее растение' с потерянной отглагольной мотивацией). Ещё более радикальный пример дают нам данные эолийского диалекта греческого, в котором была утрачена акцентуация всех конечных морфем, что привело к развитию повальной баритонезы в этом диалекте.

В связи с вышесказанным, именно функциональные особенности ударения в данном типе слов, а вовсе не буквально рассмотренная его позиция в номинативе должна служить основанием для выделения слова как окситона. Так, например, в древнегреческом языке имеется великое число окситонных форм с ударением не на последнем слоге – например, слова «подвижного» 3-го склонения (типа *ἀσπίς* > *ἀσπίδος*), у которых морфонологизированное ударение колумнально занимает одну и ту же мору конца основы, оказываясь при этом в большинстве форм во втором слоге. Можно спорить, новый ли это окситон или старый, но сама окситонность его не вызывает сомнения. Аналогично как окситоны разумно рассматривать сложные слова с ударением на втором компоненте (типа *ἱερολόγος* 'говорящий священное', 'прорицающий'), в чём мы вполне следуем некоторым трактовкам, высказанным ещё П. Кипарским в 1973 году.

Сделав эти оговорки, посмотрим теперь на важнейшие случаи т.н. «срединной акцентуации» и задумываемся, составляют ли они отдельную акцентную парадигму для раннегреческого и для позднеклассического времени.

³ Похоже, что упомянутые эффекты «дальней» и «ближней» баритонезы есть проблема не ударения, но морного членения фонетического слова в условиях морфонологической осложнённости. Подробнее см. в связи с «околоавандриесовской» проблематикой ([1, раздел 5.7.1.3]; новейшая работа по этой теме [3]).

⁴ Архаические (непродуктивные) образования (типа односложных *θήρ, θηρός* 'зверь'; *πατήρ, πατρός* 'отец') видоизменяют этот пункт таким образом, что колумнальность зависит от группы падежей, в которых стоят словоформы; соответственно, косвенные падежи демонстрируют сдвиг ударения вправо на одну позицию по сравнению с прямыми.

Важнейшие случаи «срединной акцентуации».

Если для признания того факта, что окситонеза (типа *καλός*, *θυμός*) имеет самостоятельное положение в ионийско-аттическом диалекте, никаких доказательств, видимо, не требуется, то проблема самостоятельности срединной позиции ударения в действительности гораздо более сложна, чем представляется на первый взгляд.

Под ударением в срединной позиции я буду понимать исключительно тот случай, когда ударение ионийско-аттического диалекта (а точнее, койне) занимает вторую от конца вокалическую мору, расположенную не в последнем слоге и взятую с условием высказанных выше оговорок. Иными словами, речь идёт о случаях типа *ὀλίγος* 'немногий', *παρθένος* 'дева') и т.д. Зададимся вопросом, насколько срединная позиция ионийско-аттического слова была свободна для постановки в неё ударения.

Какие же есть наиболее распространённые типы слов, имеющих срединное ударение? Вот важнейшие из них, собранные по различным источникам, главным образом – по сформированному мной подкорпусу раннегреческих текстов.

1. Слова на с суффиксами *-ίλο-*, *-ύλο-*, послужившие специальным объектом исследований Филомены Проберт [11, p. 209 sqq.]. Это такие образования, как *ποικίλος* ('пёстрый'), *στρογγύλος* ('круглый') и т.д. Всего слов этого типа со срединным ударением известно порядка трёх десятков; в подавляющем большинстве случаев (точнее практически во всех) ударение перенесено на второй слог с последнего по закону Уилера⁵. По данным Проберт имеются два надёжных слова этой категории, представляющие собой трибрахий и потому не могущие подчиниться закону Уилера: *τροχίλος* ('Egyptian plover', 'бегунок (птица)') и *φρυγίλος* ('зяблик'). Их акцентуацию можно объяснить аналогией, когда, после окончания действия закона Уилера, акцентуация этих слов стала восприниматься как обязанная своим происхождением суффиксу (т.е. возникла как бы «новая окситонеза»).

2. Образования с уменьшительным суффиксом *-ιον*: *βιβλίον*, а также слова с омонимичным исходом *-ιον*: *άντιον*, *πλησίον*. Позднее широкое распространение первых очевидно, но некоторые из них есть у Гомера: *τείχιον* (Od. 16, 165, 343), *ίνιον* (Il. 5, 73), *πηνίον* (Il. 23, 762), *έρκίον* (Il. 9, 476; Od. 18, 102), *ίστίον* (Il. 1, 481; Od. 2, 427), *νυμφίον* (Od. 7, 65), *άμνιον* (?) (Od. 3, 444). Есть имена: *Κλυτίον* (Il. 3, 147; Il. 20, 238), *Σχεδίον* (Il. 15, 515, Il. 17, 306, Il. 20, 13), *Στιχίον* (Il. 15, 515), исконное ударение которых крайне сомнительно. Но основную массу составляют формы *(έν)αντίον*, *πεδίον*, *πλησίον*, *μυρίον*, употреблённые в использованном корпусе соответственно 114, 47, 19, 4 раза. (Всего 184 раза.) Обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти все слова 10 из 12 (если не считать имён) имеют дактилический исход так, как если бы ударение было перенесено по закону Уилера; однако едва ли можно предполагать для них исконную окситонезу. Скорее это следовало бы рассматривать как «аналогическое» правило к другим дактилическим словам, реально подчинившихся закону Уилера.⁶ Тогда из нарицательных остаётся, по сути, только *πεδίον* ('равнина'), которое можно было бы рассматривать или как аномалию, или как вторичную нормализацию ударения в позднейшие времена⁷. В любом случае кажет

⁵Это признаётся и Проберт [11, p. 94]. Напомним, что закон Уилера предполагал перенос ударения с последнего слога на предпоследний в словах с дактилическим исходом; соответственно изначально эти слова были полноценными окситонами.

⁶Возможно и другое объяснение, предполагающее в ряде случаев сохранение ударения по аналогии к первообразной форме: *άντιος* : *άντί*.

⁷Наконец, все эти случаи можно было бы рассматривать последним образом, но это было бы, наверное, всё же чрезмерно.

возможным говорить о позднейшем морфологическом сближении акцентуации в словах на *-ιον* с предыдущим типом.

3. Слова (прилагательные) с суффиксом *-αλέος*: *ἀργαλέος*, *σμερδαλέος*, *λευγαλέος*, *δαίδαλέος*... и слова на *-αρέος*: *καρχαρέος*, *νατταρέος*... Встречаются уже у Гомера: всего 11 слов, около 100 употреблений. Акцентуация подтверждается Хировоском (*De orthog.* 195, 19). Швицер [13, S. 484] указывает на чередование *-αλέος/-νός* (и соответственно *λ/ν*: *σμερδαλέος/σμερδνός*, что должно указывать на особую древность этих образований. Примечательно, что в чередовании участвует окситонический суффикс. Заслуживает внимание и указание Швицера на ионийскую природу этих форм и сохранение их именно в ионийской традиции, особенно в языке медицинской прозы. Встречаются также и у Геродота. Эти образования нам будут весьма интересны в дальнейшем. Также, видимо, слова на *-αρέος*: *καρχαρέος*.

4. Слова на *-ίσκος*, имеющие уменьшительные или уничижительные значения. Очень распространены начиная с классического времени (особенно после Аристофана). Самые ранние упоминания: *ἀνλίσκοισι* (Theog. 1, 241), *μελίσκον* (Alc. fr. 36, 1), *στεφανίσκου* (Anas. fr. 65, 1). Сведения об акцентуации: Геродиан (Paron. 3, 2, 859, 22), Хировоск (*De orthog.* 176,20).

5. Сложные слова (*ἱερολόγος*), отличающиеся особенностями акцентуации с индоевропейских времён и потому достойные отдельного рассмотрения⁸.

6. Неравносложные имена третьего склонения (и причастия) с окситонной основой, имеющие в косвенных падежах парокситонезу: *ὁδοός*, *ὁδόντος*, *λυθυείς*, *λυθέντος*. Их, как уже было сказано, я предлагаю (вслед за П. Кипарским) рассматривать как особый вариант окситонезы (с приращением дополнительных мор в отдельном слоге), и поэтому сюда они прямого отношения не имеют.

7. Отглагольные образования на *-τέος*: *πρακτέος*: суффикс этот притягивал ударение ещё с индоевропейских времён (ср. санскр. *-τάνα*), однако в греческом эти слова должны были в основной массе ещё и попасть под закон Уилера; после этого их, вероятно, следует считать грамматикализовавшими своё ударение.

8. Отдельные глагольные формы (например, инфинитив 2-го аориста: *πυθέσθαι*), представляющие собой вероятную грамматикализацию. Этот случай тоже выглядит весьма архаическим, однако ситуация усложняется тем, что такое ударение как правило сопровождается нулевой ступенью корневого гласного. Некоторые мысли, касательно этого случая ударения высказаны мной в [2].

9. Имена первого склонения с парокситонезой в начальной форме: *ἡμέρα*. Традиционная грамматика приписывает им сохранение парокситонезы и в ном. plr. с кратким *-αι*, однако обращение к источникам показывает нам, что это лишь позднейшее выравнивание, ставшее чертой койне. Так, Аркадий говорит о том, что такие слова как *ἡμεραι ἐνπράξιαι τιμώριαι αἵτιαι*, афиняне, передвигая ударение (*οἱ δὲ Ἀθηναῖοι προπαροξύνουσι τινα μονογενῆ*), единообразно произносят как *ἡμεραι ἐνπράξιαι τιμώριαι αἵτιαι*.

10. В отдельную группу я отнесу слова *μεγάλοι* и *ὀλίγοι*, хотя первое из них тоже могло бы оказаться как в группе №1, так и в группе №9. Слово *μεγάλοι* выравнило позицию своего ударения аналогично *ἡμέρα*, поскольку во всех других формах ударение на этом же гласном приписывается правилами баритонезы. Что касается слова *ὀλίγοι*, то

⁸Об особенностях в поведении ударения сложных слов в различных и.-е. языках см., например, [5, 6] Специальное исследование некоторых из этих слов в греческом – см. [1, раздел 6.3.2.4]. Краткий вывод, который можно дать здесь — ударение в сложных словах формирует отдельную подсистему, и поэтому они напрямую не связаны со случаями срединной акцентуации, хотя, на первый взгляд, таковыми легко представляются.

оно, по тонкому замечанию А. Нуссбаума, цитируемому Д. Стериadi [15, р. 274: прим. 2], попало под аналогию близкого к нему и по смыслу и по форме *μεγάλοι*⁹. К этой же группе можно было бы отнести несколько глосс (например, *ἀθίλοι· κόγχου θαλασσίας εἶδος* Hes. *δνοφέος· κάλυμμα* Hes.), ударение в которых непонятно. Также непонятно в акцентном отношении имя *Κλονίος* [15, р. 340].

11. Наконец, в отдельную группу можно отнести наречия, местоимения и близкие к ним образования (*ἐνθάδε*, *Μεγαρόθεν*), которые, по справедливой мысли Дональда Ринджа и Донки Стериadi [12; 15, р. 294], разумно рассматривать как исконно энклитические образования и потому также не имеющие прямого отношения к рассматриваемой проблеме.

Выводы и заключение. Хотя наш список и не полон, а история ударения во многих словах известна явно недостаточно, основное, как кажется, вывести всё же можно. Общий вывод получается таким. Если относить правило третьей моры к периоду, предшествующему тому, когда начал действовать закон Уилера, то у нас (из даже относительно продуктивных моделей) есть некоторое число случаев, позволяющих говорить о «срединной акцентуации» (в терминологически нестрогом смысле слова), но практически нет надёжных случаев, чтобы говорить о срединной акцентуации как о какой-то самостоятельной акцентной парадигме для относительно ранней эпохи. Это получается потому, что имеющиеся древние примеры (слова на *-αλέος*, *-αρέος*, спорадические глагольные формы из п. 8, возможно, также отглагольные образований на *-τέος*) оказываются вполне вписывающимися в сформулированные выше правила окситонезы.

В самом деле: во всех этих случаях мы наблюдаем морфологизированную колумнальность, возникшую в исходе основы и обязанную своим происхождением каким-то морфологическим процессам, способствовавшим выделению суффикса или другой морфемы как ударной; другое дело, что ударность эта приходится не на последнюю мору слова, но, как мы уже видели, это не есть обязательное требование окситонезы.

Однако также очевидно и то, что в основной своей массе срединная позиция ударения есть позднейшая инновация, давшая впоследствии, после окончания действия старых акцентных законов, большое акцентное разнообразие форм. Поэтому при определённом желании исследователь имеет достаточные основания говорить о «срединной» акцентной парадигме в греческом языке эллинистической или позднейшей эпохи, но едва ли такая категория будет хорошо применима к раннегреческому или даже к ионийско-аттическому диалекту в эпоху греческой архаики. Поэтому кажется справедливым сохранить для индоевропейской перспективы исследования древнегреческого ударения систему из двух парадигм – окситонной и баритонной, – понимаемых, однако, не буквально, а функционально – т.е. в связи их вовлечением в процессы фонологии, морфологии и/или морфонологии. Такая постановка проблемы, как кажется, имеет определённые перспективы не только для изучения греческого языка, но и для индоевропейской акцентологии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов А.М. Древнегреческая и латинская просодика (мора, ударение, ритмика) / А.М. Белов. – М.: Academia, 2015. – 460 с.

⁹Это можно было бы сравнить и с выравниванием ударения в таких русских словах, как *служба* и *дружба* (исконно *дружбá*), отмеченным акад. А.А. Зализняком (устное сообщение).

2. Белов А.М. Notae prosodicae: Об ударении в греческом тематическом аористе / А.М. Белов // Сретенский сборник. – 2016. – №. 6. – С. 97–105.
3. Белов А.М. Снова о законе Вандриеса: имена на -εἰος, -εἰον / А.М. Белов, Н.Н. Магницкая // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2019. – №4. – С. 50–64.
4. Дыбо В.А. Морфологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I / В.А. Дыбо. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 736 с.
5. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской / А.А. Зализняк. – М.: Наука, 1985. – 429 с.
6. Красухин К.Г. Аспекты индоевропейской реконструкции / К.Г. Красухин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 456 с.
7. Николаев А.С. Исследования по праиндоевропейской именной морфологии / А.С. Николаев. – СПб: Наука, 2010. – 437 с.
8. Николаев С.Л. Парадигматические классы индоевропейского глагола / С.Л. Николаев, С.А. Старостин // Балто-славянские исследования 1981. – М., 1982. – 344 с.
9. Тронский И.М. Древнегреческое ударение / И.М. Тронский. – М.-Л., 1962. – 148 с.
10. Kiparsky P. The inflectional accent in Indo-European / P. Kiparsky // Language. – 1973. – №49. – P. 794–849.
11. Probert P. Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory / P. Probert. – Oxford: OUP, 2006. – 444 p.
12. Ringe D. The accent of adverbs in -then: A historical analysis / D. Ringe // Glotta. – 1977. – № 55. – P. 64–79.
13. Schwyzler E. Griechische Grammatik. Vol. 1 / E. Schwyzler. – München, 1977. – 415 S.
14. Sihler A. New Comparative Grammar of Greek and Latin / A. Sihler. – N.Y. – Oxford: OUP, 1995. – 686 p.
15. Steriade D. Greek accent: a case for preserving structure / D. Steriade. – Linguistic Inquiry. – 1988. – №19, No.2. – P. 271–314.

REFERENCES

1. Belov A.M. (2015). Drevnegrecheskaya i latinskaya prosodika (mora, udarenie, ritmika) [Old Greek and Latin Prosody (moras, accent, rhythm)]. Moscow: Academia. 460 p. (in Russian).
2. Belov A.M. (2016) Notae prosodicae: Ob udarenii v grecheskom tematicheskom aoriste [On the accent in the Greek thematic aorist]. Sretenskiy sbornik. №. 6. S. 97–105 (in Russian).
3. Belov A.M. Magnickaya N.N. (2019). Snova o zakone Vandriesa: imena na -εἰος, -εἰον [The Vendryes's law discussed again: nomina in -εἰος, -εἰον]. Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]. №4. S. 50–64 (in Russian).
4. Dybo V.A. (2000) Morfonologizovannye paradigmaticheskie aktsentnye sistemy. Tipologiya i genezis [The morphonologized accent systems. Typology and Genesis]. Tom I. Moscow: Yazyki russkoï kul'tury, 2000. 736 p. (in Russian).
5. Zaliznyak A.A. (1985) Ot praslavyanskoy aktsentuatsii k russkoy [From the Pre-slavic accent system to Russian]. Moscow: Nauka. 429 p. (in Russian).
6. Krasukhin K.G. (2004) Aspekty indoeuropeyskoy rekonstruktsii [Aspects of Indo-European Reconstruction]. M.: Yazyki slavyanskoï kul'tury. 456 p. (in Russian).
7. Nikolaev A.S. (2010). Issledovaniya po praindoeuropeyskoy imennoy morfologii [Studies in Proto-Indo-European nominal morphology]. Sankt-Petersburg: Nauka. 437 p. (in Russian).
8. Nikolaev S.L. & Starostin S.A. (1982). Paradigmaticheskie klassy indoeuropeyskogo glagola [Paradigmatic classes of the Proto-Indo-European Verb]. Balto-slavyanskije issledovaniya 1981 [Balto-Slavonic Studies 1981]. Moscow. 344 p. (in Russian).
9. Tronsky I.M. (1962) Drevnegrecheskoe udarenie [Old Greek Accent]. Moscow; Leningrad. 148 p. (in Russian).
10. Kiparsky P. (1973). The inflectional accent in Indo-European. Language. №49, 794–849 (in English).
11. Probert P. (2006). Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory. Oxford: OUP. 444 p (in English).
12. Ringe D. (1977). The accent of adverbs in -then: A historical analysis. Glotta. № 55, 64–79.
13. Schwyzler E. (1977). Griechische Grammatik. Vol. 1. München, 1977. 415 S (in English).
14. Sihler A. (1995). New Comparative Grammar of Greek and Latin. N.Y. – Oxford: OUP, 1995. 686 p (in English).
15. Steriade D (1988). Greek accent: a case for preserving structure. Linguistic Inquiry. №19, No.2, 271–314 (in English).

Поступила в редакцию 21.06.2025 г.

ON INTERMEDIATE ACCENT PARADIGM IN GREEK

A.M. Belov

The article addresses the historical problem of the Indo-European accent paradigms inherited in the ancient Greek language. The focus is made on whether the method of accent paradigms is applicable to the ancient Greek accent system, and on the problem of the number of accent paradigms in the early and later periods. The first question is answered affirmatively: without using the framework of accent paradigms, it will be impossible to describe the ancient Greek accent correctly (at least in nominal declension). It is argued that for a relatively early state in the ancient Greek nominal system, the oxytone and baritone paradigms inherited from an earlier state should be distinguished. To solve the second question, it is necessary to understand whether any other accent paradigms, except the oxytone and baritone ones, exist in ancient Greek. The article critically examines the model proposed by Ph. Probert, considering a special case of intermediate accentuation in ancient Greek classical time. 11 typical cases of such accentuation are discussed. It is argued that most of the cases considered relate to fairly recent times, therefore, for the early Greek, a system of two paradigms seems sufficient. However, to describe the later state, the number of accent paradigms is to be increased. In addition, the paper offers an updated understanding of the phenomena of oxytonesis and baritonesis in Greek, different from that of Ph. Probert. Greek oxytones retain ancient paradigmatic features, whereas baritones have many properties of categorical accent. This approach allows us to take a fresh look at the Greek accent as a whole and preserve the old paradigms, consolidating their new content.

Keywords: Indo-European accentology, Old Greek accent, accent paradigms, oxytones, baritones, Vendryes's law, Wheeler's law, prosody.

Белов Алексей Михайлович.

Доктор филологических наук.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация.

Доцент кафедры общего и сравнительноисторического языкознания.

ORCID: 0000-0003-2525-7083.

E-mail: indogermanica@yandex.ru.***Belov Alexius Mikhailovich.***

Doctor of Philology.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Associate professor of Chair for General and Comparative Linguistics, Department of Philology.

ORCID: 0000-0003-2525-7083.

E-mail: indogermanica@yandex.ru.

Научная статья

УДК: 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.16222887

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОНИМОВ
ЛИСА АЛИСА И КОТ БАЗИЛИО В РОССИЙСКИХ СМИ**

© 2025 Э.В. Будаев¹, Е.А. Нахимова², Н.Б. Руженцева³

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет»

ORCID¹ 0000-0003-2137-1364

ORCID² 0000-0003-4908-632X

ORCID³ 0000-0002-1208-1202

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются особенности метафорического употребления онимов Лиса Алиса и Кот Базилио в современном российском медиадискурсе. Материалом для настоящего исследования послужили метафорические контексты из газеты «Московский Комсомолец» за 2010–2025 гг. Методология исследования построена на постулатах когнитивно-дискурсивной парадигмы, трактующей метафору как когнитивный механизм переноса содержания из сферы-источника в сферу-мишень на основе аналогии в экстралингвистическом контексте. Используемые методы: анализ концептуальных признаков, метафорическое моделирование, выборка, описание, классификация. Как показал анализ, образы Лисы Алисы и Кота Базилио широко востребованы в современных российских СМИ, при этом данные онимы не обладают одним прототипическим смыслом, а представляет собой множество концептуальных признаков, служащих источником информации для метафорического переноса: «Мошенники», «Воры», «Хорошо организованная преступная группа», «Злонамеренные советчики», «Нежелание трудиться», «Обещание грядущих бед», «Учителя финансовой грамотности», «Несправедливый дележ», «Неэффективность», «Темные очки», «Хранение денег в земле», «Мнимый больной».

Ключевые слова: русская литература; медиадискурс; сказка «Золотой ключик, или Приключения Буратино»; персонажи Лиса Алиса и кот Базилио; когнитивная метафора; прецедентное имя.

Для цитирования: Будаев Э.В. Метафорическая актуализация литературных онимов *Лиса Алиса* и *Кот Базилио* в российских СМИ / Э.В. Будаев, Е.А. Нахимова, Н.Б. Руженцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 34-47. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16222887>.

Введение. Развитие информационных технологий в современном мире вносит существенные коррективы в формирование концептуальной картины мира общества, которая формируется и трансформируется под воздействием источников информации из сети Интернет (видео-блогов, мессенджеров, социальных сетей и др.). Вместе с тем художественная литература по-прежнему остается существенным фактором формирования мировоззрения, а поступки литературных персонажей и их ценностные иерархии способны трансформировать сценарии поведения и модели оценки окружающей действительности, которыми человек осознанно или неосознанно будет руководствоваться в дальнейшей жизни. К подобным книгам, несомненно, относится сказка А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936 г.), на которой выросло не одно поколение отечественных читателей. Это произведение появилось в результате литературной обработки сказки К. Коллоди «Le avventure di Pinocchio. Storia d'un burattino» («Приключения Пиноккио. История деревянной куклы»). Несмотря на популярность приключений Буратино у советских читателей, сказка

А.Н. Толстого остается малоизученной, чего нельзя сказать о произведении К. Коллоди, регулярно вызывающем интерес зарубежных филологов в Италии [5; 6; 7; 8; 9] и за ее пределами [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

По мнению М. Петровского, литературные персонажи «Золотого ключика» имели свои прототипы. Так, под Буратино подразумевался М. Горький, который так и не окончил школу, а прообразом Карабаса Барабаса стал В.Э. Мейерхольд, славившийся своим авторитарным стилем взаимодействия с актерами. Папа Карло – это К.С. Станиславский, основавший «новый театр» (МХАТ) [4]. Вместе с тем в данном произведении есть еще одно аллюзивное измерение, пронизывающее все произведение. Сказка А.Н. Толстого была опубликована в 1936 г., поэтому она не могла не нести в себе идеологического посыла. Все произведение строится на метафорической модели, сферой-источником которой служит исторический период, связанный с генезисом октябрьской социалистической революции. В терминологии советской историографии Карабас-Барабас – типичный представитель буржуазного класса, который ради получения прибыли эксплуатирует и угнетает широкие народные массы – артистов театра, превращенных в бесправных марионеток. Синьор Карабас-Барабас – «ближайший друг Тарабарского короля», что подчеркивает классовый союз буржуазии и монархии (дворянства) в деле эксплуатации рабочих. Имена изготовителей Пинокио в сказке К. Коллоди – Антонио и Джеплетто – А.Н. Толстой поменял на Джузеппе и Карло соответственно. Джузеппе – аллюзия на Джузеппе Гарибальди – знаменитого военачальника, сыгравшего решающую роль в победе Итальянской революции 1859–1860 гг. и провозглашении Итальянской республики. Персонаж Джузеппе дарит говорящее полено своему другу папе Карло – аллюзия на Карла Маркса, главного идеолога коммунистического преобразования общества. В сказке А.Н. Толстого Папа Карло выполняет роль мудрого и прозорливого наставника, в каморке которого спрятана потайная дверь в новый мир (коммунистическое будущее без эксплуататоров). Итогом сюжетных перипетий становится восстание кукол, которые открывают свой театр «Молния». Вчерашние марионетки становятся хозяевами своей новой жизни, они сами пишут пьесы в стихах для нового театра. В этой метафорической картине мира сказки А.Н. Толстого Лиса Алиса и Кот Базилио – образы деклассированных элементов, то есть бродяг, попрошайек, нищих и прочих маргиналов. В плане выражения оним *Алиса* содержит в себе имя нарицательное *лиса*, а *Базилио* – итальянизированная версия самой распространенной в России клички котов – *Васька*.

Таким образом, в сюжете и персонажах сказки А.Н. Толстого нашла метафорическое отражение политическая и экономическая ситуация, предшествующая социалистической революции в Российской империи, и сама революция, приведшая к изменению общественного строя. Большая популярность «Золотого ключика» позволяет ожидать, что метафорические образы персонажей из произведения А.Н. Толстого будут востребованы в современном российском медиадискурсе, то есть литературные образы послужат образцами для осмысления современных событий и явлений в самых разнообразных сферах общественной жизни. Отчасти эта гипотеза была подтверждена в исследованиях прецедентных имен *Буратино* [3] и *Карабас-Барабас* [2], которые активно используются в отечественном медиадискурсе при метафорической концептуализации текущих событий. Настоящее исследование посвящено изучению востребованности метафорического потенциала образов Лисы Алисы и Кота Базилио в текстах российских СМИ.

Материал и методы исследования. Материалом для настоящего исследования послужили метафорические контексты употребления онимов *Лиса Алиса* и *Кот Базилио*

в российских СМИ XXI в. (на примере метафорических контекстов из газеты «Московский Комсомолец»). Методология исследования основывается на когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистики (В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, И.А. Стернин), теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), теории метафорического моделирования (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов), теории концептуальной интеграции (М. Тернер, Ж. Фоконье). Синтез эвристик этих подходов дает возможность интерпретировать феномен метафоры не только как ментальный механизм переноса содержания из сферы-источника в сферу-мишень на основе аналогии, но и как композиционный феномен, возникающий в результате концептуальной интеграции содержания из нескольких источников. Дискурсивный аспект анализа подразумевает учет экстралингвистических факторов, участвующих в смыслопорождении.

Инвентаризация концептуальных признаков прецедентных онимов, которые востребованы в метафорических контекстах медиадискурса, позволит определить, какие признаки изучаемых концептов являются актуальным в современной концептуальной картине мира. Именно концептуальные признаки литературных онимов, положенные в основу метафор, являются свидетельством о содержательном плане соответствующего концепта, сформированного в сознании автора текста. Таким образом, изучение литературной метафоры позволяет проследить, какие черты героев запомнились читателям и послужили основой для проведения аналогий в современных медиатекстах.

Как показывает специальный обзор [2], существует 6 основных методик анализа метафорического употребления онимов (коннотативного употребления прецедентных имен) в СМИ. В настоящем исследовании используется методика анализа онимов, восходящих к определенной сфере-источнику метафорической экспансии.

Основная часть. Рассмотрим, какие концептуальные признаки изучаемого образа востребованы в изучаемых метафорических контекстах.

1. Концептуальный признак «Мошенники».

Наиболее типичный признак рассматриваемых онимов, актуализируемых в метафорических контекстах СМИ, связан с мошенничеством. *Алиса* и *Базилио* – распространенные номинации для метафорического описания лиц, похищающих чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Ср.:

Тут пенсионер понял, что звонивших звали Алиса и Базилио, что денежки свои он зарыл на Поле Чудес, и их уже наверняка выкопали, и обратился в полицию. Там возбудили уголовное дело по статье «Мошенничество» (до 10 лет), но вероятность поимки кота и лисы оценили невысоко: поймать владельцев анонимных счетов весьма затруднительно [52].

Значит, еще большая часть покупателей уйдет на вторичный рынок. А там наивных Буратин уже ждут лиса Алиса и кот Базилио и втюхивают им машины битые или типа «я тебя слепила из того, что было», а то и вовсе продают воздух вместо авто [51].

Выдояв с «будущих миллионеров» все пять золотых, лисы Алисы и коты Базилио на современный лад тут же исчезают [38].

Дополнительным мотивом к актуализации рассматриваемых онимов является ситуация, в которых задействованы два мошенника разного пола. Ср.:

Фактически, ряд СМИ с самого начала этой истории поспешили наклепать на Цивина и Дрожжину «бубнового туза». Изюм дня в день их сравнивают с Лисой Алисой и Котом Базилио из известной сказки Алексея Толстого «Золотой ключик», называют «мошенниками» и «аферистами» [32].

Лиса Алиса и кот Базилио в миру носили имена Владимир Соколов и Мамира Джассыбаева. Пайщикам их «кооперативов» они сообщали, например, что приехали с переговоров: в Череповце будут строить 1700 коттеджей; 200 га нижегородской земли губернатор уже выделил [50].

2. Концептуальный признак «Воры».

Хотя в сказке Лиса Алиса и Кот Базилио завладели золотыми монетами в результате мошеннических действий, данные они используются и для описания обычной кражи, совершенной мужчиной и женщиной. Ср.:

Лиса Алиса и Кот Базилио из Мурома ждут суда. 61-летняя дама и ее 47-летний возлюбленный обвиняются в совершении кражи. В феврале они пришли на шопинг в один из продуктовых супермаркетов и увидели на полке с товаром кошелек. Поняв, что никто не увидит, они забрали его себе [27].

3. Концептуальный признак «Злонамеренные советчики».

В сказке А. Толстого лиса Алиса и кот Базилио дают Буратино совет закопать пять золотых в землю на Поле Чудес, сказать три раза: «крекс, фекс, пекс», посыпать землю солью и хорошенько полить водой, чтобы наутро обнаружить деревце, на котором вместо листьев якобы будут висеть золотые монеты. Этот сюжет используется в СМИ для описания ситуации, в которой советы от экономических конкурентов воспринимаются как путь к достижению экономического чуда. Ср.:

Депутат от партии «Возрождение» Василий Боля рассказал о плачевном состоянии экономики страны. По его мнению, оно описывается фразой: «Пациент скорее мертв, чем жив». И это – результат деструктивной политики правящей команды. «Мы утратили продовольственный суверенитет», – сказал он. Тех же, кто ждет экономического чуда от вступления страны в ЕС, он сравнил с Буратино, которого лиса Алиса и кот Базилио уговаривают закопать свои деньги в землю на Поле чудес. Он подчеркнул, что европейским производителям сельхозтоваров не нужны конкуренты и молдавскую продукцию на свои рынки они никогда не пустят [39].

Этот же признак актуализируется при описании неразумного инвестирования денежных средств, которое уподобляется закапыванию золотых монет на Поле Чудес. Ср.:

Иначе как объяснить размещение наших денег – резервов из Фонда национального благосостояния (ФНБ) – на зарубежных счетах и в зарубежных активах? Только мечтой об импортных сапогах (своя-то легкая промышленность – на боку!). Кои можно купить на проценты от нефтегазовых доходов. Мол, отправим гигантскую «кубышку» за границу и будем ждать, когда «денежки капнут». Сказочный расклад! Кот Базилио и лиса Алиса тоже предлагали Буратино закопать золотые монетки на «поле чудес» и ждать обогащения [45].

Утопающий в грязи, изрытый огромными ямами Цхинвал – это то самое поле чудес, где мы, как последние буратино, зарыли свои денежки по совету лисы Алисы и кота Базилио. Теперь лиса и кот проводят выборы. А это значит, что найти свои деньги Буратино уже не сумеет [40].

А ФКР – честный и хороший: он учрежден правительством области, деньги жильцов он просто переведет на их лицевые счета, а Фонд будет лишь вести их учет и организовывать работу. Это напомнило лису Алису и кота Базилио: ты, Буратино, денежки закапывай, а мы даже смотреть не будем! [49].

Схожий смысл актуализируется и при описании политических предложений, которые невыгодны одной из сторон переговорного процесса. Принятие невыгодных предложений метафорически осмысливается как следование совету мошенников закопать пять золотых. Ср.:

Свежее заявление министра иностранных дел этого государства Антонио Таяни: «Кто-то пытается попросить некоторые европейские страны смягчить свою позицию в пользу переговоров с Путиным. Но договоренность будет возможна только в том случае, если Россия решит прекратить военные действия». Вопрос: какие «переговорные условия» выкатят Москве, если она вдруг **послушается «синьора Базилио»** (ой, простите, Таяни!) и «решит прекратить боевые действия»? [42].

Обращает на себя внимание тот факт, что во многих метафорических контекстах фокус негативизации направлен не на мошенников, а на тех, кто по наивности или из жадности последовал их злонамеренному совету. Ср.:

Сегодня мы поговорим о человеческой наивности, порой доходящей до откровенной глупости. А для этого опять вернемся в 90-е годы прошлого века, уж больно поучительное время. Под мотив песенки кота Базилио и лисы Алисы из фильма про Буратино: «Пока живут на свете дураки, обманывать нам, стало быть, с руки» [47].

И даже если сыр окажется не таким уж и бесплатным, мышеловка простаивать не будет. Желаящие туда попасть обязательно найдутся. Расчет таков – я заплачу сейчас, а потом получу в десятки раз больше. И несут граждане свои денежки очередным коту Базилио и лисе Алисе, и закапывают их на Поле чудес в Стране дураков. А вдруг денежное дерево все-таки вырастет? А оно все не растет. И идут граждане в суд: обманули! [35].

4. Концептуальный признак «Хорошо организованная преступная группа».

В сказке Лиса Алиса и Кот Базилио демонстрируют хорошую слаженность при одурачивании Буратино. Признак хорошей слаженности актуализируется в СМИ для описания организованной преступной деятельности. В следующем контексте речь идет о выходцах из России, организовавших в Индонезии масштабный и хорошо скоординированный «бизнес» по оказанию интимных услуг. Ср.:

Уж сколько, говорит, мы брали подпольных оргий с самыми невообразимыми веществами «на борту», но такая мощная и организованная структура – что-то новенькое даже для привычного Бали. Мы тут в нашей диаспоре поддерживаем российского производителя сказок и вспоминаем лису Алису и кота Базилио [23].

Руководствуясь принципом кота Базилио и лисы Алисы «Пока живут на свете дураки, обманом жить нам стало быть с руки», они предлагали приобрести автомашины и мотоциклы только на условиях предоплаты [18].

Фрейм, описывающий следование советам лисы Алисы и кота Базилио, актуализируется не только для метафорического описания мошенников, но и для концептуализации банковской деятельности, направленной на привлечение денежных средств населения. По-видимому, в российском менталитете сильна ассоциативная связь между мошенниками и банкирами. Ср.:

Нельзя более точно описать менталитет нашего человека, чем это сделал Алексей Толстой. Население нашей страны, как его деревянный герой, все время мечется: послушать лису Алису и кота Базилио (читай – банкиров и их рекламу) и зарыть “золотые” или бежать от них подальше. Вдруг никакого дерева с деньгами не вырастет, да еще и свои кровные потеряешь – на “поле чудес в стране дураков”? [48].

5. Концептуальный признак «Нежелание трудиться».

В произведении А. Толстого Лиса Алиса и Кот Базилио описываются как два нищих, которые предпочитали получать деньги мошенническим путем, оправдывая нежелание работать мнимыми увечьями. Таким образом, они *Лиса Алиса* и *Кот Базилио* используются в метафорических контекстах для описания экономических субъектов, не желающих трудиться и выполнять свои обязательства под разными

предложениями. В подобных контекстах Лиса Алиса и Кот Базилио противопоставляются папе Карло, который ассоциируется с трудолюбием. Ср.:

...А чего корячится, спину ломать, если с перечисленных авансов и так достаточно дивидендов капает? Денежку в дружественный банчок припрятал и живи не тужи на процентики. Пусть папа Карло вкалывает, а подрядчики, как лиса Алиса, нашли для этой «полянки дураков» – ЦКАД, своего Буратино под именем «Автодор»... Но и ГК «Автодор», оказалась не «буратиной», а котом Базилио и с полученными на ЦКАД деньгами ФНБ и Минтранса поступила аналогично. Кризис на дворе, да и, вообще, ситуация мутная, перетрудишься, вспотеешь, да и простуду какую подхватишь. А зачем? В 2015 году получили 39 млрд руб. на стройку, перегнали на депозит в Газпромбанк и одних процентов 2 млрд. А работает пусть тот же, вышеупомянутый папа Карло [46].

6. Концептуальный признак «Обещание грядущих бед».

Уговаривая Буратино отправится на Поле чудес, Лиса Алиса и Кот Базилио описывали ситуацию темного будущего, согласно которому папа Карло умрет от голода и холода. Запугивание жертвы грядущими бедами – типичный прием как мошенников, так и законных экономических агентов (страховых агентств, предприятий ЖКХ, торговых организаций и т.п.). Ср.:

Аргументы в пользу этого опережающего роста точно такие же, что в начале реформирования: колоссальный износ всего и вся в коммунальном хозяйстве страны – котельных, теплотрасс, водо- и газопроводов, канализационных коллекторов и прочего, и прочего. И соответственно, необходимость астрономических инвестиций в эту сферу. Иначе, мол, будет ужас. Нет, не так – ужас-ужас-ужас. Но чем дальше, тем больше эта уговоры напоминают известную музыкальную «рекламу», с помощью которой Лиса Алиса и Кот Базилио соблазнили неопытного и наивного инвестора Буратино: «Несите ваши денежки – иначе быть беде». В нашем случае результаты инвестирования примерно такой же: беды есть, а денег нет [28].

Мастер совершенно случайно освободился чуть раньше уже и стоит под вашими окнами... Он плачет, глядя на потерю створками ваших окон геометрии, отвратительные уплотнители и несмазанный механизм... Стеклопакеты зимой лопнут, и это будет уже намного дороже... Также мы оказываем бесплатную юридическую помощь...» И когда я спросил, можно ли мне заодно сделать МРТ позвоночника, мне ответили, что можно. «Пока живут на свете дураки, обманом жить нам, стало быть, с руки...» – пели когда-то давно лиса Алиса и кот Базилио. Вот они и живут – на обмане и нашей доверчивости, – и, кстати, хорошо живут... [29].

7. Концептуальный признак «Учителя финансовой грамотности».

В следующем контексте, связанном с высказыванием министра финансов России Антона Силуанова, Лиса Алиса и Кот Базилио выступают в качестве учителей финансовой грамотности. Согласно такой логике, мошенники сыграли роль финансовых «коучей», которые преподали Буратино урок финансовой грамотности, то есть научили его за пять золотых выбирать правильных бизнес-партнеров. Ср.:

Министр финансов России Антон Силуанов рассказал, какая классическая история для него является образцовым сюжетом о финансовой грамотности. В пример чиновник привел сказку «Буратино», сообщает РИА Новости. «На ум приходит что-то типа "Буратино", – ответил Силуанов на вопрос о том, какой мультфильм наилучший в этом отношении. – Надо не гнаться за большими деньгами, сразу быстро получить деньги – дерево посадить, на котором растут доллары или рубли, или какие-то другие денежные знаки. Надо иметь хороших бизнес-партнеров. Вот, наверное, самое

главное». Напомним, «бизнес-партнерами», а может быть, коучами для Буратино в известной сказке Алексея Толстого стали мошенники – лиса Алиса и кот Базилио, которые прельстили деревянного мальчишку возможностью приумножить его пять золотых монет, закопав на Поле Чудес в Стране Дураков. Послушав их, Буратино закопал деньги, которые были ночью извлечены обманищиками [44].

8. Концептуальный признак «Несправедливый дележ».

Когда Лиса Алиса и Кот Базилио выкопали четыре золотые монеты на Поле Чудес, лиса так поделила деньги, что у кота оказалась одна монета, а у нее – три. Это привело к схватке, закончившейся дележом добычи поровну. Таким образом, ситуация несправедливого дележа метафорически описывается с помощью образов Лисы Алисы и Кота Базилио. Ср.:

А он ушел, Евгений Ваганович Петросян. Конечно, это его дело, право. Своим совместным нехитрым юмором эти двое успели нажить себе 10 квартир, а потом их делили при разводе. Ну, как лиса Алиса и кот Базилио: «Это мне, это опять мне...» [30].

9. Концептуальный признак «Неэффективность».

Используя терминологию К. Маркса, лиса Алиса и кот Базилио – деклассированные элементы, которые не участвуют в классовой борьбе, но тоже паразитируют на «социальном организме», подобно классам эксплуататоров. Единственная мотивация поступков этих персонажей – жажда личной наживы, которая перевешивает значимость совместной преступной деятельности, когда дело доходит до дележа добычи. Очевидно, что такая мотивация делает обреченными на провал любые попытки организовать социально значимую деятельность. Это знание регулярно востребовано в метафорических контекстах, направленных на актуализацию прагматического смысла неэффективности. Ср.:

Государственное агентство физической культуры и спорта – это своеобразное поле чудес в стране дураков, где хозяйничают лиса Алиса и кот Базилио. Можно сказать, что кыргызстанские спортсмены часто занимают призовые места на соревнованиях, не благодаря, а вопреки деятельности данного ведомства [19].

Рабинович заявил, что у Киева нет плана развития, из-за чего страна сталкивается с серьезными проблемами. Депутат сравнил обещания украинских властей с аферами персонажей «Буратино» кота Базилио и лисы Алисы. «У вас ничего не растет, у дураков», – сказал политик и отметил, что не только сельское хозяйство находится в катастрофическом состоянии, но и тяжелая промышленность, средний и малый бизнес, а также топливно-энергетический комплекс [25].

Де Блазио сошел с предвыборной дистанции. Как кот Базилио был вынужден покинуть город Тарабарск, не справившись с работой укротителя мышей и крыс в театре Карабаса-Барабаса, так и мэр Нью-Йорка Билл Базилио (он же Де Блазио) вынужденно вернулся на прошлой неделе в родной мегаполис, не выдержав напряжения предвыборной президентской гонки [24].

10. Концептуальный признак «Темные очки».

Популярные литературные произведения часто экранизируются, и сказка А. Толстого не стала исключением. В 1976 году состоялась телепремьера двухсерийного музыкального фильма «Приключения Буратино». Фильм приобрел большую популярность и, как показывает материал, обогатил концептуальное содержание литературных онимов новыми концептуальными признаками. В российских СМИ широко востребован концептуальный признак «темный очки», связанный с образом Кота Базилио. Отметим, что в повести А. Толстого про очки «слепого» Кота Базилио ничего не сказано, в то время как в фильме Ролан Быков, исполнявший роль Базилио, носит очки

с темными стеклами в круглой оправе. Таким образом, концепт Базилио представляет собой результат интеграции концептуальных признаков из литературного произведения и кинофильма. Ср.:

Обтягивающая велобайкерская экипировка Алимжана, его гламурная борода, бандана и очки «а-ля кот Базилио» вызвали у них куда больший интерес, чем моя усталая физиономия [26].

*Одной из малышек в начале песни Михайлов напялил свои **круглые темные очки в стиле кота Базилио** [21].*

*«Кстати градоначальнику очень даже неплохо без очков», – написал под постом Денисова директор МУП ГЭТ «Управление калужского троллейбуса» Вадим Витьков. Его поддержали и другие калужане. Девушки отметили, что давно хотели сменить Денисову образ и подобрать более современные очки. Градоначальника даже сравнили со сказочным героем **Котом Базилио**. Вернется ли к своему обычному имиджу городской голова пока неизвестно [34].*

11. Концептуальный признак «Хранение денег в земле».

В предыдущих контекстах закапывание денег на Поле Чудес использовалось для описания глупости жертв, которые избавляются от собственных средств по рекомендации мошенников, желающих заполучить их деньги. Вместе с тем они *Лиса Алиса* и *Кот Базилио* используются для описания ситуации, в которой люди закапывают собственные или украденные деньги, чтобы их сберечь. Ср.:

*Похититель наследства **прятал деньги по рецепту кота Базилио**. <...> **махинатор** признался, что уехал вместе с миллионами в подмосковный город Лобню. По словам сотрудника пресс-службы УВД ЮВАО Юлии Ивановой, там **мужчина вырыл под деревом яму во дворе частного дома №18 по улице Геологов, в которой и закопал чемодан с деньгами** [41].*

12. Концептуальный признак «Мнимый больной».

В сказке А. Толстого *Лиса Алиса* и *Кот Базилио* описываются как два нищих, которые маскировали свое нежелание трудиться мнимой нетрудоспособностью – *Лиса Алиса* ковыляла на трёх лапах, а кот Базилио притворялся слепым. В следующем контексте *Котом Базилио* называют родственника, который доставляет хлопоты семье своим ипохондрическим поведением. Ср.:

*«**Слепой Кот Базилио**». Отец Димы постоянно болеет. Вернее, не столько болеет, сколько боится заболеть и потому постоянно бежит по врачам, изучает народную медицину, делает всевозможные настои, ванны и прочие припарки. И все его семейство, включая маму и Диму, обязано постоянно заботиться о папином здоровье. Правда, у молодой Диминой жены Ани есть сомнение: папуля здоровее их всех! Но производить вслух столь крамольные вещи в их семье нельзя... [22].*

13. Концептуальный признак «Герои русских народных сказок».

Данный признак не относится к типичным, но иллюстрирует нередкий для массового сознания феномен концептуальной контаминации, при которой литературный образ вбирает в себя признаки, совершенно для него нехарактерные в оригинальном произведении. В следующем контексте Буратино, *Лиса Алиса* и *Кот Базилио* отнесены к героям русских народных сказок. Ср.:

*В честь Дня России в областной столице прошло праздничное шествие «Мы – русские». Вологжане прошли по центру города в национальных костюмах и в **образах героев русских народных сказок**. Можно было встретить **Буратино**, его «друзей» – **лису Алису и кота Базилио**... [20].*

К случаям контаминации можно отнести приписывание признака слепоты Лисе Алисе вместо Кота Базилио. Ср.:

*Теперь на полном серьезе прорабатывается сбор пожертвований с граждан на нужды самой независимой телекомпании. От которой ничего не зависит. Потому как нет ее пока в природе. Вот это то, что доктор прописал: **подайте слепой лисе Алисе и бедному коту Базилио...*** [31].

К особенностям рассматриваемых онимов относится их устойчивая сочетаемость с прецедентными высказываниями. При этом только часть высказываний восходят к тексту А.Н. Толстого, в то время как другая часть отсылает к текстам песен из детского кинофильма. Ср.:

*Правда, непонятно, как подростки узнали, где нужно копать. У бедного пенсионера, когда он навестил свое ранчо, чуть инфаркт с инсультом не случился. К счастью, милиционеры проявили редкую прыть и арестовали злоумышленников. А старик теперь, наверное, на всю жизнь запомнит совет кота Базилио: **не прячьте ваши денежки по банкам и углам!*** [43].

Ведь помните, что пели гонявшиеся за Буратино Лиса Алиса и Кот Базилио: «Пока живут на свете дураки, обманом жить нам, стало быть, с руки». И создателям МММ и всяких там разных «саентологий» надеяться на хорошую жизнь можно пока еще очень и очень долго [33].

«Какое небо голубое! Мы не сторонники разбоя – на жадину не нужен нож, ему покажешь медный грош и делай с ним, что хошь!». Песенка кота Базилио и лисы Алисы хоть и шуточная, но по своей сути – самый настоящий гимн мошенников. Она дает универсальные рецепты, как легче всего обвешорить практически любого [37].

*Подросток, отдавший мошеннику последние сбережения неработающей мамы, верил в чудеса. Дело лисы Алисы и кота Базилио живёт и побеждает. Не переводятся дети, следующие заветам Буратино – **ощутив в кармане денежки, они ищут, куда бы их зарыть и сказать «крекс, пекс, фекс»*** [36].

Заключение. Онимы из произведений детской литературы регулярно используются в качестве метафор в современном дискурсе российских СМИ. Так, «врач нередко обозначается как доктор Айболит, милиционера называют дядя Степа, простодушного человека – Незнайка» [17, с. 24]. Этот ряд могут продолжить онимы *Лиса Алиса* и *Кот Базилио*, но, в отличие от упомянутых примеров, данные имена не обладают одним прототипическим значением, а представляет собой размытое множество концептуальных признаков, которые востребованы в метафорических проекциях («Мошенники», «Воры», «Хорошо организованная преступная группа», «Злонамеренные советчики», «Нежелание трудиться», «Обещание грядущих бед», «Учителя финансовой грамотности», «Несправедливый дележ», «Неэффективность», «Темные очки», «Хранение денег в земле», «Мнимый больной»), некоторые из которых нетипичны и возникают в результате контаминации («Герои русских сказок», «Слепая Алиса»).

Большинство концептуальных признаков, задействованных в метафорических контекстах современного российского медиадискурса, несут в себе оценочные смыслы, заложенные в сказку советским писателем. Вместе с тем процесс смыслопорождения в дискурсе СМИ не исчерпывается простым переносом содержания из сферы-источника в сферу-мишень, а представляет собой результат более сложных проекций из нескольких сфер-источников. Ведущую роль в этом процессе играют концепты, сформированные под влиянием кинофильма, что приводит к блендингу концептуальных признаков в сознании носителей русского языка (темные круглые очки Базилио). Метафорическая актуализация рассмотренных онимов регулярно сочетается с прецедентными высказываниями («крекс-

пекс-фекс», «Несите ваши денежки, иначе быть беде!», «Какое небо голубое!», «Не прячьте ваши денежки по банкам и углам!» и др.), при этом только часть этих высказываний восходит к литературному произведению, в то время как другая часть – к песням из кинофильма, что свидетельствует о том, что концепты персонажей складываются в результате интеграции из признаков, восходящих к различным источникам.

В рассмотренном корпусе присутствуют примеры отдельной актуализации одного из онимов. Это свидетельствует о том, что анализируемые образы не обладают неразрывным единством в концептуальном или лексическом аспектах. Вместе с тем такие примеры носят единичный характер, что позволяет говорить о том, что онимы *Лиса Алиса* и *Кот Базилио* являются прецедентными именами-спутниками, актуализируемыми вместе в одном контексте в подавляющем большинстве случаев.

В завершение необходимо отметить, что метафорический смысл данных онимов возникает не только в результате проекций из нескольких сфер-источников, но и из сложного взаимодействия когнитивных и экстралингвистических факторов, то есть представляет собой эмерджентный феномен, не выводимый в полной мере из семантических компонентов источниковых сфер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаев Э.В. Литературный персонаж Карабас-Барабас как метафора в российском медиадискурсе XXI в. / Э.В. Будаев, Е.А. Нахимова, Н.Б. Руженцева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2025. – № 1. – С. 165–180.
2. Будаев Э.В. Прецедентные имена в СМИ: методики исследования / Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3. – С. 22–36.
3. Нахимова Е.А. Прецедентное имя Буратино в современных СМИ / Е.А. Нахимова // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – Т. 52. № 22. – С. 105–112.
4. Петровский М. Книжки нашего детства / М. Петровский. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. – 421 с.
5. Bertone M. L'infanzia mobilitata con Il cuore di Pinocchio / M. Bertone // Cahiers de la Méditerranée. – 2018. – Vol. 97(1). – P. 139–152.
6. Biffi G. Il mistero di Pinocchio / G. Biffi. – Torino: Elledici, 2003. – 80 p.
7. De Gasperis A. L'eccesso corporeo in Pinocchio tra disordine, comico e cultura popolare / A. De Gasperis // Itinera. – 2024. – Vol. 28. – P. 380–392.
8. Garbarino G. Pinocchio Svelato: I luoghi, il bestiario e le curiosità nella favola del Collodi / G. Garbarino. – Florence: AB Edizioni, 2014. – 160 p.
9. Gasparini G. La corsa di Pinocchio / G. Gasparini. – Milano: Vita e pensiero, 1997. – 172 p.
10. Morrissey T.J. Death and Rebirth in Pinocchio / T.J. Morrissey, R. Wunderlich // Children's Literature. – 1983. – Vol. 11(1). – P. 64–75.
11. Nonnekes P. The Loving Father in Disney's Pinocchio: A Critique of Jack Zipes / P. Nonnekes // Children's Literature Association Quarterly. – 2000. – Vol. 25.2. – P. 107–115.
12. Panteli G. From Puppet to Cyborg. Pinocchio's Posthuman Journey. – Cambridge: Modern Humanities Research Association, 2022. – 178 p.
13. Panteli G. The Satirical Tradition of Collodi and Pinocchio's Nose // The Rhetoric of Topics and Forms / G. Panteli; Edited by G. Zocco. – Berlin: De Gruyter, 2021. – P. 381–390.
14. Pizzi K. Pinocchio, Puppets and Modernity. The Mechanical Body. Pinocchio Puppets and Modernity. The Mechanical Body / K. Pizzi. – New York: Routledge, 2012. – P. 1–15.
15. Sfetcu N. Humanism, Becoming and the Demiurge in The Adventures of Pinocchio / N. Sfetcu // Cunoasterea Stiintifica. – 2023. – Vol. 2(3). – P. 154–158.
16. West M.I. Pinocchio's Journey from the Pleasure Principle to the Reality Principle. Psychoanalytic Responses to Children's Literature / M.I. West. – Jefferson: McFarland, 1999. – P. 65–70.
17. Zickler E. Conscience and The Uncanny in Psychoanalysis and in Pinocchio. Guilt: Origins, Manifestations, and Management / Ed. by S. Akhtar. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2013. – P. 29–40.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Аксенов Е. Казанские веб-мошенники раскинули свои сети в Сети / Е. Аксенов // МК-

Поволжье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kazan.mk.ru/articles/2016/08/05/kazanskie-vebmoshenniki-raskinuli-svoi-seti-v-seti.html> (дата обращения: 20.05.2025).

19. Бабакулов У. Арена чудес / У. Бабакулов // МК-Азия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.kg/articles/2014/12/09/arena-chudes.html> (дата обращения: 19.05.2025).

20. Более тысячи вологжан прошли шествием «Мы – русские» по центру Вологды // МК в Вологде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vologda.mk.ru/culture/2024/06/13/bole-tysyachi-vologzhan-proshli-shestviem-my-russkie-po-centru-vologdy.html> (дата обращения: 17.05.2025).

21. Гаспарян А. Нани Брегвадзе не узнала Аллу Пугачеву / А. Гаспарян // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/culture/2017/07/23/nani-bregvadze-ne-uznala-allu-pugachevu.html> (дата обращения: 21.05.2025).

22. Голубицкая Ж. Если папа Дуремар / Ж. Голубицкая // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/article/2009/09/18/352975-esli-papa-duremar.html> (дата обращения: 20.05.2025).

23. Голубицкая Ж. Контролировали жриц любви из 129 стран: на популярном курорте задержаны организовавшие бордель россияне / Ж. Голубицкая // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2025/01/17/kontrolirovali-zhric-lyubvi-iz-129-stran-na-populyarnom-kurorte-zaderzhany-organizovavshie-bordel-rossiyane.html> (дата обращения: 07.05.2025).

24. Де Блазио сошел с предвыборной дистанции // МК в Новом Свете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vnovomsvete.com/politics/2019/09/25/de-blazio-soshel-s-predvybornoj-distancii.html> (дата обращения: 10.05.2025).

25. Дубровская Л. Депутат Рады обвинил "дураков" в катастрофической ситуации на Украине / Л. Дубровская // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2018/11/19/deputat-rady-obvinil-durakov-v-katastroficheskoj-situacii-na-ukraine.html> (дата обращения: 17.05.2025).

26. Ермеков А. Веломады: Французская долина Шу и немецкий шежире / А. Ермеков // МК в Казахстане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mk-kz.kz/articles/2012/06/29/718209-velomadai-frantsuzskaya-dolina-shu-i-nemetskiy-shezhire.html> (дата обращения: 03.05.2025).

27. Жители Муромы пойдут под суд за кражу денег у 77-летней женщины // МК во Владимире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vladimir.mk.ru/incident/2022/04/26/zhiteli-muroma-poydut-pod-sud-za-krazhu-deneg-u-77letney-zhenshhiny.html> (дата обращения: 14.05.2025).

28. Иванов К. Ремонт провала: как ЖКХ страны превратилось в черную финансовую дыру / К. Иванов // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/economics/2024/01/10/remont-provala-kak-zhkh-strany-prevratilos-v-chernuyu-finansovuyu-dyru.html> (дата обращения: 17.05.2025).

29. Криштул И. Верьте мне, люди! / И. Криштул // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2018/10/26/verte-mne-lyudi.html> (дата обращения: 17.05.2025).

30. Мельман А. В прощальном фильме про Лужкова "пропал" Дмитрий Медведев / А. Мельман // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2021/09/28/v-proshhalnom-filme-pro-luzhкова-propal-dmitriy-medvedev.html> (дата обращения: 13.05.2025).

31. Мельман А. Общественное как бы ТВ / А. Мельман // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2013/01/21/800932-obschestvennoe-kak-byi-tv.html> (дата обращения: 16.05.2025).

32. Меркачева Е. За обидчиков вдовы и дочери Баталова вступился известный юрист / Е. Меркачева // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2020/12/30/civin-i-drozhzhina-prodolzhili-ataku-na-semyu-batalova-cherez-advokata.html> (дата обращения: 11.05.2025).

33. Меркулов А. Сектанты – оккупанты / А. Меркулов // МК в Чебоксарах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cheb.mk.ru/articles/2012/11/07/770110-sektanty-okkupanty.html> (дата обращения: 21.05.2025).

34. Одинцова Е. Градоначальник Калуги сменил имидж / Е. Одинцова // МК в Калуге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mkkaluga.ru/social/2021/09/06/gradonachalnik-kalugi-smenil-imidzh.html> (дата обращения: 18.05.2025).

35. Ольшанская О. Бизнес при свечах / О. Ольшанская // МК в Нижнем Новгороде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nn.mk.ru/article/2010/02/02/422327-biznes-pri-svechah.html> (дата обращения: 18.05.2025).

36. Орленко С. Подросток, отдавший мошеннику последние сбережения неработающей мамы,

верил в чудеса / С. Орленко // МК в Саратове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://saratov.mk.ru/articles/2017/03/15/podrostok-otdavshiy-moshenniku-poslednie-sberezheniya-nerabotayushhey-mamy-veril-v-chudes.html> (дата обращения: 08.05.2025).

37. Павлова А. Большинство мошенничеств, на которых попадают россияне, не являются уголовным преступлением / А. Павлова // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2015/08/02/bolshinstvo-moshennichestv-na-kotorykh-popadayutsya-rossiyane-ne-yavlyayutsya-ugolovnym-prestupleniem.html> (дата обращения: 10.05.2025).

38. Пасичная Ю. Двое жителей Калининграда в попытке разбогатеть на криптовалюте потеряли деньги / Ю. Пасичная // МК в Калининграде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk-kaliningrad.ru/incident/2024/07/25/dvoe-zhiteley-kaliningrada-v-popytke-razbogatet-na-kriptovalyute-poteryali-dengi.html> (дата обращения: 16.05.2025).

39. Перевозкина М. Красный – цвет победы: молдавская оппозиция объединилась в Москве / М. Перевозкина // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2024/04/21/krasnyy-cvet-pobedy-moldavskaya-oppoziciya-obedinilas-v-moskve.html> (дата обращения: 22.05.2025).

40. Перевозкина М. Пиар-переворот / М. Перевозкина // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2012/03/16/682371-piarperevorot.html> (дата обращения: 23.05.2025).

41. Похититель наследства прятал деньги по рецепту кота Базилио // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/incident/article/2010/03/18/451005-pohititel-nasledstva-pryatal-dengi-po-retseptu-kota-bazilio.html> (дата обращения: 06.05.2025).

42. Ростовский М. Украинский конфликт приближается к кульминации: впереди большая встряска / М. Ростовский // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2023/01/23/ukrainskiy-konflikt-priblizhaetsya-k-kulminacii-vpered-bolshaya-vstryaska.html> (дата обращения: 20.05.2025).

43. Скобло С. Железные нервы / С. Скобло // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2000/02/12/127998-zheleznyie-nervyi.html> (дата обращения: 12.05.2025).

44. Суханов Ю. Силуанов назвал "Буратино" любимым мультфильмом по финансовой грамотности / Ю. Суханов // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2023/12/08/siluanov-nazval-buratinu-lyubimym-multfilmom-po-finansovoy-gramotnosti.html> (дата обращения: 17.05.2025).

45. Сычева Л. Дадут ли Набиуллиной звание Героя труда? / Л. Сычева // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/economics/2022/03/30/dadut-li-nabiullinoy-zvanie-geroya-truda.html> (дата обращения: 20.05.2025).

46. Травкин Н. Вертикаль власти без ГУЛАГа не работает / Н. Травкин // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/blogs/posts/vertikal-vlasti-bez-gulaga-ne-rabotaet.html> (дата обращения: 22.05.2025).

47. Хохлов А. МММ: финансовые пирамиды продолжают будоражить умы тверитян / А. Хохлов // МК в Твери [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tver.mk.ru/social/2020/02/24/mmm-finansovye-piramidy-prodolzhayut-budorazhit-umy-tverityan.html> (дата обращения: 17.05.2025).

48. Шестоперова Ю. Синдром Буратино / Ю. Шестоперова // Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2005/04/04/197920-sindrom-buratinu.html> (дата обращения: 17.05.2025).

49. Ягодкин А. В Воронеже назревает коммунальный бунт / А. Ягодкин // МК в Воронеже [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vrn.mk.ru/articles/2015/02/04/v-voronezhe-nazrevaet-kommunalnyy-bunt.html> (дата обращения: 20.05.2025).

50. Ягодкин А. Как воронежцы путешествуют по финансовым граблям / А. Ягодкин // МК в Воронеже [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vrn.mk.ru/articles/2015/02/11/kak-voronezhcy-puteshestvuyut-po-finansovym-grablyam.html> (дата обращения: 18.05.2025).

51. Ягодкин А. Как купить автомобиль в Воронеже и не нарваться на жуликов / А. Ягодкин // МК в Воронеже [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vrn.mk.ru/articles/2018/02/07/kak-kupit-avtomobil-v-voronezhe-i-ne-narvatsya-na-zhulikov.html> (дата обращения: 23.05.2025).

52. Ягодкин А. С наступлением весны в Воронеже активизировались виртуальные мошенники / А. Ягодкин // МК в Воронеже [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vrn.mk.ru/articles/2018/03/21/s-nastupleniem-vesny-v-voronezhe-aktivizirovalis-virtualnye-moshenniki.html> (дата обращения: 10.05.2025).

REFERENCES

1. Budaev E.V., Nakhimova E.A., Ruzhentseva N.B. (2025) Literaturnyj personazh Karabas-Barabas kak metafora v rossijskom mediadiskurse XXI v. [The Literary Character Karabas-Barabas as a Metaphor in the Russian Media Discourse of the 21st Century]. Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics, 1, pp. 165–180 (In Russian).
2. Budaev E.V. (2021) Precedentnye imena v SMI: metodiki issledovaniya [Precedent names in the media: research methods]. Political Linguistics, 3, pp. 22–36 (In Russian).
3. Nakhimova E.A. (2007) The precedent name Buratino in modern media. Bulletin of the Ural State University: Series I: Problems of Education, Science and Culture. Vol. 52. No. 22. Pp. 105–112 (In Russian).
4. Petrovsky M. (2006) Knigi nashego detstva [Books of our childhood]. Saint-Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 421 p. (In Russian).
5. Biffi G. (2003) Il mistero di Pinocchio. Torino, Elledici. 80 p. (In Italian).
6. Bertone M. (2018) L'infanzia mobilitata con Il cuore di Pinocchio. Cahiers de la Méditerranée, 97(1), pp. 139–152 (In Italian).
7. De Gasperis A. (2024) L'eccesso corporeo in Pinocchio tra disordine, comico e cultura popolare. Itinera, 28, pp. 380–392 (In Italian).
8. Garbarino G. (2014) Pinocchio Svelato: I luoghi, il bestiario e le curiosità nella favola del Collodi. Florence, AB Edizioni. 160 p. (In Italian).
9. Gasparini G. (1997) La corsa di Pinocchio. Milano, Vita e pensiero. 172 p. (In Italian).
10. Morrissey T.J., Wunderlich R. (1983) Death and Rebirth in Pinocchio. Children's Literature, 11(1), pp. 64–75 (In English).
11. Nonnekes P. (2000) The Loving Father in Disney's Pinocchio: A Critique of Jack Zipes. Children's Literature Association Quarterly, 25.2, pp. 107–115 (In English).
12. Panteli G. (2021) The Satirical Tradition of Collodi and Pinocchio's Nose. The Rhetoric of Topics and Forms. Berlin, De Gruyter, pp. 381–390 (In English).
13. Panteli G. (2022) From Puppet to Cyborg. Pinocchio's Posthuman Journey. Cambridge, Modern Humanities Research Association, 178 p. (In English).
14. Pizzi K. (2012) Pinocchio, Puppets and Modernity. The Mechanical Body. Pinocchio Puppets and Modernity. The Mechanical Body. New York, Routledge, pp. 1–15 (In English).
15. Sfetcu N. (2023) Humanism, Becoming and the Demiurge in The Adventures of Pinocchio. Cunoasterea Stiintifica, 2(3), pp. 154–158 (In English).
16. West M.I. (1999) Pinocchio's Journey from the Pleasure Principle to the Reality Principle. Psychoanalytic Responses to Children's Literature. Jefferson, McFarland, pp. 65–70 (In English).
17. Zickler E. (2013) Conscience and the Uncanny in Psychoanalysis and in Pinocchio. Guilt: Origins, Manifestations, and Management. Lanham, Rowman & Littlefield, pp. 29–40 (In English).

Поступила в редакцию 22.06.2025 г.

**METAPHORICAL ACTUALIZATION OF LITERARY ONYMS
ЛИСА АЛИСА И КОТ БАЗИЛИО В РУССКИХ МЕДИА**

E.V. Budaev, E.A. Nakhimova, N.B. Ruzhentseva

The article deals with the features of the metaphorical use of the onyms *Лиса Алиса* and *Кот Базилио* in modern Russian media discourse. The material for this study is constituted by metaphorical contexts from the Moskovsky Komsomolets newspaper of the period of 2010–2025. The research methodology is based on the postulates of the cognitive and discourse paradigm, which interprets metaphor as a cognitive mechanism for transferring content from the source domain to the target domain based on analogy in an extralinguistic context. The methods applied are as follows: analysis of conceptual features, metaphorical modeling, sampling, description, classification. The analysis showed that the images of *Лиса Алиса* and *Кот Базилио* are frequently referred to in modern Russian media, though these onyms do not have one prototypical meaning, but represent a multitude of conceptual features that serve as a source of information for metaphorical transfer: "Fraudsters", "Thieves", "A well-organized criminal group", "Malicious advisers", "Unwillingness to work", "Promise of future troubles", "Teachers of financial literacy", "Unfair division", "Inefficiency", "Dark glasses", "Keeping money in the ground", "Imaginary invalid".

Key words: Russian literature, media discourse, fairy tale "The Golden Key, or the Adventures of Buratino", characters Fox Alice and Cat Basilio, cognitive metaphor, precedent name.

Будаев Эдуард Владимирович.

Доктор филологических наук.

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация.

Профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного.

ORCID 0000-0003-2137-1364

E-mail: aedw@mail.ru

Budaev Eduard Vladimirovich.

Doctor of Philology.

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation.

Professor at Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language.

ORCID 0000-0003-2137-1364

E-mail: aedw@mail.ru

Нахимова Елена Анатольевна.

Доктор филологических наук.

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация.

Профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного.

ORCID 0000-0003-4908-632X.

E-mail: nakhimova@gmail.com

Nakhimova Elena Anatolyevna.

Doctor of Philology.

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation.

Professor at Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language.

ORCID 0000-0003-4908-632X.

E-mail: nakhimova@gmail.com

Руженцева Наталья Борисовна.

Доктор филологических наук.

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация.

Профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного.

ORCID 0000-0002-1208-1202.

E-mail: verbalis@mail.ru.

Ruzhentseva Natalia Borisovna.

Doctor of Philology.

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation.

Professor at Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language.

ORCID 0000-0002-1208-1202.

E-mail: verbalis@mail.ru.

Научная статья

УДК811.113

DOI: 10.5281/zenodo.16223055

**A NEW PARADIGM FOR THE STUDY OF NOVEL:
NOTES ON SECOND VOLUME OF THE CHINESE THIRD EDITION
COLLECTED WORKS OF MIKHAIL BAKHTIN**

© 2025 *Ling Jianhou*

Peking university.

ORCID: 0009-0004-1106-1543

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

This article was completed at Peking University and was sponsored by the Chinese National Philosophical and Social Sciences Fund. The name of the major research project, to which the present article is attributed, is “A Study of the Russian School of poetics”, and the project number is 22&ZD286.

Favourably invited by Mr. Qian Zhongwen, the chief editor of the Chinese new edition *Collected Works of Mikhail Bakhtin*, the author of this paper was entrusted to write a “Translator's Preface” for its second volume (the volume on novel theory). The present notes first briefly introduce the reception of Bakhtin's collected works in China as well as the academic background underpinning the writing of the “Translator's Preface”, and then with the Chinese position interpret the characteristics of Bakhtin's study of novel theory from three perspectives: new routes, new concepts, and new paradigm.

Keywords: the Chinese-language *Collected Works of Mikhail Bakhtin*; novel theory; open theoretical system; cross-cultural dialogue; “harmony without uniformity”

For citation: Ling Jianhou. A new paradigm for the study of novel: notes on second volume of the Chinese third edition *Collected Works of Mikhail Bakhtin* / Jianhou Ling // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 48–59. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16223055>.

1.

In 1998, the 6-volume Chinese edition of *The Complete Works of Mikhail Bakhtin* was published [3], sparking a warm response in the Chinese academic community and creating a scene of “Luoyang paper being in short supply” (洛阳纸贵 – a phrase indicating extremely high popularity). As “the Bakhtin Boom” was waning in the Western countries, *The Complete Works* was revised and expanded to seven volumes and re-published in 2009 [4]. Mr. Qian Zhongwen, born in 1932, is the chief editor of *The Complete Works* and has long been engaged in the study of literary theory. Compared with what happened in the Western countries, Bakhtin studies in China were disadvantaged by a relatively late start, but they were to enjoy a strong momentum. Translating Bakhtin's academic heritage is a verification of Qian Zhongwen's sharp scholarly vision and insightful theoretical foresight.

During the summer vacation in 2017, the author of the present notes, favoured by Mr. Qian, was entrusted to write a translator's preface for the second volume (on novel theory) of the future third edition. The first draft of this preface was completed in April 2018. The new edition of the collected works was supposed to be published by the end of 2019. However, due to non-academic factors, the publishing house canceled the publication plan. The chief editor had to change the publishing house temporarily. Coincidentally, the COVID-19 pandemic broke out at that time. The publication of the 8-volume *Collected Works of Mikhail Bakhtin* (six

volumes of Bakhtin's works and two volumes of “the disputed texts” as “appendix volumes”) was postponed further again, and it was not until August 2024 that it was finally published [5].

During the late spring and early summer of 2021, Qian reached an agreement on the publication contract with Shaanxi Normal University Press. In a letter dated July 5th, regarding the delivery of all the manuscripts of the new *Collected Works of Mikhail Bakhtin* to the press, he said, “Dear Professor Ling, thank you for your generous promise. Please send me the supplementary annotation to *On the Educational Novel* around July 7th or 8th. Your contribution has been such a timely rescue before the revised manuscript of *The Collected Works of Mikhail Bakhtin* is sent out, fulfilling everyone's expectations and my own wish of many years. In the last few days, I have been proofreading my own collected works, the pre-printing versions of volumes 3, 4, and 5. I need to make some minor changes in some places so that I would leave no regrets behind. At my age, if still favored by luck and good health this year, I may be able to see my own five-volume collected works published in time. As for the new *The Collected Works of Mikhail Bakhtin*, I can hardly expect the same. But even so I'd have no regrets! Wish you a pleasant summer!” Later on, I was told that Mr. Qian was being hospitalized for quite a period of time. Fortunately, the old man survived the pandemic. He personally checked through the final proofs of *The Collected Works of Mikhail Bakhtin* and was sent the sample books. As his juniors, we deeply admire Mr. Qian Zhongwen's magnanimous mind and spirit of perseverance in his academic pursuits. Although an article specifically commenting on his contributions to Bakhtin studies in China was published in Russia June 2025 [8], we would like to take this opportunity to sincerely wish him good health and the ever-greenness of his academic achievements!

According to the copyright system in China, there is a time requirement for the republication of academic works, usually with an interval of ten years between editions, but reprinting is not restricted. The Chinese version of *The Collected Works of Mikhail Bakhtin* has been published in three editions within 30 years, which fully demonstrates that Bakhtin's academic heritage is widely popular in the Chinese academic community. By 2011, *Problems of Dostoevsky's Poetics*, translated into Chinese by professors Bai Chunren and Gu Yaling from Beijing Foreign Studies University in 1988, ranked the eighth on the list of “Foreign Works Most Cited in Foreign Literature Theses”, while the first-edition of *The Complete Works of Mikhail Bakhtin* in 1998 ranked the first on the list of “Foreign Works Most Cited in Foreign Literature Theses” and the fourth on the list of “Foreign Works Most Cited in Chinese Literature Theses” [10, pp. 317, 289]. Qian Zhongwen wrote a “Chief Editor's Preface” for each edition, introducing in detail Bakhtin's life, his academic achievements, and the topical issues in Bakhtin studies. For this new edition, he designated “Translator's Prefaces” to be written for Volume 1 and Volume 2. As for the other volumes, “Translator's Prefaces” are not required, for which there is no obvious reason. Perhaps it is his deliberate arrangement to reserve the special honor of the “Translator's Preface” for the fourth edition. At chief editor's suggestion, the length of the translator's preface should be constrained within 8,000-9,000 Chinese characters, mainly introducing the origin and development of the volume, and highlighting the interpretive perspectives and stances of Chinese scholars. In order to be fully ready for this preface, the author of this article has successively completed three papers on Bakhtin studies in advance. The first paper, “The Forms of Poetics and the Demands of Philosophy: The Academic Achievements of Bakhtin's Novel Theory”, mainly introduces Bakhtin's academic interests from the 1930s to the early 1940s, especially the influence of “Bakhtin's Novel Theory” on the Western academic community after the publication of the English *The Dialogic Imagination: Four Essays by Mikhail Bakhtin*. The second paper, “Bakhtin's Novel Theory: Background, Clues and Characteristics”, mainly clarifies the causes and consequences of Bakhtin's research

of the novel genre and the important position of his novel theory in his entire academic heritage. The third paper, “The Artistry of the Novel: Rethinking the Sources of Bakhtin's Poetics”, examines the internal and external academic contexts of his study of novel theory, and proves the view that even without a high-pressure ideological environment, studying the aesthetic laws of novel creation, which conforms to Bakhtin's own academic interests and internal theoretical logic, would surely have become an irresistible choice for him.

2.

From the early 1980s when Bakhtin was introduced into the Chinese academic community through Dostoevsky studies and English and French literary criticism to the successive publication of three editions of *The Collected Works of Mikhail Bakhtin*, the reception of Mikhail Bakhtin in China has spanned nearly 45 years. Over those four and half decades, many works of Western literary theory of the 20th century have been introduced or translated into Chinese. These include works on Western Marxism, feminism, post-modernism, especially those of Anglo-American New Criticism, French post-structuralism, German reception aesthetics and hermeneutics, the American deconstructionist school, as well as works on performance studies and world literature studies, which have all been translated into Chinese. Of course, the works of the Russian Formalist school and the Moscow – Tartu structuralist historical – cultural semiotic school have also attracted a good deal of attention. However, to one's surprise, the above mentioned Western works have left a legacy far less enduring than those of Bakhtin's in China. How so? The key lies in the fact that Bakhtin's academic thought bears uncanny genetic resemblance to the traditional Chinese culture.

From the theoretical thoughts of the pre-Qin philosophers to Wang Yangming's theory of the mind in the late Ming Dynasty, ancient Chinese thinkers all pursued a systematic understanding of the world, and most of these understandings were closely associated with “life-orientedness”. Specifically, they were closely related to the moral pursuit at three different levels, in ascending order of importance and magnitude, of the individual, of the family and of society. The Confucian classic *The Great Learning* states: “Those in ancient times who wished to illustrate illustrious virtue throughout the world first ordered well their own states. Wishing to order well their states, they first regulated their families. Wishing to regulate their families, they first cultivated their persons. Wishing to cultivate their persons, they first rectified their hearts. Wishing to rectify their hearts, they first sought to be sincere in their thoughts. Wishing to be sincere in their thoughts, they first extended their knowledge. Such extension of knowledge lay in the investigation of things. Things being investigated, knowledge became complete. Their knowledge being complete, their thoughts were sincere. Their thoughts being sincere, their hearts were then rectified. Their hearts being rectified, their persons were cultivated. Their persons being cultivated, their families were regulated. Their families being regulated, their states were rightly governed. Their states being rightly governed, the whole world was made peaceful and happy.” The main task of self – cultivation is moral cultivation, which starts from the investigation of things and the attainment of knowledge, and is accomplished through sincerity of thought and rectification of the heart. Only those who integrate knowledge and virtue can manage their families well, and those who can manage their families well are qualified to govern the country. When they govern the country, they first consider implementing benevolent government and moral governance, and then seek peace and stability throughout the world. It can be said that this is the “Way of The Great Learning” hidden in the subconscious of Chinese scholars throughout history.

The concept of “harmony without uniformity,” which has been existent in ancient China, serves as a means to achieve the goals of self-cultivation, family regulation, state governance,

and bringing peace to the world. *The Discourses of the States*, compiled around the turn of the Spring and Autumn and Warring States periods (around 476 BC), contains a chapter titled “Discourses of Zheng,” which records a dialogue between Duke Huan and Shi Bo regarding “harmony without uniformity.” Duke Huan asked, “Will the Zhou Dynasty decline?” Shi Bo replied, “It is almost certain to decline.” Then, Shi Bo cited a statement from the Tai Shi of the Book of Shangshu, which states that “what the common people aspire to, Heaven will surely follow.” He believed that King You of Zhou dynasty had abandoned those who were upright, virtuous, and illuminated, and instead favoured those who sowed discord and were crafty and sinister. Most importantly, he preferred “rejecting harmony and choosing uniformity,” that is, excluding propositions that differed from his own but might be correct, and adopting views that were the same as his own but might be wrong. Only harmony can generate all things; uniformity cannot lead to development. Harmony means coordinating and balancing different things to achieve concord, thus enabling enrichment and development, ultimately unifying all things. If one always turns differences into sameness, merely adding together identical things, then once they are exhausted, there is nothing left. The five elements of metal, wood, water, fire, and earth combine to generate all things. Blending five flavors makes the food palatable. Harmonizing six musical notes makes the sounds pleasant to the ear. Rectifying the seven sense organs serves the heart. Coordinating the various parts of the body makes a person complete. Establishing the nine internal organs fosters pure virtue. Thus, thousands of grades are produced, tens of thousands of methods are available, billions of things are calculated, trillions of properties are managed, and hundreds of millions of revenues are obtained. Therefore, the monarch, possessing the vast land of the nine provinces, obtains revenues to support the common people, educates them with loyalty and faith, and makes them harmonious and happy like a family. This is the acme of harmony. A wise ruler selects those who dare to remonstrate directly to serve as officials, handles numerous affairs, and endeavors to achieve harmony rather than uniformity. A single sound cannot be melodious, a single colour cannot create a pattern, a single flavour cannot make a delicious dish, and a single thing cannot be measured, referenced, or compared. King You of Zhou abandoned this principle of harmony and specifically favoured uniformity, so the Zhou Dynasty could not but decline. In conclusion, the co-existence of differences is the basic law for the harmonious development of the world, which is an important source of the philosophical concept of “harmony without uniformity.” This philosophical concept evolved into two distinct ways of getting along among people in “The Analects of Confucius: Zilu.” “Confucius said, ‘The 君子(jun zi, as the English gentleman) aims at harmony but not at uniformity. The 小人(xiao ren, as the English petty man) aims at uniformity but not at harmony.’” The former belongs to the gentleman's character of pursuing “harmony without uniformity,” while the latter belongs to the petty man's character of pursuing “uniformity without harmony.” Confucius compared the gentleman with the petty man to highlight that the gentleman, who pursues “harmony without uniformity,” values righteousness. Although people with such a character may have different appearances, their inner aspirations are consistent. On the other hand, the petty man, who pursues “uniformity without harmony,” values profit. Although they may seem to be in agreement on the surface, they cannot truly get along harmoniously, and contention is their normal state.

China attaches great importance to the exchanges and mutual learning among different civilizations, advocates treating different cultures in the way of “harmony without uniformity,” and emphasizes the harmonious situation of mutual appreciation and co-creation among heterogeneous cultures. The greatest significance of Bakhtin's academic heritage to the Chinese people, apart from his restoration of the origins of the genre of the novel, also lies in his revelation of the characteristic of the “harmony without uniformity” in the novel. This

characteristic strongly demonstrates that, as in China, there has been an “anti-uniform thinking tendency” or, as L.A. Gogotishvili in her paper *Variants and Invariants of M.M. Bakhtin* said, “anti-monological thinking tendencies” [6]. In 1970 Bakhtin said, When there is a dialogue between two cultures, “each culture still maintains its own unity and **open** integrity, yet they enrich and fulfill each other” [2, vol. 6, p. 457]. Bakhtin's ideas about cross-cultural dialogue and the inter-subjectivity philosophical foundation of “I and the Other” resonate with the ancient Chinese philosophical thoughts from 2,500 years ago. This is probably an important reason why contemporary Chinese intellectuals unconsciously identify with Bakhtin.

3.

Despite the efforts of his friends to intercede for him, Mikhail Bakhtin ultimately could not escape the fate of a legal penalty — he was deported to southern Kazakhstan for six years of labor reform. On March 29, 1930, four days before he set off for the place of exile with his wife, he drew out the research plan for «Questions of Rhetoric in the Novel» [2, vol. 3, p. 6]. The plan was likely conceived in early June 1929, shortly after the publication of «Problems of Dostoevsky's Creation» [2, vol. 3, p. 713]. It was also at this time that Rabelais began to come into his academic considerations [9]. The above-mentioned plan was a blueprint for the study of the novel as a literary genre. In the following decade or so (1930 – 1941), Bakhtin's academic exploration basically did not deviate from this original design. He discovered the rhetorical line of the eloquent style, which was different from that of the epic – novel, and traced the origins of the novel genre that developed along this line – the folk comic culture. He sought evidence in Rabelais' novels and named it the folk carnival culture. This broadened the horizons and methods of genre study of the novel in terms of cultural roots, provided a theoretical basis for the origin of the German Bildungsroman and the Russian polyphonic novel in the folk festival culture, and ultimately laid the foundation for the establishment of his new paradigm for humanistic research.

In 1975, Bakhtin's first collection of essays, “Problems of Literature and Aesthetics”, was published. The book contains a total of six articles, among which there are four long essays. In sequence, they are “The Discourse of the Novel: On Questions of the Rhetoric of the Novel”, “The Temporal Forms and Chronotope Forms of the Novel: An Outline of Historical Poetics”, “The Genesis of the Novel's Discourse”, and “Epic and Novel: On the Methodology of Novel Studies”. These are powerful works dedicated to the study of the genre of the novel. In fact, all of them were written in the 1930s. In 1934 – 1935, Bakhtin completed a manuscript titled «The Discourse of the Novel», which primarily delved into two aspects: the genre of the novel and literary discourse. Subsequently, this manuscript was split into three papers: “The Discourse of Poetry and the Discourse of the Novel”, “The Origins of the Novel's Discourse”, and “Epic and Novel”. These were successively published in the journal *Problems of Literature and the anthology Literature in Russia and Abroad* between 1965 and 1972. The main part of the essay on the chronotope was written in 1937 – 1938, and the “Conclusion” was added in 1973. The entire text was published in *Problems of Literature* in 1974 [1, pp. 4–5]. In 1981, American scholars compiled and published these four long essays in an English – language. Since then, «Bakhtin's novel theory» has become a specific term that has spread throughout the Western academic community. The third volume of the Russian-language Collected Works by M.M. Bakhtin published in 2012, based on the manuscript «The Discourse of the Novel», restored the original state of Bakhtin's study on novel theory from the 1930s to the early 1940s.

In Russia from the late 19th century to the early 20th century, the theoretical trend of thought that stood out the most prominently was the opposition to normative poetics and the pursuit of scientific poetics. In 1919, in his article «The Tasks of Poetics», V. M. Zhirmunsky

stated, “In recent years the science of literature has been developing under the banner of poetics” [14, p. 15]. In his 1925 textbook *Theory of Literature: Poetics*, B. V. Tomashevsky clearly pointed out that the task of poetics “is to study the various means of constructing literary works”, and its method “is to describe, classify various phenomena, and expound on these phenomena” [13, p. 22]. Like other formalists, he also made a distinction between “pure literature (poetry)” and “non-pure literature (prose/novel)”, believing that “the discipline that studies the structure of non-pure literary works is called rhetorics, and the discipline that studies the structure of pure literary works is called poetics. Rhetorics and poetics form the general theory of literature” [13, p. 25]. He divided poetics into historical poetics, which studies the origins of various literary devices, general poetics, which studies the functions of these devices, and normative poetics, which formulates the rules of literary creation. This textbook was praised as “a serious, clear, and substantial textbook”, “rare both in the past and today” [5, vol. Appendix 1, p. 16]. However, the practice of classifying novels into the category of “non-pure literature” and believing that they can only be studied by rhetoric was criticized by Bakhtin: “Since people couldn't find the expected pure poetic (in a narrow sense) forms in the novel's discourse, they denied that the novel's discourse had any artistic value; they claimed that like practical speech or scientific speech in life, it was just a non – artistic means of transmission” [2, vol. 3. p. 13]. He was deeply dissatisfied with the fact that “the style of the novel is mostly attributed to the ‘epic style’”, and that the novel was regarded as “a modern form of moral preaching... a non-artistic rhetorical genre” or “a mixture of rhetoric and pure poetry” [2, vol. 3, pp. 18, 20–21]. He believed that the so-called negative factors of the novel, such as having no clear boundaries, lacking stability, stylization, and clarity in genre, and lacking poetry in language, should actually be regarded as the advantages of the novel. Only in this way could one truly grasp the artistic characteristics of the novel genre. At that time, almost all Russian scholars interested in the novel inherited Hegel's tradition: the novel originated from the epic and was merely a mixture of the epic and drama. Many scholars even went further than their predecessors in belittling the novel and exalting the epic, with a more radical stance. Contrary to this popular tradition at that time, Bakhtin tried to start a new and find a new “foundation” for the novel, thus seeking a genre origin other than the epic for the novel. In the supplementary material “Questions of the Theory and History of the Novel” in 1943, he pointed out that the existing literary theory could not meet the needs of the study of the novel genre: «The novel has transformed European literary thinking. Literature, literary images, and literary discourse are no longer what they were before the novel became dominant. However, literary theory remains as it was (Aristotle – Horace – Boileau...). The novel should also transform the theoretical thinking about literature. The models of the world, of people, and of discourse themselves are different in the novel. Different, too, is the very basis of image construction» [2, vol. 3, p. 655].

For a long time both before and after Bakhtin wrote these words, the study of the novel had never broken free from the stereotype of its origin in the epic. He himself divided the novel genre into two “rhetorical lines”: “The first” belongs to the epic-eloquent style; “The second” was first proposed by him, and its origin was traced back to ancient folk comic culture. It is precisely the interweaving and mutual struggle of these two lines that jointly promoted the formation and continuous evolution of the novel genre.

4.

What strikes Chinese people the most in Bakhtin's works on novel theory is a series of new concepts. Some of them are his original coinages, truly “coining new terms”, such as novelization, internally persuasive discourse, alien discourse, dialogism, chronotope, double-

voicedness, speech genre, etc. Others can be regarded as “old terms with new meanings”, like ambivalence of the positive – negative unity, hybridization, intonation, embedding, parody, stylization, voice, non-direct speech, etc. It is precisely these new concepts that underpin the new paradigm for the study of novels. Bakhtin liked to use categories of contradictory opposition yet dialectical unity to expound on the particularity of the novel, elevating it to one of the originating genres on a par with the epic, lyric poetry, and drama, thus enhancing the distinctiveness of this genre.

Standard language (unified language, normative language, common language) – Heteroglossia; Centripetal force – Centrifugal force.

Heteroglossia is the most fascinating new discovery in Bakhtin's novel theory. Previous studies in linguistics and rhetoric often focused not on the whole of co-existing languages, but on the comparison between one language or several languages, as well as on how individuals use a certain language (most typically, the standard language) to create speech works. The standard language, that is, the officially recognized unified, normative, and common language, is a solid and stable core within the diverse dialects of a nation. Its formation is “the force that unifies and centralizes the world of discourse and thought” [2, vol. 3, p. 24], which is the result of the continuous action of centripetal force. The importance of centripetal force to the standard language and the importance of language unity to the formation of a nation and a country are self-evident. However, in the process of language unification, there is also a dispersive force, namely, centrifugal force. At every moment of its formation and development, language is not only divided into dialects as defined by linguistics, but also includes languages of different social consciousness, such as the languages of social groups, occupations, genres, genders, and generations. Together, they constitute heteroglossia. Thus, the normative language is just one type within heteroglossia, and it can be further divided into languages of different genres, schools, and functional styles within itself. As long as language survives and develops, the phenomenon of differentiation and heteroglossia will expand and deepen. In short, the struggle between centripetal force and centrifugal force creates a picture of a hubbub of voices. Heteroglossia is a true reflection of the centrifugal force of language and also reveals the real state of existence of human language.

Based on the above-mentioned view of language, Bakhtin compared the discourses of novels and poetry. He believed that the former is formed on the decentralized and centrifugal track of language and ideological life, while the latter develops on the centripetal track of cohesive and centralized ideology. In his opinion, the novel represents an image of heteroglossia, poetry represents an image of unified language, and the epic represents an image of the “absolute past”. Using the methods of studying the language of poetry and the epic to examine the novel cannot truly reveal the essential characteristics of its discursive art. Therefore, it is necessary to explore a new path and establish a unique methodology for novel research.

The first rhetorical route – The second rhetorical route; Epic – Novel; Finishedness – Unfinishedness.

Bakhtin traced two rhetorical routes in European novels. The first route originated from the eloquent narrative literature, and its basic feature is to maintain a certain degree of monolingualism and a uniform style. The second route consciously introduced social heteroglossia into creation. However, in their historical development, the novel following the first route gradually moved towards heteroglossia from top to bottom, while the novel following the second route “rose from the depths of heteroglossia, entered and mastered the high-level standard language” [2, vol. 3, p. 155] from bottom to top that is, they turned the elegant language into a component of heteroglossia. Bakhtin elaborated in detail on the relationship of

mutual struggle and confrontation between the epic and the novel, which represent these two routes. Compared with the epic, the novel came into being much later and is the only genre in the literary family that is still in the process of formation. The novel aims to depict the contemporary life of the author. Its images are open, incomplete in terms of meaning and value, and it has great freedom in form and content. The images of the epic are complete because it entirely belongs to the “absolute past”, that is, “there is an absolute epic distance” [2, vol. 3, p. 617] between the era of the epic author and the era, in which the epic events and characters are set. The art of the novel reveals the present existence oriented towards the future, while the epic presents the fixed and unchanging events of the past.

The epic, representing the first route, has a fixed and unchangeable creative stance. For example, sacred things must never be desecrated, and a feeling of reverence must be held towards heroic figures. The novel, which has developed along the second route, has completely liberated artistic thinking, making it possible for solemnity and laughter to transform into each other. The advantage of the novel also lies in “constantly changing all the forms it has taken shape” [2, vol.3, p. 641]. “Once it takes a dominant position in literary life, the whole system of genres has been changed (almost all other genres were novelized)” [2, vol. 3, p. 811]. Novelization essentially means adopting the creative stance of the novel. One creates with an unfinished and free stance. Whether it is the selection of character images, the arrangement of plot structures, the adoption of language styles, the description of scenes, or the expression of ideas, one consciously breaks free from the constraints of established genre frameworks. The polyphonic novel is a genre that has developed along the second route. Its artistic world lacks the epic – like completeness because the author endows the protagonist with the right to speak about the world and himself. For the novel that has developed along the first route, that is, the monologic novel as Bakhtin called it, the privilege of speaking about the world and the protagonist himself belongs to the author.

Descriptive discourse – Described discourse; The language consciousness of the describer – The language consciousness of the described.

The images in the novel are all depicted through language. In short, they are images of discourse. In the eyes of the novelist, any object is not an objective thing, but a “linguisticized” reality, consisting of various names, concepts, evaluations, etc. in the social heteroglossic world. The novel not only depicts real life but also serves as a unique stage for the intersection and dialogue of different languages. Most of the languages that enter the novel are not completely individualized. The author, the protagonist, and their unique voices seem to be immersed in the ocean of social heteroglossia. Therefore, the novel, as a whole, is a reflection of the language reality of the time. It is “a multi-stylistic, heteroglossic, and polyphonic phenomenon”, “a socially heteroglossic phenomenon organized by artistic means, occasionally a multilingual one, and also a unique polyphonic phenomenon of the individual” [2, vol. 3, p. 14]. In other words, it is a microcosm of the dialogized heteroglossic world. This world endows language with a special function in the aesthetic activities of the novel: it may no longer be a simple means of expression for referring to things and stating events; instead, the language itself often becomes the object of description. “The image of language as a deliberately created hybrid” “has two language consciousnesses: one is the language consciousness of the described, and the other is the language consciousness of the describer belonging to another language system” [2, vol. 3, p. 114]. Without the first consciousness, what the reader faces is not a literary work but a practical text, and its language directly refers to things and states events. Without the second consciousness, what the reader sees is not an image of language but “a sample of someone else’s language” (ibid.). To create images in the novel, two language consciousnesses are often required. “One language consciousness is reflected by the other”, or in other words,

“it must be from the perspective of another language (the generally recognized normative language)” (ibid.). One of the important methods for creating the language image of a novel is “the hybridization of language”. The deliberate hybridization is not only marked by certain linguistic forms but also possesses semantic value, such as the interweaving of two worldviews or two intentions and viewpoints represented by two social languages. In the historical development of the natural language, the natural hybridization itself will give rise to new worldviews.

Skilled writers are adept at transforming the language in their works into a form that both describes and is being described simultaneously, which fully manifests the mutual reflection between the language consciousness of the describing and that of the being described. Let's take an example to illustrate this. Lu Xun's *A Madman's Diary* was a pioneer of vernacular novels during the May 4th Movement. However, at the beginning, there is a short preface in classical Chinese. Why? At that time, during the formative years of stylistic innovation in literature, the mixture of classical and vernacular Chinese was not uncommon as a transitional form. Generally, it was just a personal writing style of the writer and might not imply other intentions. But Lu Xun was different. The narrator employs classical Chinese discourse to explain the matter (“one language consciousness”, that is, the character's consciousness of classical Chinese), and within the overall framework of the novel (“another language consciousness”, that is, the author's consciousness of vernacular Chinese), this discourse and the speaker behind it seem to be “put on display” for readers to observe, compare, and even mock. The narrator uses classical Chinese to explain the origin and development of the diary, while the author, through the classical Chinese style, reveals the narrator's dull, pedantic, and self – conceited image. From the perspective of the internal dialogism of the discourse, the preface clearly belongs to parodic (mimicking) discourse. The author imitates the classical Chinese style with a satirical intention towards the narrator's consciousness of classical Chinese. And the discourse in the diary, which is the main text, belongs to stylized discourse. The author imitates the vernacular style of the madman and forms an «alliance» with this style to resist and subvert the image of the feudal orthodoxy, which is the protagonist hidden in the readers' consciousness. When the describing and being described merge into one within the same discourse, it triggers a “chemical reaction” in the language, a phenomenon worth further exploitation. Unfortunately, its significance to literary creation has not yet received due recognition, and its theoretical potential has not been deeply explored.

In his monograph on Dostoevsky, Bakhtin mainly explored various dialogical relationships between the author and the protagonist. By the 1930s, he shifted his focus from character images to language images, and thus from the exploration of existence to the field of language. This led to the emergence of a topic frequently discussed in post-modern philosophy: regarding existence as a problem of language reality.

Solemnity (seriousness, loftiness) – Laughter (wittiness).

Where exactly lies the genre origin of the novel discourse developed from the second rhetorical route? The answer to this question constitutes the core of Bakhtin's methodology for the study of the novel. This origin is the folk comic culture. The key to Bakhtin's discovery of this fact is the category of chronotope that he borrowed from A. A. Ukhtomsky. This category not only functions in the layout of the plot (pure layout form), but also plays a role in determining the plot and character images (constructive form). It is a category that combines form and content, reflecting the clear thread of Bakhtin's academic pursuit during this period. It has a two-fold theoretical significance: there are many large and small chronotopes within the artistic world of the work, and they are in various dialogical relationships; the communication between the work and real life is achieved through the chronotope. In the

process of the writer's creation and the reader's reception, the collisions and dialogues between the chronotope of the artistic world and the real-life chronotopes of the writer and the reader all illustrate the complexity and particularity of the chronotope, which originates outside art, acts on the artistic world, and transcends the artistic world. Therefore, the chronotope is widely recognized as a cultural category with great academic potential. However, for Bakhtin, it was initially just a theoretical instrument for exploring the evolution of the novel genre. With this, he discovered the uniqueness in the creation of Rabelais' novels and first proposed "Rabelaisian laughter" [2, vol. 3, pp. 421, 484], believing that *Gargantua and Pantagruel* is a typical representative whose origins of genre lie in the folk comic culture.

The folk comic culture is a significant discovery when Bakhtin constructed his novel theory, playing a specific role of continuing the polyphonic novel theory before and paving the way for the carnivalization theory after. Bakhtin first presented his discovery of the folk comic culture in his article on chronotope, and then immediately wrote "Rabelais in the History of Realism", which made the novels of the second rhetorical route run through from their pre-historical discourse to modern discourse. Eventually, it provided a solid theoretical foundation for Bakhtin to formulate the research methodology for the study of the novel.

5.

The above-mentioned new concepts also reflect the characteristics of Bakhtin's philosophical thinking after the 1920s: the integration of philosophy and philology (literary studies/linguistics), as explained by V. V. Kozhinov, "Any 'philological-sense' judgment in Bakhtin's works is also, and to the same extent, a 'philosophical-sense' one" [7, p. 122]. Galin Tihanov believes that Bakhtin's study on the novel and its theory goes beyond literature itself, forming a unique cultural philosophy [12, chapter 3]. The integration of philosophy and philology can be verified by Bakhtin's short essay "On the Philosophical Foundations of the Humanities", written between 1941 and 1943. This essay is actually a "philosophical" continuation of his novel theory. As suggested by the text in the caption, the manuscript is clearly divided into two parts. The first part expounds on the epistemological issues of the humanities, and the second part, combined with the study of Rabelais, discusses "seriousness" and its relationship with laughter, which can also be attributed to epistemological issues. This also means that Bakhtin has taken a solid step from the research methodology of the novel to the research methodology of the humanities as a whole.

In "Problems of Dostoevsky's Creation", which was written and revised over a period of ten years and published in 1929, Bakhtin pointed out that the path of philosophical monologization is the basic path of literary criticism on Dostoevsky, and Relevant scholars all regarded Dostoevsky's artistic world as a framework of a monologue system dominated by a unified worldview [2, vol. 2, pp. 14–16]. However, in Bakhtin's view, this is not the case:

«All elements of the structure of the novel acquire profound uniqueness in Dostoevsky's works. All these elements depend on a new artistic task, which only Dostoevsky could put forward and address with great breadth and depth. This task is to create a polyphonic world and break the established forms of European novels, which are basically *m o n o l o g i c* (single-melody)» [2, vol. 2, p. 13].

The polyphonic novel, a new type of novel centered around the artistic thinking of dialogue, serves as a powerful counterforce against the "philosophical path of monologization". This constitutes the primary internal impetus for Bakhtin's unhesitating transition from the realm of philosophy – aesthetics to the field of philology. In brief, with the aim of delving into the genre origin of the polyphonic novel, Bakhtin embarked on a decade – long exploration of the artistry of the novel. He unearthed the folk comic culture and its "literary carnivalization"

tendency, thereby giving rise to two complementary thinking trends within his theoretical framework: dialogue and carnival, both of which subvert the monologic thinking tendency. Evidently, the ingenious construction of Bakhtin's novel theory conceals his discontent with the European culture dominated by monologic thinking, along with his unwavering pursuit of the diametrically – opposed thinking tendency.

Bakhtin constructed a novel theory with the form of poetics but the essence of philosophy. Among them, the relationship between the monologic and anti-monologic thinking tendencies is a hidden yet most fascinating feature. L.A. Gogotishvili elaborated in detail on the interaction between several monologic thinking tendencies and the anti-monologic thinking tendency composed of dialogue and carnival when interpreting M.M. Bakhtin. This can accurately illustrate the Russian thinker's lifelong academic pursuit, and the result of this pursuit is enough to trigger a “Copernican revolution”.

Bakhtin initiated a new paradigm for humanistic studies, the “thinking system of monologism and anti-monologism”, and through his study of the novel, he created many new categories to support this new paradigm. He used pairs of concepts that are easy to understand and even common in daily life. Besides those listed above, there are also “monologue – dialogue”, “monologism – dialogism”, “monologic novel – polyphonic novel”, “sentence – discourse”, “direct speech- non-direct speech”, “poetic – novelistic”, etc. There are also “official culture – folk culture” which describes the world perception of the “carnival”, and its richly connotative extended concepts such as “carnivalization”, “literary carnivalization”, “carnivalization of consciousness”, “carnivalization of routine life”. In order to expound the characteristics of the anti-monologic cultural thinking tendency composed of a series of categories such as “dialogue – carnival – novel – discourse – heteroglossia – centrifugal force – incompleteness – laughter”, and also to clarify the particularity of the novel genre, Bakhtin also adopted concepts such as event, action, duality, speech genre, novelization, chronotope, hybridization, intonation, inlay, parody, voice, polyphony, and the other's discourse (chuzhoe slovo). All the above-mentioned terms have been endowed with unique connotations within the context of Bakhtin's academic legacy. The vast majority of them have been adopted by scholars of literary and cultural studies. Russian scholars have even specifically compiled and published *The Bakhtin Lexical Repository* [11] to explain in detail this whole set of terms and their internal relationships, an endeavor that, regrettably, the international philosophical community has been very lukewarm about. The reason, after all, is that Bakhtin's conceptual system is incompatible with the current philosophical paradigm, and thus fails to gain the general recognition of the philosophical community.

When examining Bakhtin's novel theory, it is difficult to understand why he was so enthusiastic about exploring the anti-monologic thinking tendency derived from concepts of dialogue and carnival in the history of European culture, if we fail to recognize the historical background in which his theory came into being and was discovered. It is hard to gain a fuller understanding of the internal logic of Bakhtin's conceptual system that combines the form of poetics with the essence of philosophy without delving into the personal history of his academic development. And it is nearly impossible to truly comprehend his revolutionary new paradigm for humanities research without a deep-going elaboration of his unique “lexical repository”. In short, Bakhtin's study of the theory of the novel, serving as a subtle camouflage of his reflections on the relationship between monologic and anti-monologic thinking, is something truly worth further contemplations by Bakhtinian scholars.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. (1975) Problems of Literature and Aesthetics. Moscow: “Artistic literature” Publishing House (in Russian).

2. Bakhtin M.M. (1997–2012) Collected Works, in 7 volumes. Moscow: “Russian Dictionaries”, “Languages of Slavic Cultures” Publishing House (in Russian).
3. Bakhtin M.M. (1998) The Complete Works, in 6 volumes. Compiled and edited by Qian Zhongwen, Shijiazhuang: Hebei Education Press (in Chinese).
4. Bakhtin M.M. (2009) The Complete Works, in 7 volumes. Compiled and edited by Qian Zhongwen, Shijiazhuang: Hebei Education Press, 2nd edition (in Chinese).
5. Bakhtin M.M. (2024) Collected Works, in 8 volumes. Compiled and ed. by Qian Zhongwen, Xi'an: Shaanxi Normal University Press, 3rd edition (in Chinese).
6. Gogotishvili L.A. (1992) “Variants and the Invariants of M.M.Bakhtin.” in Problems of Philosophy, No.1, pp. 115–133 (in Russian).
7. Kozhinov V. (2014) “Bakhtin’s Creation and Fate in the 1930s.” Translated from Russian by Li Junsheng, in Profiles and Testimonies: Bakhtin in the Eyes of Contemporary Scholars, Compiled and edited By Zhou Qichao and Wang Jiaying, Nanjing: Nanjing University Press, pp. 118–134 (in Chinese).
8. Ling J., and Jiang Y. (2025) Qian Zhongwen and Bakhtin Studies in China. Studia Litterarum, No.2, pp. 28–51 (in Russian).
9. Popova I. (2006) The ‘Word Carnival’ of François Rabelais: Bakhtin's Book and the Methodological Dispute between France and Germany in the 1910s – 1920s. New Literary Review, No.3, pp.86–100 (in Russian).
10. Su X. (2011) Report on the Academic Influence of Chinese Humanities and Social Sciences Books. Beijing: China Social Sciences Press (in Chinese).
11. Tamarchenko N.D. (compl.) (1998) The Bakhtin Lexical Repository: Materials and Research. Moscow: Russian Humanities University Press (in Russian).
12. Tihanov G. (2019) The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Beyond. California: Stanford Press University (in English).
13. Tomashevsky B.V. (2002) Theory of literature: Poetics. Moscow: Aspect Publishing House (in Russian).
14. Zhirmunsky V.M. (1977) Theory of literature, Poetics, Stylistics. Leningrad: Leningrad Branch of the “Science” Publishing House (in Russian).

Поступила в редакцию 20.05.2025 г.

Лин Цзяньхоу.

Доктор философии.

Пекинский университет, г. Пекин, КНР.

Профессор института мировой литературы факультета иностранных языков.

ORCID: 0009-0004-1106-1543.

E-mail: lingjh@pku.edu.

Ling Jianhou.

PhD in Literature.

Peking University, Beijing, PRC.

Professor at the Institute of World Literature, School of Foreign Languages.

ORCID: 0009-0004-1106-1543.

E-mail: lingjh@pku.edu.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.16223266

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ¹⁰

© 2025 Н.В. Гладкая

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID: 0000-0003-3903-4438

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются политические интернет-мемы, отражающие геополитическое отношение России и Запада через призму индивидуального восприятия пользователей социальных сетей российского сегмента Интернета. В условиях конфликтов и идеологических противостояний интернет-мемы не только транслируют юмор или сатиру, но и кодируют культурные коды, историческую память и национальные мифы. В условиях информационных войн такие мемы становятся инструментом мягкой силы. В результате проведенного анализа, мы выделили отличительные черты, характерные для политических мемов, связанных с геополитическими взаимоотношениями России, Америки и Европы. В научной литературе анализ политических мемов представлен недостаточно, что подчеркивает инновационный характер настоящего исследования. В перспективе, изучение политических интернет-мемов способствует расширению знаний о влиянии цифровой среды на геополитическую культуру и социум. Полученные данные могут быть использованы для разработки коммуникационных стратегий в политической интернет-среде, а также для формирования позитивного имиджа главы государства.

Ключевые слова: политические интернет-мемы, цифровизация, культурная самоидентичность, прецедентный феномен, медиасфера.

Для цитирования: Гладкая Н.В. Лингвокультурный анализ политических интернет-мемов / Н.В. Гладкая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 60–69. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16223266>.

Введение. В эпоху цифровизации интернет-мемы стали неотъемлемой частью политического дискурса, трансформируя сложные идеи в лаконичные визуально-текстовые форматы. Интернет-мем представляет собой распространенное в сети явление, характеризующееся унифицированной структурой, включающей текстовый и визуальный компоненты, или же изображение, однозначно ассоциирующееся с определенной эмоцией или ситуацией. По Л. Шифман, «интернет-мемы обладают четкими прагматическими функциями, представляя собой целостные и завершенные единицы» [13]. В лингвистическом контексте интернет-мем трактуется как разновидность полимодального дискурса, реализуемого в интернет-коммуникации, где задействовано несколько каналов передачи информации, таких как вербальный и невербальный [2]. Этот полимодальный аспект позволяет мемам эффективно передавать сложные сообщения и смыслы, используя комбинацию различных семиотических ресурсов.

Политические мемы, в свою очередь, становятся инструментом осмысления власти, протеста или консолидации, используя язык улиц, актуальные события и

¹⁰ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 1023111500001-7).

культурные коды, понятные пользователям социальных сетей [12]. Данная статья исследует политические мемы через призму лингвокультурного анализа, раскрывая, как они кодируют актуальные социально-политические нарративы. Интернет-мемы, возникшие на стыке цифровой культуры и политики, стали уникальным инструментом выражения коллективной идентичности. В условиях конфликтов и идеологических противостояний они не только транслируют юмор или сатиру, но и кодируют культурные коды, историческую память и национальные мифы. На примере мемов о Донецке, России и Украине можно проследить, как цифровой фольклор отражает глубинную связь между политикой, языком и культурной самоидентичностью. **Целью** данного исследования является лингвокультурный анализ современных политических мемов, связанных с геополитическими отношениями России и Запада.

Основная часть. Исследователи рассматривают мемы как специфическую форму прецедентных феноменов, отличающихся «надындивидуальной природой, высокой степенью узнаваемости среди носителей определенной лингвокультуры, актуальностью и повторяемостью, а также важностью для участников коммуникации с точки зрения когнитивной и эмоциональной оценки» [8, с. 232]. Данные образования, как правило, вызывают определенный спектр эмоциональных реакций, варьирующихся от позитивных, таких как веселье, восторг и удовлетворение, до негативных, включая гнев, возмущение, тревогу и отвращение. Иными словами, мемы, функционируя в рамках конкретного культурного контекста, воздействуют на эмоциональную сферу индивидуума, вызывая предсказуемые реакции, обусловленные как личным, так и коллективным опытом. Анализ мемов, таким образом, позволяет выявить доминирующие настроения и ценности в обществе [14].

В рамках теории медиапространства, предложенной Д. Рашкоффом, мем квалифицируется как медиавирус – явление, способное инициировать значительные трансформации в социальной структуре [11]. Рашкофф определяет медиавирус как сущность, обладающую потенциалом привлечения широкого внимания, будь то конкретное событие, инновационная разработка, технологическое решение, комплекс идей, музыкальный фрагмент, визуальный образ, научная парадигма, скандальная ситуация, тенденция в моде или популярная личность [11, с. 10]. Ключевым атрибутом медиавируса выступает его способность завладевать вниманием аудитории и оказывать влияние на общественное сознание.

По своим жанровым характеристикам, интернет-мем обнаруживает значительное сходство с политической карикатурой, разделяя такие признаки, как юмористическая направленность, четкая адресация, завершенность формы и лаконичность выражения [7]. Принципиальное различие заключается в целеполагании: политические карикатуры, как правило, создаются профессиональными художниками и журналистами для продвижения определенных политических взглядов или контрпропаганды, что соответствует классическим моделям политической коммуникации [1]. В противовес этому, политические интернет-мемы зачастую представляются как форма низового, народного творчества, широко распространяемая и архивируемая в онлайн-среде. Существование многочисленных платформ, так называемых «мемогенераторов», позволяет любому пользователю сети создавать и распространять мемы, что способствует демократизации политического дискурса [6]. Однако следует отметить, что политические акторы сами нередко инициируют создание и распространение мемов, имитируя массовую креативность. Данные явления известны как «forced memes», или «кооптированные мемы» – спонтанно возникшие мемы, которые активно продвигаются заинтересованными сторонами для достижения политических целей [9].

Помимо интерпретационной роли, формирования политического имиджа и дискредитации политических противников, политические мемы выполняют важную функцию компенсации социальной изоляции. Согласно исследованиям Е.В. Бродовской и В.А. Лифановой, мемы оперативно создают у индивида чувство общности и обеспечивают основу для полноценного коммуникативного взаимодействия [2, с. 5]. Это достигается благодаря сетевой структуре социальных медиа, которая предоставляет широкие возможности для установления новых социальных связей. Социальные сети, как платформы для распространения мемов, усиливают эффект принадлежности к группе, что способствует снижению чувства отчуждения. Мемы действуют как быстрый способ идентификации с определенной политической или социальной группой, что особенно важно в условиях фрагментированной коммуникации и роста социальной аномии.

Феномен интернет-коммуникации, включая ее применение в политической сфере, был проанализирован в работах ряда исследователей, таких как Л.В. Великолуг [3], М.Д. Дмитриева [5], Н.К. Радина [10], С.А. Шомова [15] и другие. Данные ученые акцентируют внимание на избирательности распространения информации в сети Интернет, подчеркивая, что вирусный потенциал имеют лишь те сведения, которые вызывают эмоциональный отклик, интерес или ассоциации у значительной части пользователей. Интернет-коммуникация, в частности, посредством онлайн-комментариев на политические темы, выступает как инструмент политической мобилизации, способствуя формированию новых социальных ролей и практик среди участников интернет-дискурса [10, с. 115]. Следует отметить повышенную интенсивность онлайн-дискуссий, касающихся участия вооруженных сил Российской Федерации в операциях по демилитаризации и денацификации Украины. В современной цифровой среде наблюдается разнообразие форматов интернет-мемов, которые классифицируются по способу выражения на текстовые мемы, изображения-мемы, медиамемы, GIF-анимации и креолизованные мемы. Наиболее частотные политические интернет-мемы в социальных сетях – текстовые мемы, изображения-мемы, медиамемы [16].

Методы и материалы исследования. В рамках проведенного исследования применялся комплекс теоретических и эмпирических методов. Теоретический анализ включал в себя изучение существующей научной литературы по рассматриваемой теме, а также синтез и систематизацию полученных сведений. Практическая часть исследования опиралась на методы описательного и эмотивного анализа, предназначенные для выявления и интерпретации эмоциональной окраски текстовых данных. В нашем исследовании мы акцентировали внимание на политических мемах, функционирующих в социальной сети «ВКонтакте», а также мессенджере «Телеграм». Исходя из проведенного анализа, мы выделили отличительные черты, характерные для политических мемов, связанных с геополитическими взаимоотношениями России, Америки и Европы:

- использование языковой игры (каламбуры, ирония, диалектизмы) для кодирования идеологических посланий;
- апелляция к культурным архетипам (советское наследие, православная символика, городской фольклор);
- конструирование мифов (трансформирование исторических и текущих событий в упрощенные, эмоционально заряженные образы).

Рисунок 1

(<https://interesnoe.me/view/content/upd/95818730>)

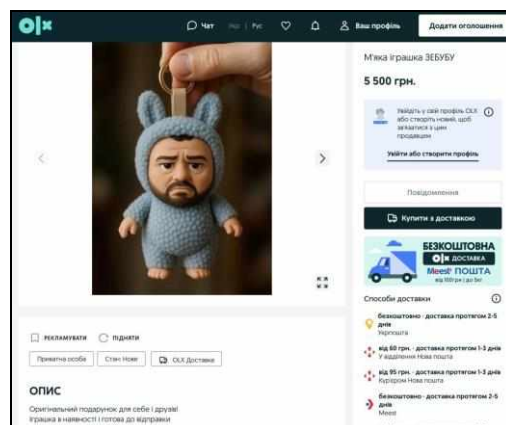

Рисунок 2

(https://t.me/antimaydan_info/82561)

Стоит отметить, что в области информационного противоборства Российская Федерация демонстрирует определенное отставание, обусловленное, в частности, отсутствием развитой инфраструктуры национальных социальных медиа-платформ. Данный фактор ослабил традиционный контроль государства над информационными потоками и предоставил возможность использовать зарубежные социальные сети в качестве латентного инструмента для манипулирования сознанием молодежной аудитории. Научное изучение феномена мемов и их воздействия на целевую аудиторию в России началось существенно позже, чем в западных странах [13]. Как следствие, разработка и внедрение эффективных стратегий ведения «меметических войн» в российском сегменте информационного пространства носит преимущественно интуитивный характер, в отличие от систематизированного подхода, применяемого зарубежными акторами. Тем не менее, в период с марта 2024 года наметилось активное усиление пророссийских интернет-мемов, это обусловлено заметным продвижением российской армии и освобождением территорий, а также абсурдными и нелогичными действиями со стороны европейских соратников Украины. Такие геополитические изменения способствуют активному появлению и распространению мемов с использованием языковой игры. Например, на рисунке 1 изображены европейские лидеры в образе младенцев справляющих нужду и изображение подкреплено соответствующей надписью «Санкции накладывают». В данном примере комический эффект возникает на стыке текстовой и иконической части, т.к. прямое значение выражения «накладывать» в значении «налагать» в сочетании с отвлеченным существительным «санкции» вступает в конфликт с переносным и просторечным значением слова «накладывать», подкрепленным изображением. Таким образом, происходит ироническое уничижение европейской стороны. Стоит отметить, что, как правило, основой для каламбуров о политических лидерах служит общественное мнение об их личности. Так, в информационном поле, президента Украины воспринимают, как марионетку в руках европейских лидеров, поэтому такая же образная параллель прослеживается и в мемах с его участием. Например, на рисунке 2 изображен Зеленский в образе куклы Лабуку (мягкая игрушка-брелок в виде монстра), а каламбурное название «Зебубу», что также отсылает к фамилии украинского лидера, только усиливает комический эффект.

Безусловной популярностью в политических интернет-мемах обладает образ президента России В.В. Путина. В сети лидер России предстает как архетипичный образа силы, власти, достоинства, мудрости, непоколебимости, который достигается как при

индивидуальном изображении Путина (чаще всего в подобных мемах используется изображение медведя как символа России, олицетворяющего могущество и независимость русского народа, стойкость в борьбе за свои идеалы (Рисунок 3,4) или использование ярких цитат, сказанных президентом России, например, *Нравится, не нравится – терпи, моя красавица* (Рисунок 5), *Как раб на галерах, Отрежем, что не выросло, Где деньги, Зин?*, *Их прислали подглядывать, а они подслушивают* и др.), так и в сравнении с другими лидерами. Наиболее частотны интернет-мемы, в которых прослеживается сравнение между президентом России и президентами США, особенно в контексте выборов в Америке и мирных переговоров с Украиной.

Рисунок 3

(<https://dzen.ru/a/aAul9Sir7W98Rpotf>)

Рисунок 4

(<https://zps-news.ru/other/2024/10/07/391932.html>)

Рисунок 5

(<https://qiwiq.ru/viyrajenie/nravitsya/ne/nravitsya/terpi/moya.html>)

В русскоязычном сегменте Интернета особую популярность имеет серия мемов о политических взаимоотношениях президентов России и США, получившая название «Договорнячок». Такое название обусловлено тем, что в западных странах, где президент Путин часто подвергается критике и представлен в негативном свете, сторонники прогрессивных взглядов нередко сравнивают Дональда Трампа с российским лидером, характеризуя его как «американского Путина». Оба политика демонстрируют харизматичный и напористый стиль общения, что соответствует архетипу «лидера». В русскоязычном сегменте Интернета в интернет-мемах о русском и американском президентах прослеживается архетип «свой человек» (Рисунок 6), а также архетип «начальник – подчиненный», где начальником выступает В.В. Путин, а подчиненным – Трамп (Рисунки 7, 8).

Рисунок 6

(<https://smart-lab.ru/blog/news/1110478.php>)

Рисунок 7

(<https://www.liveinternet.ru/users/5065822/post508231795/>)

Рисунок 8

(<https://cont.ws/@Taksist1964/765259/full>)

Современная политическая реальность способствует созданию мифов – это процесс преобразования исторических и современных происшествий в более доступные и эмоционально насыщенные представления. Этот процесс часто включает упрощение сложных реалий и акцентирование внимания на определенных аспектах, чтобы вызвать сильные чувства и убеждения в аудитории. Мифологизация может служить различным целям, включая консолидацию социальной идентичности и легитимацию политических действий. Она представляет собой мощный инструмент влияния на общественное мнение и восприятие реальности. Интернет-мем «Вежливые люди» представляет собой показательный случай успешной реализации Россией стратегии информационного противодействия. Примечательно, что первое упоминание о «вежливых людях» появилось случайно в блоге украинского интернет-издания «Главред», затем эта фраза, ставшая впоследствии мемом федерального масштаба, была использована в российском информационном пространстве, в блоге Станислава Апетьяна. Дискурс о «вежливых людях», возникший в сетевом пространстве, оперативно транслировался в общественное сознание, получив общенациональное признание и выйдя за рамки виртуальной среды (например, установка памятника в г. Белогорске в 2015 г.). Эволюция данного мема прослеживается от публикации в сетевом дневнике до статуса широко известного интернет-феномена, впоследствии институционализированного в форме монумента, памятной даты и отличительного элемента одежды (шеврона) для Вооруженных сил Российской Федерации (Рисунок 9, 10, 11, 12). Широкое распространение мема было обусловлено публикацией фотоматериалов с участием обычных граждан, включая семьи с детьми, молодых женщин и домашних животных, на фоне военнослужащих, получивших обозначение «вежливые люди». Подобные визуальные сопоставления провоцировали состояние когнитивного диссонанса, поскольку реакция населения на вооружённых лиц в масках отличалась от ожидаемой: вместо проявления настороженности наблюдалась выраженная поддержка. Использование образов повседневности в сочетании с милитаристской символикой создавало эффект неожиданности, стимулируя позитивное отношение к происходящему и снижая уровень тревожности в обществе. Для киевской власти и медиа «вежливые люди» стали образом врага, одержавшего победу в медийном поле, т.к. данный мем был принят оппонентами помимо их воли, с украинской стороны его использовали такие издания, как «Страйк», «Корреспондент.нет», «From_ua.ru», «Вести-репортер», «Гордон» и др. [4, с. 34].

Рисунок 9 (<https://ragequitrpg.com/vezhlivye-lyudi-ili-zelenye-chelovechki-v-krymu>)

Рисунок 10 (<https://wishescards.ru/vejliiviye/tvoi/>)

Рисунок 11 (<https://wishescards.ru/vejliiviye/tvoi/>)

Рисунок 12 (<https://ragequitrpg.com/vezhlivye-lyudi-ili-zelenye-chelovechki-v-krymu>)

Анализ феномена «вежливых людей» демонстрирует типичную траекторию развития успешного интернет-мема, включающую три последовательные фазы:

- во-первых, для оптимизации вирусного распространения в медиасреде мем претерпевает семантическую диверсификацию, обрастая новыми коннотациями и метафорами, что приводит к постепенному отходу от первоначального контекста. Подобная эволюция способствует расширению целевой аудитории, стимулирует создание новых форматов мема и обеспечивает его проникновение в различные коммуникационные каналы;

- во-вторых, происходит репликация мема в креолизованные тексты, такие как фотографии, сопровождаемые юмористическими подписями, а также в новых визуальных формах, включая рисунки, аниме, стикеры, GIF-анимации и комиксы;

- в-третьих, на основе ассоциативных связей извлекаются новые смыслы, порождающие размышления о специфике российской военной стратегии, подразумевающей установление контроля над территориями без применения вооруженной силы («вежливость берет города»). Вокруг мема формируются ассоциативные цепочки, ассоциирующие образ русского солдата с защитником добра и справедливости, единством народа и армии и символом исторического момента.

Этот процесс можно концептуально определить как формирование симулякра (концепция Ж. Бодрийяра), в рамках которого мем «вежливые люди» трансформировался в ключевой элемент российского политического дискурса [4].

Заключение. Интернет-мемы, вследствие их обширного охвата аудитории, стремительного распространения, значительной эмоциональной насыщенности и актуальности, превратились в действенный инструмент воздействия на общественное

мнение. Феномен клипового мышления приводит к тому, что общество мыслит мемами, измеряет эффективность медиа в мемах, по мемам без труда можно отследить происходящие в обществе события. Мемы, формируемые на основе разнообразного контента (видео, аудио, высказываний, изображений и т.д.), используют широкий арсенал риторических стратегий, обладающих манипулятивным потенциалом. Ослабляя критическое восприятие информации, они способствуют распространению политических идей, формируют или дискредитируют имидж политических акторов и партий, стимулируют мобилизацию пользователей и укрепляют чувство групповой идентичности. При этом мемы могут возникать как стихийное проявление народного творчества, своеобразный «цифровой фольклор», но также служат инструментом политического PR, используемым как государственными структурами, так и оппозиционными силами. В контексте геополитических отношений России и Запада, где политические конфликты и идеологические противостояния активно мифологизируются, мемы выступают как «зеркало» коллективного сознания. Становится ясно, что в условиях сетецентрической войны крайне важно формировать и распространять позитивный внутренний образ России, противопоставляя его глобалистским идеологиям. Любое оружие может служить не только для атаки, но и для защиты. В ходе нашего исследования было выявлено не только активное использование мемов в политической коммуникации, но и ожесточённое противостояние смыслов и идеологических позиций в мемосфере. Меметическая война в политическом дискурсе представляет собой сложный процесс борьбы за смысл, в котором участвуют не только различные политические акторы, но и разнообразные формы и жанры вирусных меметических конструкций.

Данная статья фокусируется на лингвокультурном анализе современных политических мемов, связанных с этими регионами, раскрывая, как языковые игры, культурные символы и исторические отсылки формируют альтернативные политические реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонова Ю.Д. Трансформация интернета как пространства общественно-политических коммуникаций: от глобализации к гло(локал)анклавизации / Ю.Д. Артамонова, С.В. Володенков // Социологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 87–97.
2. Бродовская Е.В. Политический интернет-мемы как инструмент формирования общественного мнения о политических лидерах и политических партиях (на примере пенсионной реформы в России) / Е.В. Бродовская, В.А. Лифанова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 3–14.
3. Великолут Л.В. Лингвокультурологический анализ прецедентных феноменов как способ формирования межкультурной коммуникации / Л.В. Великолут // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 7 (836). – С. 231–241.
4. Гладкая Н.В. Влияние интернет-мемов на формирование общественного мнения: теоретический аспект / Н.В. Гладкая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 30–35.
5. Дмитриева М.Д. Интернет-мем как метод политической коммуникации / М.Д. Дмитриева // Современная медиасфера: традиции, актуальные практики и тенденции, взгляд молодых исследователей. – СПб. : Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2018. – С. 74–80.
6. Зазнаев О.И. Проблема взаимосвязи интернета и политики в современных отечественных исследованиях / О.И. Зазнаев, Э.И. Авзалова // Политическая экспертиза: Политэкс. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 91–106.
7. Канашина С.В. Интернет-мем и политика / С.В. Канашина // Политическая лингвистика. – 2017. – №1. – С. 69–72.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 2010. – 264 с.

9. Кудашов И.В. Креолизация образа В.В. Путина через интернет-мемы / И.В. Кудашов, Е.В. Спирин // История мировых цивилизаций: восприятие, образ, репрезентация власти: материалы IX Всеросс. науч. конф. Красноярск: Изд-во Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2016. – С. 194–202.
10. Радина Н.К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях / Н.К. Радина // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 115–129.
11. Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. – Екатеринбург : Ультра, Культура, 2003. – 368 с.
12. Родионов М.А. Трансформация политической коммуникации в условиях динамики современных властных элит / М.А. Родионов, Т.А. Волкова // Коммуникология. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 128–142.
13. Шифман Л. Мемы в цифровой культуре» / Л. Шифман. – Кембридж, Массачусетс : MIT Press, 2014. – 200 с.
14. Шмелева Е.Я. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / Е.Я. Шмелева. – М. : Языки славянской культуры, 2011. – 576 с.
15. Шомова С.А. Развлекать и властвовать: образы российской власти и оппозиции в интернет-мемах / С.А. Шомова // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2019. – № 3. – С. 23–43.
16. Шомова С.А. Мемы как они есть / С.А. Шомова. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 136 с.
17. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 160–172.

REFERENCES

1. Artamonova Y.D., & Volodenkov S.V. (2021). Transformatsiia interneta kak prostranstva obshchestvenno-politicheskikh kommunikatsii: ot globalizatsii k glo(lokal)anklavizatsii [Transformation of the Internet as a space of socio-political communications: from globalization to glo(local)enclavization]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies], (1), 87–97 (In Russian).
2. Brodovskaia E.V., & Lifanova V.A. (2021). Politicheskii internet-memy kak instrument formirovaniia obshchestvennogo mneniia o politicheskikh liderakh i politicheskikh partiakh (na primere pensionnoi reformy v Rossii) [Political internet memes as a tool for shaping public opinion about political leaders and parties (on the example of pension reform in Russia)]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. Humanities], (1), 3–14 (In Russian).
3. Velikolug L.V. (2020). Lingvokulturologicheskii analiz pretsedentnykh fenomenov kak sposob formirovaniia mezhkul'turnoi kommunikatsii [Linguocultural analysis of precedent phenomena as a way of forming intercultural communication]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities], 7(836), 231–241 (In Russian).
4. Gladkaia N.V. (2021). Vliianie internet-memov na formirovanie obshchestvennogo mneniia: teoreticheskii aspekt [The influence of internet memes on the formation of public opinion: theoretical aspect]. *Vestnik DonNU. Ser. D: Filologiya i psikhologiya* [Donetsk National University Bulletin. Series D: Philology and Psychology], (4), 30–35 (In Russian).
5. Dmitrieva M.D. (2018). Internet-mem kak metod politicheskoi kommunikatsii [Internet meme as a method of political communication]. In *Sovremennaiia mediasfera: traditsii, aktual'nye praktiki i tendentsii, vzgliad molodykh issledovatelei* [Modern media sphere: traditions, current practices and trends, young researchers' view] (pp. 74–80). Saint Petersburg: Vysshiaia shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsii (In Russian).
6. Zaznaev O.I., & Avzalova E.I. (2019). Problema vzaimosviasi interneta i politiki v sovremennykh otechestvennykh issledovaniakh [The problem of the relationship between the Internet and politics in modern domestic studies]. *Politicheskaiia ekspertiza: Politeks* [Political Expertise: Politeks], 15(2), 91–106 (In Russian).
7. Kanashina S.V. (2017). Internet-mem i politika [Internet meme and politics]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics], (1), 69–72 (In Russian).
8. Karaulov Yu.N. (2010). *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Nauka (In Russian).
9. Kudashov I.V., & Spirin E.V. (2016). Kreolizatsiia obraza V.V. Putina cherez internet-memy [Creolization of V.V. Putin's image through internet memes]. In *Istoriia mirovykh tsivilizatsii: vospriatie, obraz, reprezentatsiia vlasti: materialy IX Vseross. nauch. konf.* [History of world civilizations: perception, image, representation of power: materials of the 9th All-Russian scientific conference] (pp. 194–202). Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva (In Russian).

10. Radina N.K. (2018). Tsifrovaia politicheskaiia mobilizatsiia onlain-komentatorov materialov SMI o politike i mezhdunarodnykh otnosheniiakh [Digital political mobilization of online commentators of media materials on politics and international relations]. Polis. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies], (2), 115–129 (In Russian).
11. Rashkoff D. (2003). Mediavirus! Kak pop-kul'tura taino vozdeistvuet na vashe soznanie [Mediavirus! How pop culture secretly influences your mind]. Yekaterinburg: Ultra, Kultura (In Russian).
12. Rodionov M.A., & Volkova T.A. (2019). Transformatsiia politicheskoi kommunikatsii v usloviakh dinamiki sovremennykh vlastnykh elit [Transformation of political communication in the conditions of the dynamics of modern power elites]. Kommunikologiya [Communicology], 7(1), 128–142 (In Russian).
13. Shifman L. (2014). Memy v tsifrovoi kulture [Memes in digital culture]. Cambridge, MA: MIT Press (In Russian).
14. Shmeleva E.Ia. (2011). Russkaia iazykovaia model' mira: Materialy k slovari [Russian linguistic worldview: Materials for a dictionary]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury (In Russian).
15. Shomova S.A. (2019). Razvlekat' i vlastvovat': obrazy rossiiskoi vlasti i oppozitsii v internet-memakh [To entertain and to rule: images of Russian power and opposition in internet memes]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika [Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism], (3), 23–43 (In Russian).
16. Shomova S.A. (2019). Memy kak oni est' [Memes as they are]. Moscow: Aspekt Press (In Russian).
17. Shchurina Yu.V. (2012). Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii [Internet memes as a phenomenon of internet communication]. Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue], (3), 160–172 (In Russian).

Поступила в редакцию 03.06.2025 г.

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF POLITICAL INTERNET MEMES

N.V. Gladkaya

The article addresses political Internet memes that reflect the geopolitical relationship between Russia and the West through the prism of individual perception of users of social networks in the Russian segment of the Internet. In the context of conflicts and ideological confrontations, Internet memes do not only render humour or satire, but also express cultural codes, historical memory, and national myths. Such memes become an instrument of soft power in information wars. As a result of the analysis, the distinctive features characteristic of political memes associated with the geopolitical relations between Russia, America and Europe have been singled out. In the scientific literature, the analysis of political memes is insufficiently presented, which emphasizes the innovative nature of this study. In the future, the study of political Internet memes contributes to the extension of knowledge about the influence of the digital environment on geopolitical culture and society. The data obtained can be used to develop communication strategies in the political Internet environment, as well as to form a positive image of the head of a state.

Keywords: political Internet memes, digitalization, cultural self-identity, precedent phenomenon, media sphere.

Гладкая Наталья Витальевна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3903-4438.

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation.

Associate Professor of the Russian Language Department.

E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-3903-4438.

Научная статья

УДК 81'282

DOI: 10.5281/zenodo.16223650

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ «СЛОВАРЯ ДОНЕЦКОЙ РЕЧИ»¹¹

© 2025 М.Н. Панчехина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID 0000-0002-8268-7293

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Настоящая статья посвящена описанию методики и составления нового лексикографического издания – «Словаря донецкой речи». Актуальность исследования определяется тем, что данное издание представляет собой опыт первого комплексного описания речи жителей Донецка. Оно охватывает различные лексические пласты, среди которых выделяются диалектизмы, профессионализмы, жаргонизмы, новейшая военная лексика, лингвокультураны и собственно просторечная лексика. Словарное описание донецкой речи стало возможным благодаря теории донецкого региолекта, разработанной В.И. Теркуловым. В исследовании применяются общенаучные и лингвистические методы: описательный (использовался для формирования общего представления о региолекте как системе, лежащей в основе составления словаря, при сборе теоретического материала о разновидностях лексического материала издания); сопоставительный (позволил установить сходства и различия между различными группами лексики); классификационный (использовался при создании типологии лексического материала); метод лексикографического конструирования (необходим для создания структуры статьи и развернутого лексикографического описания); социолингвистический метод (проводился на этапе анкетирования аудитории для отбора лексических единиц в словарь). «Словарь донецкой речи» является необходимым изданием для исследования и описания языковой, культурной и лингвокультурной идентификации донбассовцев.

Ключевые слова: донецкая речь, словарь донецкой речи, региолект, донецкий региолект, регионализмы.

Для цитирования: Панчехина М.Н. Принципы составления «Словаря донецкой речи» / М.Н. Панчехина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 70–79. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16223650>.

Введение. Региолектная лексикография – относительно новое направление в лингвистике, которое связано с описанием, сбором и верификацией лексем для региолектных словарей. Ученые, работающие над лексикографированием регионализмов, неизбежно сталкиваются с проблемой отбора материала – лексем, составляющих словарь, а после – с особенностями их лексикографической интерпретации. По-видимому, общетеоретической предпосылкой для составления словарей такого типа является концепция региолекта, так как значение термина *региолект* и его понимание ученым лежит в основе всех принципов и критериев отбора лексем для конкретного лексикографического издания. Возникновение и разработка термина *региолект* апеллируют к трудам В.И. Трубинского [9].

Изучение языка жителей Донбасса связано с разработкой концепции *донецкого региолекта*, предложенной В.И. Теркуловым. Как отмечает В.И. Теркулов, *региолект* –

¹¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

«это не разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» [2, с. 17].

При этом важно, что понятие *донецкого региолекта* нуждается в существенных уточнениях: «если исходить из названия нашего проекта, может сложиться мнение, что речь идет только об особенностях русского языка в городе Донецке. Это не так. Региолект не может быть отождествлен с отдельно взятым городским говором: как и диалект, в большом количестве исследований определяемый как единство близких сельских говоров, он связывается с единообразной речью нескольких населенных пунктов – городов, поселков городского типа и т.д. В нашем исследовании донецкий региолект – это речь жителей городов бывшей Донецкой области: Донецка, Горловки, Макеевки и т.д. Однако вполне очевидно, что он близок не только региолектам остального Донбасса, охватывающего еще и Луганщину и некоторые другие русские земли, но и региолектам ближайших к нам «не донбасских» регионов – Белгородчины, Слобожанщины и т.д.» [2, с. 5]. Развернутое определение и описание термина «донецкий региолект» объясняет концепцию, лежащую в основе составления регионального «Словаря донецкой речи», помогает понять логику отбора лексем и составление их дальнейшей интерпретации.

«Словарь донецкой речи» можно назвать первым лексикографическим изданием, которое, основываясь на концепции донецкого региолекта, описывает:

- 1) существующие на территории Донбасса диалектизмы;
- 2) профессиональную лексику шахтеров и металлургов,
- 3) возрастные жаргоны;
- 4) аргот;
- 5) новейшую военную лексику;
- 6) собственно регионализмы;
- 7) просторечие;
- 8) лингвокультураны.

Широкий охват различных лексических срезов демонстрирует, что на территории Донбасса «региональность создается не наличием специфических лексем, а особым многоисточниковым словарем» [7, с. 406].

Лексикографическая интерпретация данных единиц позволяет изучить и описать лексикон языковой личности жителей Донбасса, их социокультурные стереотипы, вербальную и культурную память в контексте военных действий на территории региона.

«Словарь донецкой речи» является необходимым изданием для установления языковой, культурной и лингвокультурной идентификации донбассовцев.

Цель исследования состоит в том, чтобы описать речь дончан как комплексное многоаспектное явление, в основе которого лежит донецкий региолект. Важно подчеркнуть, что при этом донецкий региолект интерпретируется как неотъемлемая часть русского национального языка.

Для достижения цели понадобилось выполнить следующие **задачи**.

- 1) осуществить отбор материала при помощи анкетирования и опросов как в социальных сетях (ВКонтакте, Телеграм), так и в реальной аудитории офлайн;
- 2) создать методику написания словарных статей, что подразумевает существование единообразной структуры статьи во всем лексикографическом издании для каждой представленной единицы;
- 3) разработать систему помет, содержащих стилистическую характеристику слова, указание на сферу его распространения, принадлежность к профессиональной сфере использования, на связь с историческими, культурными событиями;

4) предложить корректное толкование каждой единицы, раскрывая лексическое значение слова с учетом региональной тематики издания.

Материалом исследования послужили:

1) картотека, собранная во время онлайн-анкетирования при помощи Яндекс-форм и офлайн-опросов жителей Донецка (1200 слов);

2) использование региональных слов и словосочетаний в местных телеграм-каналах и группах «ВКонтакте».

Объем словника «Словаря донецкой речи» составляет 2 тысячи слов.

Методы исследования: описательный (использовался для формирования общего представления о региолекте как системе, лежащей в основе составления словаря, при сборе теоретического материала о разновидностях лексического материала издания); сопоставительный (позволил установить сходства и различия между различными группами лексики); классификационный (использовался при создании типологии лексического материала); метод лексикографического конструирования (необходим для создания структуры статьи и развернутого лексикографического описания); социолингвистический метод (проводился на этапе анкетирования аудитории для отбора лексических единиц в словник).

Указанные методы, лежащие в основе работы над изданием, демонстрируют, что «Словарь донецкой речи» носит *объяснительный* характер, представляя собой развернутую многоаспектную лексикографическую интерпретацию частотных для речи дончан слов.

«Словарь донецкой речи» является *дескриптивным*, то есть созданным для детального описания лексики определенной сферы, как и некоторые другие словари, разрабатываемые активом кафедры русского языка Донецкого государственного университета [5].

Толкование лексического значения регионально окрашенных слов, включенных в словарь, делают его *справочным изданием*, которое может широко использоваться для изучения языковой ситуации в Донецке в вузовских курсах «Лингвокультурология», «Этнолингвистика», «Регионоведение», «Когнитивная лингвистика» и других.

Основная часть. «Словарь донецкой речи» относится к особой разновидности лексикографических изданий – это региональные / региолектные словари / словари региональной лексики.

При его составлении самым проблемным является вопрос о *критериях отбора*, необходимых для включения той или иной единицы в словник. По-видимому, утверждение о том, что в региональные словари включаются только те слова, которые нарушают языковую норму и не вошли в нормативные издания, является ошибочным. И.В. Матвеева, ссылаясь на В.И. Беликова, отмечает, что «некоторые особенности речи, которые большинство ученых считает выходящими за пределы литературной нормы, так или иначе попадают в самые авторитетные нормативные словари» [4, с. 73]. В качестве примера приводится лексема «порербрик», включенная в Малый академический словарь под ред. А.П. Евгеньевой без пометы о региональной принадлежности. Нельзя не согласиться с В.И. Беликовым, что «многие из такого рода единиц оказываются единственным используемым в повседневной практике (а иногда и единственно известным) способом обозначения определенного понятия для тех, кого никак нельзя исключить из числа носителей литературного языка» [1, с. 27–28]. (Ср. с наблюдением, высказанным Ф.П. Филиным: «Можно считать даже несомненным, что многие вариативные нормы имеют диалектное происхождение» [8]).

Как видим, одной из основных проблем при составлении словаря указанного типа являются, по наблюдению В.В. Казябы и Р.В. Попова, «трудности макроуровня, обусловленные созданием лексикографической базы данных (на методологическом,

процедурном и источниковых уровнях)» [3, с. 68]. Вопрос о том, какие лексемы и почему следует включать в «Словарь донецкой речи», решался при помощи социолингвистического метода: проводилось анкетирование аудитории от 15 до 85 лет, позволяющее установить, знаком ли реципиент с конкретной лексемой и ее значением, используется ли слово носителем в ежедневной речи / используется часто / редко / значение известно, но в речи не используется. При помощи данного метода удалось установить частотность использования лексем, что позволило включить используемые единицы в словник словаря, а после и дать им лексикографическое описание.

Не менее продуктивной формой исследования оказался и формат комментариев, которые широко были представлены на страницах-опросниках о донецком региолекте «ВКонтакте». При включении в словарь орфография, пунктуация и стилистика автора сохраняются. Например: *Анчуткой* меня называли старшие в семье, когда я приходила домой чумазя (в перьях на голове), с боевой (индейской) раскраской на лице, с луками и стрелами в руках) после гулек с друзьями во дворе. Типа, чумазый чертенок. *Анчутка* – это вроде чертенок, бесенок. Также, когда я жила в деревне у бабушки, нас пугали такой *анчуткой* как ласкатуха, которая, если забрести на пшеничное или кукурузное поле, может заласкатать, защекотать до смерти, типа, помрешь от смеха. Поэтому мы боялись заходить далеко в пшеничное или кукурузное поле, чтобы не встретиться с ласкатухой, с этой полевой *анчуткой* (https://vk.com/wall64437484_15439). Развернутые комментарии пользователей, живущих на территории Донбасса, позволяют не только получить полное описание лексического значения слова, но и дают представление о том, как ведет себя исследуемая лексема, погруженная в языковой, культурный, лингвокультурный контекст, как ведет себя то или иное слово, погруженное в живую речь донбассовцев. Материал комментариев детализирует семантические оттенки и стилистические характеристики слов.

К особой форме бытования лексем, составляющих донецкий региолект, относится их *письменная фиксация*. Это явление прослеживается в местных телеграм-каналах популярных донецких блогеров, каналах-перекличках. Среди наиболее цитируемых в «Словаре донецкой речи» являются следующие ресурсы с широким охватом аудитории: АГС_Русского Донбасса (t.me/Ags_Donbass), количество подписчиков около 200 тысяч; Типичный Донецк (t.me/itsdonetsk), количество подписчиков порядка 600 тысяч; чат Мамы / Мамочки ДНР (t.me/mamavdnr), 2516 участников; канал журналиста Майи Пироговой МАЙ ДНР (t.me/MAYDNR), около 7000 подписчиков и некоторые другие. Ценность указанных источников состоит в том, что в них в письменном виде фиксируются знаковые для Донбасса слова и выражения.

Так, в связи с перебоями в работе центрального водоснабжения на территории Донбасса частотной оказывается лексема *баклажка* – пластиковая бутылка для воды или любой жидкости. Жители Донбасса активно используют данное слово в местных перекличках и чатах. Например: *Буденновский район Донецка: какой-то не очень умный человек на детской площадке оставил баклажку с пивом – она и взорвалась. По данным МЧС, все нормально. На этот раз все обошлось* (https://t.me/Ags_Donbass/208604). *В истинно элитарных квартирах Донецка между краденым у украинских селян унитазом и французским биде устанавливают кран для набора воды в пятилитровые баклажки* (https://t.me/Ags_Donbass/126542). Ценность материала, зафиксированного в письменных сообщениях, заключается в том, что он дает информацию о вариативной орфографии конкретного слова: «Ул. Аристова, 2 три недели нет воды. Сколько это будет продолжаться? Три девятиэтажки страдают. Очень много пожилых людей, которые физически не могут носить баклашки» (<https://t.me/Kiyevskiytyt/23252>). Анализ

письменных сообщений позволил установить не только актуальность и частотность использования лексемы *баклажка*, но и обнаружить орфографические варианты написания слова, что связано, по-видимому, с влиянием фонетического принципа.

Наличие примеров в словарной статье делает материал «Словаря донецкой речи» иллюстративным и доказательным: такой фактаж демонстрирует реальную языковую ситуацию в регионе и представляет срез живой речи донбассовцев.

При этом следует избегать представления о донецком региолекте как об уникальном «донецком языке», единицы которого не встречаются за пределами Донбасса. Как отмечает В.И. Теркулов, «вполне возможно, что следует говорить о единой юго-восточной региолектной зоне, включающей Донецк, Луганск, Белгород, Харьков и другие лингвистически сходные территории распространения русского языка. Но такой вывод требует все-таки основательной поддержки фактами, получаемыми в ходе эмпирических полевых исследований, для которых необходимо создание и реализация программы изучения русских юго-восточных региолектов. А это сейчас сделать сложно, поскольку сложна сама ситуация, в которой существуют эти региолекты» [2, с.4–5]. «Словарь донецкой речи» иллюстрирует предлагаемую концепцию фактами: в конце каждой статьи содержатся сведения об ареале распространения слова, чаще всего охватывается территория южнорусских говоров.

Нельзя не согласиться и с наблюдением И.В. Матвеевой [4], которая подчеркивает: «ошибочно предполагать, что слова, включенные в словарь того или иного региона, употребляются только в этом регионе и нигде более. Если региональный статус слова подтверждается, то речь может идти только о том, что слово не распространено повсеместно, но вполне может быть употребимо еще в каких-либо городах» [4, с. 74].

Уяснить сферу бытования лексемы, ее семантическое значение, стилистические оттенки и соотнесенность с культурно-региональным контекстом призвана структура «Словаря донецкой речи».

О структуре словаря. Данное лексикографическое издание начинается со вступительной статьи – *преамбулы*, в которой содержатся теоретические предпосылки, лежащие в основе составления словаря, а также изложена методология его написания. В начальной вступительной части разъясняется, что такое региолект, донецкий региолект, в чем состоит актуальность обращения к лексикографическому описанию донецкой речи. Здесь же содержатся инструкции и рекомендации, как пользоваться словарем. Особого внимания заслуживает разработанная *система помет*: воен. – военное, лингвокульт. – лингвокультурное, рег. – регионализм, шахт. – шахтерское. Некоторые словарные статьи содержат сразу две пометы. Например: нов. лингвокульт.; нов. воен., что будет рассмотрено ниже в примерах.

Основной корпус словаря формируется из словарных статей, которые расположены в алфавитном порядке: *Абрéк, Абрик, Абрико́са, Абы́ шо, Автобо́т, Алаверды́* и т.д.

Заключительный текст содержит библиографию и приложения, содержащие визуальный материал: здесь размещены изображения и фотографии, которые являются иллюстративным материалом для словарных статей (фото террикаона, фото распечатанных объявлений с анализируемой лексемой и т.п.).

Структура словарной статьи является единообразной для всего издания. Словарная статья начинается с заглавного слова – *вокабулы*, которая пишется полужирным курсивом с обязательной постановкой ударения (в том числе и побочного, если таковое имеется).

Рядом в скобках дается *вариант или варианты* (орфографические, фонетические) слова, в них также соблюдается начертание полужирным курсивом и постановка ударения. После следуют *пометы*, характеризующие стилистическую принадлежность слова.

Далее выполняется лексикографическая интерпретация и дескрипция, которая состоит в толковании лексического значения, обязательных примерах со ссылками на источник цитаты или указанием авторства.

В конце словарной статьи используются условные обозначения: после знака ■ представлена информация об ареале распространения слова; после знака ● дается краткая этимологическая и историческая справка; за знаком II размещаются синонимы или синонимические выражения; после * следует словосочетание с описываемой лексемой.

В качестве примера предлагаем словарную статью, содержащую регионально маркированную лексему.

Ампул(к)а, -и, ж. Рег. 1. Стержень шариковой ручки. 2. Сама ручка. Я в Дзержинске всегда покупал в палатке на рынке **ампулы** с красной пастой или черной пастой, или синей пастой (https://vk.com/wall64437484_15382). Среди моих одноклассников (Мариуполь, 80-е) **ампулкой** назывался не любой стержень, а с утолщением в задней части – видимо, из-за некоторого визуального сходства с медицинской **ампулой**. Обычный же, простой цилиндрической формы, звали просто «запасной пастой» (https://vk.com/wall64437484_15382). В русских говорах Восточной Украины (в Луганске, Донецке и особенно в Харькове) стержень называют иначе – «**ампулка**». В остальных местах, где распространен русский язык, стержень как стержень (https://vk.com/wall-87124_68303?ysclid=m8mr64ss9t500298184). ■ Ареал распространения: Харьков, Луганск, Ростовская область, Краснодарский край. ● От лат. *atrulla* «небольшой сосуд». Вероятно, использовалось первоначальное значение «сосуд с узким горлышком для хранения жидкости», апт. «герметично запаянный сосуд» II паста, паста для ручки, стержень, чернила.

Примечательно, что обсуждения данной лексики пользователями ВКонтакте обернулось настоящим противостоянием: одна группа писала о том, что никогда не использовали это слово, другая – что знают его со школьной скамьи и активно употребляли в период обучения. Эта дискуссия сама по себе является весьма иллюстративной: она подтверждает, что донецкая речь по своему составу является неоднородной, возникшей на территории позднего заселения, в связи с чем не все носители могут использовать регионально окрашенные лексемы. Действительно, как отмечает В.И. Теркулов, региолектные черты «обнаруживаются в речи жителей региона, так сказать, по “социальной убывающей”: их минимальное количество отмечается у тех, кто владеет литературным языком, а максимальное – именно у тех, кто пользуется просторечием» [2, с. 15].

Нельзя не отметить, что регионально маркированные единицы делают речь более яркой, эмоционально окрашенной. При этом их выразительность в полной мере раскрывается лишь при детализации семантики, создании развернутого лексикографического описания. Например:

Батон, -а, м. 1. То же, что буханка. Пацан лет семи обнимает батон хлеба, выданный волонтерами «от русских» (<https://plus.moe-online.ru/paper/1580/20449?ysclid=m96w3til82439446896>). 2. Колбаса удлиненной, продолговатой формы. Причем тут оборудование это отскочила клипса от лопнувшего батона, оператор не заметил, человеческий фактор. При любом раскладе батон колбасы никто целым не грызет а нарезает тонкими ломтиками (https://vk.com/wall-177071254_348649). 3. Популярная детская игрушка в виде кота. Мягкая игрушка кот Батон в Донецке, Макеевке, Горловке, Снежном — отличный подарок для детей и взрослых (<https://krokodil.toys/product-tag/mjagkaja-igrushka-kot-baton/>). ● фр. «*bâton*» — палка. * **Батон крошйт**. Раскрывать рот, нападать. Ты на кого **батон крошишь**, герр Мартин? На контору, которая тебя кормит и поит? (<https://t.me/MAYDNR/57457>). * **Золотой батон**.

Позолоченное пресс-папье, которое во время захвата резиденции Януковича ошибочно приняли за золотой слиток в виде хлебобулочного изделия, фейковый символ коррупции. Жаль, Януковича с **золотым батоном** забыли (<https://t.me/MAYDNR/28875>). В Мариуполь тайно доставлены памперсы, расшитые золотом, специально для украинского президента. Тайно — чтобы челядь не спотрошенила себе такие же. Расшитые золотом — ну, не до батона сейчас (<https://t.me/MAYDNR/572>). * **Шевелить батонами**. Быстрее двигаться. Оля очень ругалась, что я не приехала, и дала приказ «шевелить батонами» (https://t.me/Ags_Donbass/89022).

Отличительной особенностью «Словаря донецкой речи» является то, что в нем отражены процессы, происходящие в современной речи донбассовцев. Так, система помет помогает обнаружить взаимодействие между различными лексическими пластами. Так, нельзя не заметить, что военная лексика, ставшая активной в связи с боевыми действиями на территории Донбасса, стремится к экспансии, буквально захватывая те единицы, которые ранее функционировали в ином лексическом поле.

1. Шахтерское vs военное

Ба́ба Яга́ («Ба́ба Яга́») Шахт. Канатно-кресельная дорога. «Ба́ба Яга́». Шахтерский сленг. Подвесная подземная канатная дорога. Работая в первую смену и не до конца проснувшись, ваш админ частенько промахивался при запрыгивании на нее) С утра все на автомате делаешь) (t.me/StaryjDonetsk/1780). ● Предположительно, связано с позой шахтера, напоминающей Ягу верхом на метле. ■ Ареал распространения: Донецкая, Луганская области.

Ба́ба-Яга́ (ба́ба-яга́). Нов. Воен. Украинский ударный дрон. При освобождении населенного пункта Успенковка в ДНР оператор БПЛА, который вел наблюдение за движением иттурмовой группы ВС РФ, заметил вражеский квадрокоптер «Баба-Яга» (<https://ria.ru/20250407/dnr-2009757458.html>). Это баба-яга. Над калиновкой пролетела тоже. Материлаась (https://t.me/Ags_Donbass/37574). ● Дрон получил народное название из-за громкого специфического звука, издаваемого при полете, что ассоциировалось с полетом сказочной Яги в ступе. ■ Ареал распространения: Донецкая, Запорожская, Луганская, Херсонская области, зона проведения СВО.

Несмотря на омонимию, кажется целесообразным выделить данные лексемы для двух статей, так как данные единицы разнятся написанием и орфографическими вариантами написания, что может быть критерием их дифференциации. Объяснением омонимии может быть тот факт, что многие шахтеры пошли в ополчение и перенесли отдельные образцы своего профессионального сленга на новые военные реалии. Ср.:

Балда́, -ы, жс. 1. Шахт. Кувалда весом 8 кг. Из инструментов используется «балда» — большой молоток с длинной ручкой (<https://zen.ru/a/Z9qjpnEKniUfp2zY?ysclid=m961yhwydf731433564>). ■ Ареал распространения: Донбасс, Кузбасс. 2. Приспособление плохого качества. «Орион» выкиньте, эта балда быстро разряжается, координаты не точные, подключение к ГЛОНАСС будет дольше, чем длится СВО (<https://t.me/vmakeevke/56126>). ● От тюрк. «balta» – топор. * **От балды́**. Без достаточных сведений, не подумав. Пишут все от балды! Что вижу – то пою! (<https://t.me/c/2036798943/10883>).

Надо полагать, что шахтерская лексика, несмотря на «захватнический» характер военного пласта донецкого региолекта, все же не вытесняется из активного словарного запаса, а переходит в иной статус, обретая лингвокультурное значение.

При этом следует помнить, что именно профессиональный жаргон в период становления промышленности на территории Донбасса сыграл одну из основополагающих ролей в становлении донецкого региолекта. Как отмечает

В.И. Теркулов, по причине того, что «основу донбасского сообщества составляли семьи людей, связанных с данными профессиональными корпорациями, профессиональные жаргонные слова стали активно распространяться через членов семей, в речи которых происходила дежаргонизация, депрофессионализация жаргонизмов, расширение их семантики. Таким образом, источником уникальности компонентов в промышленных диффузных региолектах является профессиональный жаргон. Именно оттуда в донецкий региолект пришли слова *тормозок*, *коногонка* сначала “лампочка шахтера”, а затем – “лампочка, крепящаяся на голове”, *киндейка*, *кайбаи* “сарай” и др.» [6, с. 14].

2. Появление лингвокультурем

При составлении словника для «Словаря донецкой речи» нельзя было не заметить, что жителями Донбасса активно используются слова, которые аккумулируют собственно языковую и общекультурную семантику. К таким примерам относятся единицы из лингвокультурологического поля «Уголь». Некоторые из них представлены ниже.

Антраци́т, -а, м. Лингвокульт. 1. Уголь. *Замерла степь донецкая. Курящаяся угольком – угольной пылью, родящая антрацит, соль, гипсы, глины, руды, таящая в себе дикую мощь древних океанов* (<https://t.me/donporchay/708>). Уголь очень качественный, **антрацит**, у которого один из лучших показателей качества в мире (<https://t.me/vmakeevke/135179>). 2. Название города в ЛНР. *В ЛНР открылся второй пункт выдачи российских паспортов. Случилось это в городе Антрацит* (<https://t.me/Donetsk102/1238>). ● От греч. «anthrax» – уголь II уголь.

Антраци́тик, -а, м. Лингвокульт. Уменьш. от антрацит в 1 знач. АНТРАЦИТИК НАСЫПАЛ И ЖАРААААА (<https://interesnoe.me/source-17624375/post-454270>). II уголек.

Антраци́тный, -ого, м. Лингвокульт. 1. Вид угля. *Наша компания является лидером в сфере продажи антрацитного и газового угля по безналичному расчету* (<https://ugoldonbassa.ru/>). 2. Тип шахты, где добывается данная разновидность угля. *Часть съемок проводилась на антрацитной, негазованой, безопасной шахте 8-9 «Боковка»* (<https://t.me/kotterry/3962>). ● От антрацит II угольный.

Антраци́товый, -ого, м. Лингвокульт. 1. Относящийся к антрациту в 1 знач. *Жетон «Ясиновские антрацитовые рудники». Согласно информации с сайта «Макеевугля»: «В 1897 году рудники в районе нынешних шахт "Ясиновская-Глубокая", № 3-5 и "Нижне-Крынская" были скуплены купцом Мешковым, который открыл Ясиновский рудник»* (<https://t.me/vmakeevke/23627>). 2. О цвете: угольно-черный. *Две темные, угольно-черные, а на солнце – словно антрацитовые, мужские фигуры стоят денно и ночью напротив друг друга* (https://vk.com/wall-77740837_5751). ● От антрацит II угольный.

Использование военной лексики, как и включение лингвокультурем в активный словарный запас, характеризует языковую картину мира современного жителя Донбасса. Указанная лексика превалирует над просторечием и украинизмами, что имеет логическое объяснение. Просторечие, носителем которого были преимущественно представители старшего поколения, вытесняется на периферию; ему на смену приходит молодежный жаргон, военная лексика, речь более образованных представителей данного языкового сообщества.

Заключение. Итак, подводя предварительные итоги, можно отметить, что «Словарь донецкой речи» является тем лексикографическим изданием, которое играет важную роль в сохранении языкового, культурного, лингвокультурного облика уникального региона – Донбасса. История возникновения и функционирования лексем, существующих в донецком региолекте, отражает особенности быта местных жителей, из специфическую языковую картину мира, формирующуюся в сложных исторических обстоятельствах. Нет сомнений в том, что словник «Словаря донецкой речи» поистине неисчерпаем: он будет расти с каждым

годом, с каждым этапом становления «нового старого» региона в составе Российской Федерации. Жители Донбасса в новых исторических реалиях будут продолжать идентифицировать собственную языковую личность при помощи донецкого региолекта, развивая его и пополняя новыми словами. Региолект, отражая значимые для формирующейся донецкой языковой ментальности реалии, позволяет иначе осмыслить понятие русского языка как национального, значительно расширяя границы этого понятия и несомненно обогащая национальный язык региональной спецификой.

Дальнейшие перспективы исследования могут быть обозначены как не только и не столько «фиксирование и описание регионально маркированных единиц, а установление системных характеристик всех идиомов региона с выявлением перемежающихся в них языковых явлений, определение их значимости в формировании этой системности, а также их лингвокультурных характеристик» [8, с. 15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликов В.И. Yandex как лексикографический инструмент / В.И. Беликов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции Диалог'2004. – Москва: Наука, 2004. – С. 39–46.
2. Донецкий региолект / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой [и др.]. – Донецк : ООО «НПП Фолиант», 2018. – 265 с.
3. Казяба В.В. Региолектная лексикография: проблемы и их решение в эпоху цифровизации / В.В. Казяба, Р.В. Попов // Вопросы лексикографии. – 2024. – № 34. – С. 62–82. – doi: 10.17223/22274200/34/4.
4. Матвеева И.В. Проблемы создания словарей регионально окрашенной лексики / И.В. Матвеева // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2021. – Вып. 3. – С. 72–77.
5. Панчехина М.Н. Структура авторского «Словаря лингвокультурем в поэзии метареализма» / М.Н. Панчехина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 56–61.
6. Теркулов В.И. О понятии «региолект» / В.И. Теркулов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2018. – № 3–4. – С. 5–16.
7. Теркулов В.И. Параметры описания лексической системы диффузного региолекта (на примере донецкого региолекта русского языка) / В.И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст.: в 2-х т. – Симферополь: Ариал, 2018. – Т. 1. – С. 403–408.
8. Теркулов В.И. Локальное, региолектное и общезыковое в региолекте / В.И. Теркулов // Слово. Текст. Контекст. – 2023. – № 4(16). – С. 7–17. – doi: 10.26105/PBSSPU.2023.16.4.001.
9. Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления / В.И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение. – Псков : Изд-во Псковск. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 156–162.
10. Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка / Ф.П. Филин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/filin-73.htm> (дата обращения: 20.05.2025).

REFERENCES

1. Belikov V.I. (2004) Yandex kak leksikograficheskiy instrument [Yandex as a Lexicographic Tool]. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy mezhdunarodnoj konferencii Dialog [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference Dialogue'2004]. Moskva: Nauka, 39–46 (In Russian).
2. Terkulov V.I., Kurmakaeva N.P., Mozgovoy V.I. (2018) Doneckij regiolect [Donetsk Regional Dialect] (In Russian).
3. Kazyaba V.V., Popov R.V. (2024) Regiolektная leksikografiya: problemy i ih reshenie v epohu cifrovizatsii [Regiolect Lexicography: Problems and Their Solution in the Era of Digitalization]. Voprosy leksikografii [Issues of Lexicography], 34, 62–82 (In Russian).
4. Matveeva I.V. (2021) Problemy sozdaniya slovarej regional'no okrashennoj leksiki [Problems of Creating Dictionaries of Regionally Marked Vocabulary]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Buryat State University. Philology], 3, 72–77 (In Russian).
5. Panchekhina M.N. (2021) Struktura avtorskogo «Slovara lingvokul'turem v poezii metarealizma» [The Structure of the Author's "Dictionary of Linguocultures in the Poetry of Metarealism"]. Vestnik Doneckogo

nacional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psihologiya [Bulletin of the Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], 4, 56–61 (In Russian).

6. Terkulov V.I. (2018) O ponyatii «regiolekt» [On the Concept of "Regionalelect"]. Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psihologiya [Bulletin of the Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], 3–4, 5–16 (In Russian).

7. Terkulov V.I. (2018) Parametry opisaniya leksicheskoy sistemy diffuznogo regiolekta (na primere doneckogo regiolekta russkogo yazyka) [Parameters to describe the lexical system of diffuse regiolect (for example Donetsk regiolect Russian)]. Russkij yazyk v polikul'turnom mire: sb. nauch. st.: v 2-h t. [Russian language in a multicultural world: collection of scientific works], 403–408 (In Russian).

8. Terkulov V.I. (2023) Lokal'noe, regiolektное i obshcheyazykovoe v regiolekte [Local regiolect and abduazimova in regiolect]. Slovo. Tekst. Kontekst [Word. Text. Context], 4(16), 7–17 (In Russian).

9. Trubinskij V.I. (1991) Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya [Modern Russian Regional Dialects: Features of Formation]. Pskovskie govory i ih okruzhenie [Pskov Dialects and Their Surroundings]. Pskov : Izd-vo Pskovsk. gos. ped. in-t, 156–162 (In Russian).

10. Filin F.P. O strukture sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [On the Structure of the Modern Russian Literary Language] (In Russian).

Поступила в редакцию 10.06.2025 г.

PRINCIPLES OF COMPILING DICTIONARY OF DONETSK SPEECH

M.N. Panchehina

The article deals with the methodology and development of a new lexical resource, which is the "Dictionary of Donetsk Speech". The significance of this research stems from the fact that it represents the first comprehensive analysis of the linguistic features of Donetsk residents' speech. The dictionary covers a variety of lexical layers, including dialectal terms, professional jargon, military terminology, linguoculturally significant words, and colloquial expressions. The compilation of the dictionary was made possible thanks to the Donetsk dialect theory, developed by professor V.I. Terkulov. The research employs general scientific and linguistic methodologies: descriptive (utilized to form a comprehensive understanding of the regional dialect as a system underlying the creation of the dictionary, while collecting theoretical material on varieties of lexical materials for the publication), comparative (enabling the establishment of similarities and differences among various groups of vocabulary), classification (employed to create a typology of lexical materials), the method of lexicographic structuring (necessary for creating the structure of the entry and a detailed lexicographic description), and sociolinguistic methods (conducted during the stage of audience research to select lexical items for inclusion in the dictionary). The "Dictionary of Donetsk Speech" is a vital publication for the investigation and description of linguistic, cultural, and linguocultural identity of people in the Donbass region.

Key terms: Donetsk speech, Dictionary of Donetsk Speech, regional dialect, Donetsk regional variety, regionalisms.

Панчехина Мария Николаевна.

Кандидат филологических наук.

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация.

Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0000-0002-8268-7293.

E-mail: mpanchehina@gmail.com.

Panchehina Maria Nikolaevna.

Candidate of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation.

Associate Professor of the Russian Language Department.

ORCID 0000-0002-8268-7293.

E-mail: mpanchehina@gmail.com.

Научная статья

УДК 81.373.612.2

DOI: 10.5281/zenodo.16224420

**МЕТАФОРА В ГОРОСКОПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹²**

© 2025 А.М. Мубаракшина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

ORCID 0000-0002-2595-1254

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются метафоры в современных гороскопических текстах с позиции когнитивной лингвистики. На материале анализа 200 контекстов было установлено, что к числу основных функций относятся номинативно-образная, эмоционально-воздействующая, манипулятивная, дискурсообразующая, эстетическая функции, функция упрощения астрологических концепций. Иными словами, метафоры делают текст гороскопа простым и привлекательными для читателя, вызывают эмоциональный интерес, наделяют его вариативностью трактовок и приближают его к художественному произведению. В работе применяется интегративный подход, сочетающий методы когнитивной лингвистики, дискурс-анализа и концептуальных исследований. Доказано, что метафоризация в гороскопах базируется на универсальных когнитивных моделях («природа → человек»; «вещи → человек», «образ → инструкция» и т.д.), но реализуется через культурно-специфичные языковые формы. Особое внимание уделяется метафорическим комплексам – развернутым системам взаимосвязанных образов, создающим целостную картину прогноза. Работа вносит вклад в изучение механизмов вторичной номинации в эзотерическом дискурсе.

Ключевые слова: русский язык, гороскопический текст, концептуальная метафора, языковая метафора, метафорическая модель, функционирование, астрологические концепции, бытовые аналогии, образность, персонализация, социативность, эстетика, манипуляция, семантическая емкость.

Для цитирования: Мубаракшина А.М. Метафора в гороскопическом тексте: функциональный аспект / А.М. Мубаракшина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 80–89. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16224420>.

Введение. Метафоризация в языке как результат деятельности человеческого сознания неизбежна, поскольку «сознание человека от природы обладает несколькими фундаментальными способностями, которые составляют основу механизма метафоризации» [3, с. 51]. Во-первых, это способность анализировать, то есть рассматривать объекты окружающей действительности как совокупность их структурных элементов. Так, горы в природном ландшафте имеют подножие, склон, седловину, вершину и т.д.; река воспринимается как единое целое, обладающее устьем, руслом, берегами, рукавом, поймой и т.д.

Во-вторых, человек способен обособлять не только составные части ментальных категорий, которыми мыслит, но и «примерять» их на другие, зачастую разнородные объекты. В конечном счете, представление двух объектов, как подобных, и замещение на этом основании одного представления другим именуется в когнитивной лингвистике

¹² Исследование выполнено в рамках реализации Гранта Академии наук Республики Татарстан для молодых постдокторантов с целью дальнейшей защиты докторской диссертации.

метафорическим мышлением. Из этого логически следует, что замещаться способны не только представления об объектах, но и их наименования. Становится очевидным, что механизм порождения метафоры имеет когнитивную, а не языковую природу.

Основанием для метафорического переноса могут служить различные фрагменты личного опыта: «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе...» [2, с. 3]. Особый интерес в аспекте функционирования метафор представляет гороскопический текст, язык которого символичен по своей природе. Гороскоп как сценарий жизни человека, «написанный» преимущественно лексемами, актуализирующими вторичную номинацию, невозможно адекватно интерпретировать без анализа вкрапленных в него метафор.

Актуальность изучения вербализованных образов в гороскопах обусловлена их ролью в познании, коммуникации и культуре. Они не только отражают механизмы человеческого мышления, но и активно влияют на массовое сознание, что делает их важным объектом для науки в эпоху цифровых медиа.

Материалы и методы исследования. Вербальной манифестацией концептуальной метафоры является языковая метафора [9, с. 25–39], именно ее анализ позволяет выйти на глубинные механизмы метафоризации. И если концептуальная может существовать без языковых форм, например в виде жестов (человек, сжимающий кулаки, визуализирует агрессию или гнев; указание на часы на всех языках подразумевает представление о временных рамках; воздушный поцелуй обозначает симпатию или любовь и т.д.), то языковая метафора имеет конкретную лексико-синтаксическую реализацию в речи.

Из указанного различия логически следует еще одно: если концептуальные метафоры являются универсальными в любой культуре, то языковые могут приобретать уникальную репрезентацию в конкретной культуре и соответствующем ей языке или языкам. Рассмотрение, таким образом, языковых метафор «лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо, нет» [11, с. 8].

Принимая во внимание механизмы метафоризации, описанные Г.И. Берестневым [3, с. 55], можно полагать, что анализ готовой метафоры происходит в обратном направлении, а именно: 1) идентификация метафоры в тексте; 2) определение образа, который создается данной метафорой; 3) анализ ключевых характеристик, присущих данному образу; 4) поиск предметов, явлений, процессов, которые обладают схожими искомыми характеристиками; 5) определение когнитивной природы данных характеристик. Чтобы метафора явно указывала на конкретный образ и его прототип, необходимо, чтобы подобные переносы признаков были системными и культурно значимыми, тогда исследователь может на основе различных характеристик осуществлять поиск подходящего образа из перечня похожих.

Изначально в поле зрения исследователей попадали преимущественно политические метафоры в публицистике [8; 13; 16 и др.], а также метафоры в идиостиле писателей [6; 12; 15 и др.]. Сейчас же становится ясным, что в фокус внимания должны попасть и те метафоры, которые участвуют в архитектонике гороскопа, поскольку именно эти тексты становятся неотъемлемым атрибутом глобального информационного пространства. Отсутствие работ в данной области обуславливают безусловную новизну нашего исследования. В качестве эмпирического материала был использован корпус гороскопических текстов,

составленный методом сплошной выборки из печатных и цифровых тематических изданий, содержащих метафоры. Всего было проанализировано 200 текстов.

Основная часть. Под метафорой можно понимать скрытое сравнение, обусловленное «культурными и социальными конвенциями» [1, с. 9], в результате которого возникает вторичная непрямая номинация знака. В текстах гороскопа она играет ключевую роль, поскольку значительно расширяет семантический потенциал внутренней формы прямой номинации. Это обусловлено в первую очередь возможностью проецирования характеристик конкретных предметов на абстрактные сущности: *Дружеское расположение Урана и Юпитера с 3 по 9 августа придаст делам Овнов необходимое ускорение* [19, с. 6]. В данном контексте можно наблюдать антропоморфную метафору, а также метафору, описывающую механическое воздействие на абстрактный объект.

Рассмотрим подробнее первый пример – *дружеское расположение Урана и Юпитера*. Здесь метафорический перенос осуществляется на основе представлений о социальных отношениях, которые экстраполируются на взаимное расположение планет. Признанный в астрофизике факт, что аспекты планет реально могут влиять на гравитационные поля друг друга, переосмысливается в астрологии как энергетическое воздействие на судьбу человека. Проявляется так называемая научная аллюзия.

В данном контексте задействуется когнитивная модель «природа – человек», которая выявляет латентную аналогию: как друзья помогают человеку, так и планеты помогают Овнам в решении их дел. Метафора здесь служит инструментом мифологизации науки, переводя астрономические явления в плоскость субъективно-эмоционального переживания. Нужно отметить, что подобные метафоры легко поддаются трактовке в силу их обыденности, почти стертости.

Во втором примере – *придаст делам Овнов необходимое ускорение* – за основу метафоризации принимается физическая величина. Ускорение – это измеримый, объективный процесс, величина которого высчитывается по конкретной формуле [5, с. 56, с. 316]. Вместо наименования материального объекта, которому можно придать ускорение, здесь выступает абстрактное существительное *дела*. *Область-источник* – физическое движение, *область-цель* – социальный процесс «по своему существу не связаны между собой, поэтому метафора позволяет осуществить "концептуальный скачок" из одной познавательной области в другую» [5, с. 57].

Подобного рода пример может быть основан также на другой физической величине, такой как вес: *Сегодня отличный момент разгрузить себя немного: Рыбам стоит предпринять решительную попытку сложить с себя часть обременяющих полномочий* [18]. В этом случае избавление от лишней массы приводит к физическому и моральному облегчению.

Так или иначе, метафора в приведенных примерах позволяет реципиенту использовать общедоступные образы для трактовки текста и выступает необходимым механизмом всестороннего осмысления тех сущностей, которые человек не может осмыслить посредством собственной перцептивной системы. Во всех подобных случаях эксплуатируется авторитет научных символов с целью придать прогнозу достоверность и убедительность на псевдонаучной основе: *Венера делает точный тригон на Марс – сбой в эмоциях; Транзитный Сатурн в Овне предлагает вызовы, которые можно преодолеть, но только через стойкость, правила, упорство и умение балансировать между личными амбициями и глобальными задачами; Самое громкое прохождение Лилит по АС [асценденту – прим. наше. – А.М.] или личным планетам, Упр 1 Дома. Вас может занести в конфликты на ровном месте, сложно чувствовать*

границы, а **инстинкты** самосохранения могут и вовсе **отключиться** [20]. Тригон в астрологии и в астрономии обозначает угол между планетами в 120 градусов [7, с. 65] (в астрономии это просто геометрическое положение, но в астрологии ему приписывают **мистическое влияние**), а словосочетание *точный тригон* создает имитацию научной точности. Транзитный Сатурн является реальным движением планеты, но в астрологии оно приобретает символический смысл испытаний и ограничений. Еще один плод астрологии – это *Лилит* (черная Луна). Научного объяснения данному явлению нет, но в пабликах астрологов можно найти следующее: «Лилит была первой сотворенной женщиной вместе с Адамом, и именно она воплощает в себе непокорность, власть, сексуальность и чарующую притягательность, но став королевой Аида, ворвалась во все тяжкие: зависть, соблазны, ревность, роковые страсти и насилия...» [20]. Это значит, что помимо заимствованных научных терминов в астрологии фигурируют и специфические астрологические понятия, выдаваемые за научные термины. Так или иначе, они тоже объясняются посредством метафор. Так, метафоры *сбой в эмоциях* и *инстинкты могут отключиться* отсылают нас к сбою или прекращению в работе техники; *транзитный Сатурн со своими вызовами* является аллюзией жизненных испытаний. Такая метафорическая система эффективно выполняет убеждающую и объяснительную функции, несмотря на отсутствие научных оснований у описываемых явлений.

Все вышесказанное позволяет говорить, что метафора упрощает сложные астрологические (даже квазинаучные) концепции благодаря объяснению планетарных влияний через бытовые аналогии.

Другой значимой функциональной особенностью метафоры в тексте гороскопа является **создание ею панорамного образа**, позволяющего воспринимать содержащиеся в прогнозе рекомендации целостно: *Рыцарское настроение заставляет сегодня Овна защищать слабых, спасать угнетенных и раздавать деньги нуждающимся* [18]; *В этот день Деве не стоит оставаться в тени: ваше место на баррикадах...* Гороскоп сегодня предлагает не стесняться в желаниях и стремлениях, и, получив поддержку, смело **штурмовать желанные крепости** [17]; *Как и любой воин добра, Стрелец сегодня может ненароком снести две-три неповинные головы, а потому гороскоп советует всё же умерить амплитуду карающего меча: не заденьте в запале невинных* [17]. Подобные употребления заменяют абстрактные понятия (*настроение, воинственность*) на конкретные визуальные образы (*рыцарь, баррикады, крепость, меч*). Кроме того, через метафорические образы проявляется интенция автора повлиять на подсознание реципиента, привлечь его к данному конкретному прогнозу, а не к гороскопам конкурентов: «любой массмедийный источник гороскопов претендует на авторитет и правдоподобность в сфере прогностических продуктов и стремится реализовать их посредством ряда коммуникативных приемов» [10, с. 80].

Метафорическому переносу могут подвергаться совершенно противоположные с точки зрения коннотации понятия, в этом случае «между ценностями часто возникают конфликты, а тем самым и между метафорами, связанными с ними» [8, с. 47]: *Однако со стороны ценные указания Овна могут походить на кнут надсмотрщика, а его прямота по поводу и без – на критику без пощады* [20]. Метафора в этом случае эксплицирует не универсальные смыслы *ценные указания* – польза и *прямота* – искренность, а индивидуально-авторские *ценные указания* – наказание и *прямота* – беспощадная критика. В данном случае можно сказать об актуализации семантики преобладания эмоционального над рациональным. Функция гороскопа в связи с этим в широком смысле – призыв к контролю эмоций через рефлексию и внутренний контроль. В случае гороскопов подобное «взаимодействие семантически гетерогенных

компонентов, однако, обеспечивает структурно-композиционную и содержательную спаянность всего текста и уравнивает перспективный эффект «обманутого ожидания» при любом сценарии действительного развития событий» [9, с. 80].

В следующем примере речь идет об организации внутреннего мира человека: *Уже в январе-феврале вы ощутите, что пора **провести ревизию ценностей**: отправить в утиль отжившие идеи и тормозящие установки* [20]. Для реципиента проводится аналогия, например, с вещами гардероба, которые можно перебрать, обновить и адаптировать к современным модным тенденциям. Ценности в этой ситуации овеществляются, воспринимаются как устаревшие, нестабильные, способные к обновлению под влиянием целеполагания личности (*установки*) и ее мировоззрения (*идеи*). Обилие подобным примеров создаются по схожей метафорической модели «уборка вещей → уборка жизненных идей»: *Гороскоп советует начать с **избавления от старых вещей**. Не останавливайтесь, пока не соберете десяток пакетов на свалку. Начните с освобождения личного пространства, задайте темп, и вскоре вы почувствуете силы **освободиться от лишнего балласта и в жизни!*** [17]. Такого рода метафорические модели позволяют провести аналогию построения внутреннего мира с организацией внешнего пространства.

Ключевой функцией метафоры в гороскопе является **эмоциональное воздействие**. Часто носители знака зодиака соотносятся с поведением стихий. Стихийная метафора в гороскопе часто обусловлена его философскими корнями, в соответствии с которыми знаки зодиака соотносятся с водой, огнем, воздухом и землей. Стихийные метафоры всегда прямо или косвенно описывают эмоциональное состояние носителя знака: *Даже маленькая неприятность в пятницу может очень расстроить Льва: в этот день он принимает всё слишком близко к сердцу, и реагирует соответствующе, а потому его коллеги и домашние могут **пережить** настоящую бурю* [17]; *Во вторник уже с утра Водолей почувствует нешуточный **прилив энергии*** [17]. Зачастую подобные метафоры воспринимаются в качестве стертых.

Примечательно также, что метафоры в гороскопе единственного знака – Водолея – выбираются не в соответствии с отнесенностью знака к определенной стихии (Водолей – воздушный знак), а подкрепляют прямое лексическое значение, мотивированное значениями производящих основ лексемы: *Вод-о-лей – льет воду*.

Возможно заявить, что описание характера водных знаков зодиака через водные метафоры, а огненных через огненные и т.п. реализует **функцию персонализации гороскопа**. Так, Овен, Лев или Стрелец, читая гороскоп с метафорами огня, принимают его на свой счет, поскольку в описании каждого знака зодиака заложена символика огня: *Стихия Овна – **Огонь** – наделяет его оптимизмом и страстностью; Управляющая планета Льва – ослепительное Солнце, согревающее всех своими лучами. Его родная стихия – **Огонь**, дарящий ему неиссякаемый оптимизм; Стихией Стрельца является яркий **Огонь**, символизирующий страстность натуры во всех проявлениях* [17]. Подобного рода тактики работают и с водой, и с воздухом, и с землей. Таким образом, наряду с индивидуализацией можно наблюдать и **социативность** – создание у носителей определенных знаков зодиака общей концептуальной базы.

Стихийная метафора тесным образом связана с растительной метафорой: *Ну и свежие оригинальные идеи лучше приберечь – в четверг они могут показаться неадекватными. Перед тем как познакомить с ними общественность, Весы должны **дать им взреть** и полностью сформироваться* [17]; ***Чувства** Львов сегодня **расцветают** пышными и красивыми бутонами, **не дайте** случайным прохожим их*

сорвать [16, с. 12]. Чаще всего она эксплицирует эстетическую функцию в гороскопических текстах.

Поскольку гороскоп по своей природе ориентирован на конкретный период времени, в нем можно часто встретить когнитивные метафоры, в семантике которых заложена темпоральность: *Лето для вас – пора любви* [17]. *Лето* в данном примере воспринимается как эмоционально насыщенный период в жизни, сопряженный с отдыхом и романтическими приключениями, знакомствами, которые приводят к образцу – любви. Метафора зачастую гипертрофирует время: *Живите настоящей минутой, учитесь искренне радоваться тому, что имеете, и ни о чем не сожалейте* [16, с. 22]. Темпоральная метафора здесь подчеркивает быстротечность времени и параллельно увеличивает длительность минуты до значения слова «настоящее». Овеществление времени можно наблюдать в другом примере: *Самое лучшее, что можно сделать в этой ситуации, – это реально выкроить время для того, чтобы организовать мероприятие с каким-нибудь спортивным уклоном. Побегать, развлечься или устроить пикник на природе* [20]. Так или иначе, характерные метафоры подчеркивают актуальность деления жизненного пути на конкретные временные отрезки, которые можно спрогнозировать и подчинить «удачному» сценарию. В этом и в том числе заключается манипулятивная функция метафор в гороскопе.

Стоит выделить безусловную ценность концептуальной метафоры: она обнаруживает парадоксальность механизмов познания по отношению к понятийным дискурсивным категориям. С некой долей поэтизации можно сказать, что создаваемая метафорой образность в гороскопе призвана преодолевать ограничения и рамки дискурсивно-логических установок, а также языковые рамки: *Овну нужно сдержаться, сохранить лицо, в особенности, если ссора происходит при свидетелях. Poker Face станет лучшим оружием против обидчика* [17]. Так, метафора *Poker Face* зиждется на категориях невербальной коммуникации, а именно на специфическом выражении лица игроков в покер, при котором игроки не демонстрируют абсолютно никакой мимики, чтобы не выдать свои карты.

Наряду с одиночными метафорами в гороскопах можно встретить целые метафорические комплексы. Подобные комплексы позволяют при максимальной латентности ежедневных гороскопов вкладывать в них максимум смысловой нагрузки: *В этот день может состояться судьбоносное знакомство или же Овну поступит нестандартное и неожиданное предложение. Звёздный совет один: в погоне за необычной бабочкой не растопчите любимые розы* [17]. Так, необычная бабочка приобретает значение «редкая возможность, которую хочется использовать», а любимые розы ассоциируются с привычным для реципиента укладом жизни, который он рискует потерять. Семантика судьбы и перемен заменяется материальными сущностями, доступными сенсорному восприятию. Таким образом, гороскоп дает совет не пренебрегать стабильностью ради новизны и сбалансировать мотивацию и осторожность.

Метафорические комплексы в гороскопе системны, они выстраиваются по принципу «образ → инструкция»: *Этот день принесёт вам ветер перемен – лёгкий, но настойчивый. Он может сорвать с места, увлекая в неожиданном направлении, или же мягко наполнить ваши паруса, подталкивая к давно намеченной цели* [17]. Перемены – одна из ключевых тем гороскопа, которая в приведенном контексте ассоциируется с ветром и движением. Движение в данном случае имеет положительную коннотацию, поскольку наполненные паруса эксплицируют значение поддержки и удачи. Гороскоп в

этом случае через метафору реализует терапевтическую функцию, поскольку уверяет реципиента в благополучном развитии жизненных событий.

Основаниями метафоризации чаще всего выступают культурные архетипы. Так, бабочка символизирует мимолетность в восточной традиции, роза – символ любви и красоты в европейской культуре, а паруса – это аллюзия на морские путешествия и жизненный путь. Метафора в том числе позволяет выражать имплицитную директиву через контраст образов: бабочка = мимолетное, розы = стабильное; ветер = переменное, давно намеченная цель = постоянное.

Проанализированные примеры демонстрируют, как метафорические комплексы создают сюжетные арки внутри гороскопического текста, превращая его в мини-нарратив с завязкой (описанием ситуации) и развязкой (советом, рекомендацией, инструкцией к действию).

Повествование, построенное на метафорах, может выглядеть и подобным образом: *Сегодня Овнам любовь вскружит голову и отключит их от реальности. Именно поэтому многие задачи и дела забуксуют. Старайтесь все же выныривать из моря романтики, чтобы решать проблемы* [20]. Ежедневные прогнозы как правило строятся на основе контраста личной жизни и карьеры, что в полной мере отражено в данном контексте. Так, метафора *любовь вскружит голову* сочетает 2 типа: антропоморфный и физиологический. Образ источник – ощущения головокружения и потери координации человека, подвергнутого круговому вращению; область цель – состояние влюбленности, при котором человек теряет контроль. Подкрепляет семантику потери ориентации и технологическая метафора *отключить от реальности*, образом-целью которой является утрата связи с рациональным миром. В то же время, метафора *дела забуксуют* (технологический тип) построена на вращении предмета, но уже безрезультатного и бесполезного. Образ-цель – застой в делах, отсутствие прогресса. Именно поэтому гороскоп советует вернуться в реальность посредством метафоры *вынырнуть из моря романтики*: образ-цель – необходимость вернуться к рациональному поведению, чтобы восстановить баланс. Иными словами, многочисленные примеры гороскопа демонстрируют следующую закономерность: если все получается в личной жизни, то начинаются проблемы в делах, и наоборот.

Подобное противопоставление можно наблюдать и в стилистической окраске используемых метафор. Если метафоры *вскружить голову, отключиться от реальности и море романтики* имеют некий флер романтизма, то сочетание *дела забуксуют* стоит причислить к метафорам нижнего регистра. В случае гороскопов подобное «взаимодействие семантически гетерогенных компонентов, однако, обеспечивает структурно-композиционную и содержательную спаянность всего текста и уравнивает перспективный эффект "обманутого ожидания" при любом сценарии действительного развития событий» [9, с. 80]. Интерпретация метафорических скоплений в рамках одного текста происходит только при возможности и способности реципиентов задействовать все виды знаний – от научных до культурных. Этот факт обуславливает более частое употребление одиночных или парных метафор, нежели комплексов.

Заключение. Проведенное исследование метафоры в текстах гороскопов позволило выявить ее ключевую роль в организации архитектоники краткосрочных прогнозов, которые отличаются своей лапидарностью на фоне семантической емкости. Метафора выступает не просто стилистическим приемом, а когнитивным инструментом, обеспечивающим в первую очередь освоение абстрактных астрологических концептов и концепций, астрологической терминологии через знакомые бытовые образы и артефактные модели. Эмоциональное воздействие,

безусловно, доминирует в гороскопе с точки зрения коммуникативного намерения, поэтому аналогичная функция метафор встречается повсеместно за счет стихийных, метафизических, культурных и т.п. ее разновидностей.

Убеждение и мягкая (подчеркиваем) манипуляция эксплицируется через создание запоминающихся метафорических комплексов, которые проецируют универсальные сценарии, учитывающие индивидуальный опыт читателя. Метафора в гороскопах не просто украшает текст, а конструирует особую реальность, где астрономические явления становятся частью персональной истории читателя. В то же время, метафорические модели становятся опорами целых сюжетов, приближенных к художественным. Это подтверждает тезис о метафоре как фундаментальном механизме человеческого мышления, проявляющемся даже в специализированных дискурсах.

Таким образом, метафора в гороскопах системна и подчиняется когнитивным закономерностям. Ее функции выходят за рамки образности, включая прагматику и психологическое воздействие. Перспективы исследования видятся нами в сопоставительном анализе метафор в гороскопах разных культур, а также в экспериментальной проверке эффективности метафорических моделей на восприятие прогнозов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акай О.М. Эмоциональный графокод как семиотический феномен: от эмодзи до визуальных символов / О.М. Акай // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 5–19. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15300563>.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2. изд., испр. – Москва: Яз. рус. культуры, 1999. – 895 с.
3. Берестнев Г.И. Слово, язык и за их пределами: Монография / Г.И. Берестнев. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – 358 с.
4. Берестнев Г.И. Язык и когнитивная структура пророческих текстов: Античность и русское православие: монография / Г.И. Берестнев, Я.А. Киреева. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. – 221 с.
5. Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М.: Советская энциклопедия. Т. 56: Украинцев – Фаянс. – Москва, 1936. – 718 с.
6. Брайтлинг М.С. Метафора в индивидуально-авторской картине мира Т. Моррисон: диссертация ... кандидата филологических наук / М.С. Брайтлинг. – Санкт-Петербург, 2024. – 203 с.
7. Вронский С. Классическая астрология в 12 томах. Том 1: Введение в астрологию / С. Вронский. – М.: Издательство ВШКА, 2003. – 116 с.
8. Зарипов Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе: на материале французских политических метафор образа России: диссертация ... кандидата филологических наук / Р.И. Зарипов. – Москва, 2015. – 262 с.
9. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
10. Мубаракшина А.М. Суггестивный потенциал гороскопического текста / А.М. Мубаракшина // Филология и культура. Philology and Culture. – 2021. – №1(63). С. 77–83. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-77-83
11. Попова З.Д. Очерки. По когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191 с.
12. Розанова Н.Ф. Метафоризация морально-ценностных концептов в художественном творчестве Г. Флобера: диссертация ... кандидата филологических наук / Н.Ф. Розанова. – Москва, 2023. – 202 с.
13. Сегал Н.А. Метафорический образ водного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ / Н.А. Сегал // Филология и человек. – 2018. – № 1. – С. 31–43.
14. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра / Р.М. Фрумкина // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 4. – С. 21–28.
15. Чересюк П.А. Метафора в художественной прозе Л.Н. Толстого: лингвокреативный и прагматический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук / П.А. Чересюк. – Белгород, 2021. – 172 с.
16. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Астросовет. Гороскопы. – ООО «Питер-МедиаПресс». – 2025. – № 4 (117). – 66 с.
18. Гороскопы 365 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goroskop365.ru/> (дата обращения: 19.05.25).
19. Дарья. Гороскоп. – ООО «ИД «Пресс-Курьер»». – 2025. – № 4 (200). – 65 с.
20. Негрей Елена. Астрология для всех // Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: t.me/astropeople (дата обращения: 19.05.25).
21. Рамблер / гороскопы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://horoscopes.rambler.ru> (дата обращения: 19.05.25).
22. 1001 Гороскоп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1001goroskop.ru> (дата обращения: 19.05.25).

REFERENCES

1. Akaj O.M. (2025). Emocional'nyj grafokod kak semioticheskij fenomen: ot emodzi do vizual'nyh simvolov [Emotional graphocode as a semiotic phenomenon: from emojis to visual symbols]. Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psihologiya, No 3, 5–19. doi.org/10.5281/zenodo.15300563 (In Russian).
2. Arutyunova N.D. (1999). Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moskva: Yaz. rus.kul'tury, 895 p. (In Russian).
3. Berestnev G.I. (2007). Slovo, yazyk i za ih predelami [Word, language and beyond]. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta (In Russian).
4. Berestnev G.I., Kireeva Ya.A. (2018). Yazyk i kognitivnaya struktura profeticheskikh tekstov: Antichnost' i russkoe pravoslaviye [Language and cognitive structure of prophetic texts: Antiquity and Russian Orthodoxy]. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta (In Russian).
5. Shmidt O.Yu. (Ed.) (1936). Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. 56: Ukrainev – Fayans. Moskva. (In Russian).
6. Brajting M.S. (2024). Metafora v individual'no-avtorskoj kartine mira T. Morrison [Metaphor in an individual author's worldview by T. Morrison]: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg. (In Russian).
7. Vronskij S. (2003). Klassicheskaya astrologiya v 12 tomah. Vvedenie v astrologiyu. Tom 1 [Classical astrology in 12 volumes. An introduction to astrology. Volume 1]: Izdatel'stvo VShKA; Moskva (In Russian).
8. Zaripov R.I. (2015). Kognitivnye aspekty metaforicheskogo modelirovaniya v politicheskom disкурсе: na material francuzskikh politicheskikh metaphor obraza Rossii [Cognitive aspects of metaphorical modeling in political discourse: based on the French political metaphors of the image of Russia]: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russian).
9. Lakoff Dzh., & Dzhonson M. (2004). Metaforы, kotorymi my zhivem [Metaphors that we live by]: Per. s angl. / Pod red. i s predisl. A.N. Baranova. M.: Editorial URSS. (In Russian).
10. Mubarakshina A.M. (2021). Suggestivnyj potencial goroskopicheskogo teksta [Suggestive potential of the horoscopic text]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture, 1(63), 77–83. DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-77-83 (In Russian).
11. Popova Z.D., & Sternin I.A. (2001). Ocherki. Po kognitivnoj lingvistike [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh (In Russian).
12. Rozanova N.F. (2023). Metaforizatsiya moral'no-cennostnykh konceptov v hudozhestvennom tvorchestve G. Flobera [Metaphorization of moral and value concepts in the artistic work of G. Flaubert]: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva (In Russian).
13. Segal N.A. (2018). Metaforicheskij obraz vodnogo transporta v tekstah russkoyazychnykh politicheskikh SMI [The metaphorical image of water transport in the texts of Russian-language political media] // Filologiya i chelovek, 1, 31–43 (In Russian).
14. Frumkina R.M. (1999). Samosoznanie lingvistiki – vchera i zavtra [Self-awareness of linguistics – yesterday and tomorrow]. Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz, 58 (4), 21–28 (In Russian).
15. Cheresyuk P.A. (2021). Metafora v hudozhestvennoj proze L.N. Tolstogo: lingvokreativnyj i pragmaticheskij aspekty [Metaphor in the fiction of Leo Tolstoy: linguistic, creative and pragmatic aspects]: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Belgorod (In Russian).
16. Chudinov A.P. (2013) Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg (In Russian).

Поступила в редакцию 20.05.2025 г.

METAPHOR IN HOROSCOPIC TEXT: FUNCTIONAL ASPECT

A.M. Mubarakshina

The article examines metaphors in modern horoscopic texts from the perspective of cognitive linguistics. Based on the analysis of 200 contexts, it was found out that the main functions include nominative-figurative, emotive-influencing, manipulative, discourse-forming, aesthetic functions, as well as the function of simplifying astrological concepts. In other words, metaphors make the horoscope text simple and attractive to the reader, arouse emotional interest, endow it with a variety of interpretations and bring it closer to a work of fiction. The author follows the integrative approach combining methods of cognitive linguistics, discourse analysis, and conceptual research. It is proved that metaphorization in horoscopes is based on universal cognitive models («nature→man»; «things→man», «image→instruction», etc.), but is implemented through culturally specific linguistic forms. A special attention is paid to metaphorical complexes – detailed systems of interconnected images that create a holistic picture of the forecast. The work contributes to the study of the mechanisms of secondary nomination in esoteric discourse.

Key words: Russian language, horoscopic text, conceptual metaphor, linguistic metaphor, metaphorical model, functioning, astrological concepts, everyday analogies, imagery, personalization, sociability, aesthetics, manipulation, semantic capacity.

Мубаракшина Анастасия Михайловна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Доцент кафедры контрастивной лингвистики.

ORCID 0000-0002-2595-1254.

E-mail: blondy010888@mail.ru.

Mubarakshina Anastasiya Mikhailovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Associate Professor at Department of Contrastive Linguistics.

ORCID 0000-0002-2595-1254.

E-mail: blondy010888@mail.ru.

Научная статья

УДК 811.161. 1*27

DOI: 10.5281/zenodo.16232005

ХАРАКТЕР ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И ИННОВАЦИЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА¹³

© 2025 А.С. Бурляй

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Донецкий государственный университет»

ORCID 0000-0003-4689-0275

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье исследуется характер языковых средств и инноваций, формирующих языковую личность военного корреспондента в контексте медиадискурса, связанного с проведением специальной военной операции, начавшейся в 2022 году. Автор анализирует особенности создания субдискурса военных корреспондентов, отражающего специфику описания боевых действий, тактики, технических характеристик вооружения и новых явлений, которые требуют лингвистической оценки. В работе рассматриваются лингвистические приемы и инновационные языковые единицы, используемые ведущими военными журналистами для формирования общественного мнения и параметров оценки событий. Сделан вывод о том, что язык военных корреспондентов представляет собой живой, динамичный и многогранный феномен, отражающий взаимодействие языка, культуры и политики в условиях конфликта, а развитие языковой личности через инновационные средства является ключевым фактором успешного медиадискурса, способствующего информированию и формированию оценки происходящего.

Ключевые слова: языковая личность, дискурс, медиадискурс, военный корреспондент, языковая субличность, языковая прагматика, телеграм-канал.

Для цитирования: Бурляй А.С. Характер языковых средств и инноваций языковой личности военного корреспондента / А.С. Бурляй // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 90–98. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16232005>.

Восприятие окружающей среды и оценка происходящих событий в современном обществе определяются медиа. При этом медиадискурс как таковой не является единым синкретичным пространством функционирования текстов, а распадается на ряд субдискурсов с выраженной тематической направленностью. В пределах дискурса авторы контента создают тексты, с одной стороны отвечающие ожиданиям аудитории, а с другой – задающие параметры оценки происходящего и терминологию описания действительности.

В таком контексте события, связанные с проведением специальной военной операции (далее – СВО), потребовали в начале 2022 года отдельного субдискурса, авторами которого стали преимущественно военные корреспонденты. При этом в ходе боевых действий, кроме необходимости описания явлений, с которыми обыватель обычно не сталкивается, например, особенности тактики и стратегии ведения боевых действий или эксплуатация и технические характеристики вооружения и техники, возникла потребность в наименовании и описании инновационных объектов и явлений. В настоящее время данные языковые единицы составляют языковую личность военных корреспондентов и требуют лингвистической оценки.

¹³ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Современные исследования, посвященные изучению речевых особенностей военных корреспондентов, затрагивают различные языковые аспекты. Так, П.В. Горбань [3] анализирует лингвистические приемы, используемые военными журналистами в их телеграм-каналах для воздействия на аудиторию и формирования общественного мнения. Автор исследует публикации трёх известных корреспондентов – Евгения Поддубного, Александра Сладкова и Александра Коца – за период с февраля 2022 по январь 2023 года, охватывающие ключевые события конфликта на Украине, включая начало специальной военной операции и частичную мобилизацию в России.

П.В. Горбань выделяет основные категории языковых средств выразительности, которые корреспонденты используют для достижения различных коммуникативных целей: информирования, убеждения и мотивирования аудитории. Среди наиболее часто встречающихся приёмов – метафоры, ирония, сарказм, риторические вопросы, повторения и парцелляция. Каждый из журналистов демонстрирует свой уникальный стиль: Е. Поддубный активно применяет иронию и сарказм, А. Сладков предпочитает риторические вопросы и восклицания, а А. Коц делает акцент на метафорах и повторениях.

Иначе к изучению речи военных корреспондентов подходит С.В. Колобова [6], исследуя функционирование профессионального военного жаргона в речи российских военных журналистов. Автор выявляет функции и типы профессиональных жаргонизмов, показывая, как они используются для создания аутентичности, эмоционального воздействия и отождествления с аудиторией. Особое внимание уделено процессу проникновения военного жаргона из профессиональной среды в массовый медиадискурс, что способствует расширению языковой среды и появлению новых сленговых выражений в общественном употреблении. С.В. Колобова подчёркивает, что военные жаргонизмы выполняют коммуникативные, экспрессивные и идентификационные функции, помогая корреспондентам формировать уникальную языковую личность и усиливать влияние своих сообщений.

Комплексный подход к изучению речевой деятельности используют Е.А. Челак и А.В. Шарыпова [9]. Исследователи фокусируются на языковой личности военного журналиста в целом как особой коммуникативной и профессиональной категории, рассматривают её через призму лингвокультурных, прагматических и стилистических характеристик, подчеркивая влияние экстремальных условий военной деятельности на формирование речевого поведения корреспондентов. В статье анализируются речевые стратегии и языковые особенности, которые позволяют военным корреспондентам эффективно выполнять свои профессиональные задачи – информировать, убеждать и мобилизовать аудиторию. Особое внимание уделяется прагматическому уровню языковой личности, проявляющемуся в выборе лексики, стилистических средств и коммуникативных приемов, направленных на создание эмоционального и ценностного отклика у читателей и зрителей.

Таким образом, современный подход к одному и тому же лингвистическому материалу может быть сфокусирован как на отдельных речевых особенностях, так и охватывать комплексные языковые явления, к которым относится языковая личность. Наше понимание предмета исследования состоит в выявлении инноваций в речи военных корреспондентов, которые в динамике их использования задают аудитории рамку восприятия окружающей действительности в пределах конкретного социального явления.

Исходя из указанного выше, целью статьи является выявление языковых средств и инноваций в речи военных корреспондентов на материале их телеграм-каналов для определения роли этих языковых явлений в формировании языковой личности военного корреспондента и восприятии военного дискурса аудиторией.

Для достижения поставленной цели необходимо описать специфику военного и медиадискурса как среды функционирования языковых инноваций военных корреспондентов; проанализировать лексические и семантические особенности языковых средств, используемых военными корреспондентами в цифровых медиа; определить влияние языковых средств и инноваций на формирование языковой личности военного корреспондента и на восприятие военных событий аудиторией.

Обосновать эффективность применения лексико-семантического метода и дискурсивного анализа для комплексного изучения языковых особенностей телеграм-каналов военных журналистов. Для точного определения характера языковых средств и инноваций, используемых военными корреспондентами, необходимо охарактеризовать среду их функционирования – военный дискурс. Так, например, Л.А. Шашок [10] вслед за А.В. Улановым [8] определяет военный дискурс как «особый вид речевой организации картины мира военнослужащих, обладающий такими свойствами, как соотнесенность с речевой военной ситуацией, окружающей обстановкой военной сферы; специфической военной хронотопностью; интенциональностью; целостностью используемых речевых элементов; связностью; военно-фактологической информативностью; процессуальностью; интертекстуальностью; авторитетностью военно-теоретических и военно-исторических источников; антропоцентричностью военной картины мира; способностью к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа» [10, с. 116]. Он характеризуется четкой структурой, высокой степенью регламентации и строгим соблюдением субординации, что обусловлено статусно-ролевыми отношениями между участниками общения. Основными чертами военного дискурса являются императивность, логичность изложения, стандартизированные модели построения текстов и коммуникативная напряженность.

Кроме того, военный дискурс отражает специфическую военную картину мира, ориентированную на антропоцентризм и военно-фактологическую информативность. В то же время он демонстрирует гибкость, позволяя интегрироваться и взаимодействовать с другими институциональными дискурсами: политическим или научным.

При этом речевая деятельность военных корреспондентов также интегрирована в медиадискурс, характеризующийся виртуальностью, доступностью, мультимедийностью, интерактивностью и гипертекстуальностью, что в значительной степени обусловлено активной деятельностью военных корреспондентов в социальных медиа, в т.ч. в мессенджере «Телеграм». Таким образом, при анализе языковых явлений речевой деятельности военных корреспондентов следует учитывать дискурсивные особенности функционирования порождаемых ими текстов.

Изучению языковых инноваций уделено большое внимание современных ученых, о чем свидетельствуют работы Н.С. Баребиной [1], И.Г. Жировой [4], С.В. Ильясовой [5], О.А. Никитиной [7] и многих других авторов. При этом исследователи в целом сходятся в том, что языковые инновации – это процесс создания, адаптации или использования языка новыми и нестандартными способами для отражения новых реалий, идей и потребностей общества. Они проявляются в появлении новых слов и выражений, заимствований, изменении значений уже существующих лексем, а также в формировании новых грамматических и стилистических форм.

Языковые инновации отражают восприятие мира человеком и служат способом обновления словарного состава языка, позволяя адекватно передавать новые понятия, явления и культурные реалии. Они также способствуют развитию творческого потенциала языка, расширению его функциональных возможностей и адаптации к меняющимся социальным, технологическим и культурным условиям.

В таких условиях военный корреспондент как автор формирования информационного пространства занимает уникальное положение в медиапространстве, являясь не только непосредственным свидетелем и хроникёром военных событий, но и активным субъектом языковых изменений. Его деятельность связана с передачей информации из зоны конфликта, что требует особой языковой компетенции и способности адаптировать язык под экстремальные условия коммуникации. Военный корреспондент выступает посредником между фронтом и обществом, формируя через свой дискурс восприятие войны и создавая определённые смысловые конструкции, которые влияют на общественное сознание.

Военный корреспондент, находясь в эпицентре событий, использует специализированную лексику, профессиональный жаргон и выразительные языковые средства, которые со временем могут проникать в массовый язык и медиадискурс. Таким образом, он становится носителем и распространителем языковых инноваций, формируя новые смыслы и символы, связанные с военной тематикой. Это особенно заметно в условиях информационных войн, где язык служит не только средством передачи фактов, но и инструментом идеологического воздействия и мобилизации общественного мнения. Также следует отметить, что частотное взаимодействие с населением определенной территории формирует комплекс региолектных влияний на языковую личность военного корреспондента [2].

Кроме того, военный корреспондент адаптирует язык под специфику различных платформ – от традиционных СМИ до телеграм-каналов и социальных сетей, что способствует появлению новых форм и жанров военного дискурса. Его речевая личность отражает сочетание профессиональной роли, личного опыта и коммуникативных стратегий, направленных на создание доверия и эмоционального контакта с аудиторией.

Для анализа мы взяли контент, размещенный в телеграм-каналах наиболее влиятельных российских военных корреспондентов: Александра Коца, Александра Сладкова, Евгения Поддубного и Семёна Пегова.

Так, по данным сервиса TGStat, Александр Коц в своем телеграм-канале Kotsnews за 8 лет опубликовал 52 600 сообщений. На канал подписаны около 557 000 пользователей. Средний охват одной публикации составляет 123 000 пользователей. Александр Сладков за 7 лет ведения телеграм-канала «Сладков+» опубликовал 10 765 постов. На канал подписаны около 841 000 пользователей. Средний охват одной публикации – 268 000 пользователей. Евгений Поддубный за 8 лет ведения телеграм-канала «Поддубный |Z|O|V| edition» опубликовал 22 743 поста. На канал подписаны около 696 000 пользователей. Средний охват одной публикации – 160 000 пользователей. Семён Пегов за 7 лет ведения телеграм-канала «WarGonzo» опубликовал 25 484 поста. На канал подписаны около 921 000 пользователей. Средний охват одной публикации – 113 000 пользователей.

При исследовании материала телеграм-каналов военных корреспондентов для определения характера языковых средств и инноваций языковой личности военного корреспондента считаем целесообразным использовать лексико-семантический метод и дискурсивный анализ.

Лексико-семантический метод позволит выявить и систематизировать лексические единицы, характеризующие военный дискурс, а также определить инновационные языковые средства, появляющиеся в речи корреспондентов. Такой подход предполагает анализ семантических полей, компонентный и контекстуальный анализ значений слов и выражений, что дает возможность понять, как новые лексические единицы формируют и трансформируют языковую картину мира военного корреспондента, что в свою очередь определяет картину мира реципиентов его контента. Особое внимание будет

уделено выявлению неологизмов, профессионального жаргона и оценочной лексики, а также их семантическим связям и функциональному назначению в тексте.

Дискурсивный анализ будет направлен на изучение структуры, жанровых особенностей и коммуникативных стратегий телеграм-каналов как специфической формы медиадискурса. Анализ охватит взаимодействие вербальных и визуальных компонентов, а также способы построения нарратива, отражающие позицию корреспондента и формирующие определённый образ военных событий. Дискурсивный подход позволит выявить, как языковые инновации интегрируются в общий военный дискурс и каким образом они влияют на восприятие информации и формирование общественного мнения.

В совокупности эти методы обеспечат комплексное исследование языковых средств и инноваций, выявят их лексико-семантические характеристики и дискурсивные особенности, что позволит глубже понять специфику языковой личности военного корреспондента в современных цифровых медиа.

Динамика лексического состава в телеграм-каналах военных корреспондентов наглядно демонстрирует процессы появления и закрепления новых терминов и неологизмов, обусловленных спецификой современной военной ситуации. В условиях интенсивного информационного обмена и необходимости оперативного реагирования на изменяющуюся обстановку корреспонденты становятся инициаторами языковых изменений, вводя в обиход новые лексические единицы, отражающие реалии СВО и связанные с ней явления.

Одной из ключевых тенденций последних лет стало активное формирование терминологического поля, связанного с обозначением военных операций, техники, тактики, а также новых форм взаимодействия между участниками конфликта. Так, в лексиконе военных корреспондентов закрепились такие неологизмы, как *СВО* (специальная военная операция), *герань* (жаргонное наименование беспилотников-камикадзе), *вагнеровцы* (обозначение бойцов ЧВК «Вагнер»), *мобик* (мобилизованный военнослужащий), *дроноводы* (военные, которые отвечают за запуск, пилотирование, наведение и обслуживание дронов) (рис. 1), *двухсотый* и *трёхсотый* (погибший и раненый соответственно). Эти и другие лексемы не только отражают специфику военного времени, но и становятся маркерами профессиональной принадлежности и идентичности корреспондентов.

Дроноводы обломали ВСУ подвоз провизии и БК

На Северском направлении [пилотам малой авиации](#) удалось вычислить маршрут передвижения вражеской машины и открыть на неё охоту в момент доставки очередного груза.

Как можно увидеть, метким попаданием камикадзе автомобиль был обездвижен, а затем предусмотрительно сожжен, чтобы не оставить ВСУ шансы собрать своё дорогостоящее оборудование.

@wargonzo

🔥 1,1K 👍 409 ❤️ 85 💬 22 😊 5 🙏 1

11:13 АЖ 12:05

Рисунок 1 (<https://t.me/wargonzo/27023>)

Процесс закрепления новых терминов в медиадискурсе происходит за счёт их регулярного употребления в сообщениях, аналитических обзорах и репортажах, что способствует их распространению среди широкой аудитории.

Особое место в лексическом обновлении занимают заимствования и кальки, обусловленные необходимостью описания новых видов вооружения, техники и тактических приёмов. Например, в речи корреспондентов активно используются англоязычные термины (*дрон, квадрокоптер, кибервойна, истеблишмент*) (рис. 2), которые либо сохраняют исходную форму, либо подвергаются адаптации к нормам русского языка. Кроме того, наблюдается тенденция к образованию сокращений и аббревиатур, что обусловлено стремлением к лаконичности и оперативности передачи информации в условиях ограниченного объёма сообщений.

Рисунок 2 (https://t.me/Sladkov_plus/13419)

Закрепление новых лексических единиц сопровождается их интеграцией в различные жанры медиадискурса – от оперативных сводок до авторских колонок и аналитических материалов. В результате формируется своеобразный пласт военной лексики, отличающийся высокой степенью динамичности, экспрессивности и прагматической направленности.

Цифровая медиасреда и современные платформы играют ключевую роль в ускорении процессов распространения и закрепления языковых инноваций, особенно в контексте военного дискурса. Телеграм-каналы военных корреспондентов выступают не просто как каналы передачи информации, но и как активные пространства языковой креативности, где новые термины, неологизмы и жаргонные выражения быстро находят широкое распространение и закрепляются в общественном сознании.

Одной из важнейших особенностей цифровых платформ является их оперативность и доступность, что позволяет корреспондентам публиковать новости и комментарии в режиме реального времени. Это способствует быстрому введению и

тиражированию новых лексических единиц, которые отражают актуальные события и изменяющиеся реалии военной ситуации.

Кроме того, цифровые платформы обеспечивают мультимедийность медиадискурса – сочетание текста, изображений, видео- и аудиоконтента, что усиливает восприятие и запоминание новых языковых конструкций. В телеграм-каналах военных корреспондентов это проявляется в сопровождении постов визуальными материалами, которые контекстуализируют и подкрепляют языковые инновации, делая их более выразительными и эмоционально насыщенными. Такая интеграция вербальных и невербальных средств способствует закреплению новых терминов в сознании пользователей.

Интерактивность цифровых платформ позволяет не только распространять языковые инновации, но и активно вовлекать аудиторию в их обсуждение, адаптацию и модификацию. Читатели телеграм-каналов могут комментировать, делиться и создавать собственные вариации новых слов и выражений, что способствует их дальнейшему развитию и закреплению в медиадискурсе.

Также языковые инновации играют ключевую роль в формировании образа врага, военных действий, выступая важным инструментом конструирования смыслов и эмоционального воздействия в военном дискурсе. Через специально подобранные лексические средства военные корреспонденты создают устойчивые стереотипы, которые помогают аудитории воспринимать конфликт в определённом ключе и формируют коллективные установки.

В процессе конструирования образа врага языковые инновации служат средством отчуждения «противника». Используются стратегии создания круга «чужих», когда враг обозначается с помощью пейоративной лексики, подчёркивающей его враждебность, жестокость и бесчеловечность. Такие лексемы, как *террорист*, *агрессор*, *убийца*, а также метафорические выражения и инвективы, усиливают негативное восприятие и способствуют формированию эмоционального отторжения. Кроме того, языковые инновации позволяют моделировать фантомную угрозу, создавая у аудитории ощущение постоянной опасности и необходимости мобилизации, что усиливает поддержку военных действий.

Параллельно с этим происходит героизация собственных сил, участвующих в конфликте. Новые лексические единицы и стилистические приёмы используются для создания образа героя, воплощающего идеалы мужества, самоотверженности и патриотизма. В речи военных корреспондентов появляются эпитеты и метафоры, подчеркивающие доблесть и стойкость, что способствует формированию позитивного восприятия и укреплению морального духа аудитории. Языковые инновации в этом контексте выполняют функцию символического возведения героев в ранг культурных и национальных образов, что усиливает их легитимность и поддержку.

В результате проведённого исследования выявлены специфика языковых средств и инноваций в речи военных корреспондентов, обусловленная особенностями современного военного дискурса и влиянием цифровых медиаплатформ. Анализ телеграм-каналов ведущих военных корреспондентов показал, что лексика военного дискурса активно обновляется за счёт появления новых терминов, неологизмов и профессионального жаргона, которые отражают реалии текущих военных событий и служат важными маркерами идентичности и профессионализма корреспондентов. Эти языковые инновации не только расширяют лексико-семантическое поле военного дискурса, но и выполняют прагматические функции – информируют, убеждают, мобилизуют и эмоционально вовлекают аудиторию.

Особое значение имеет роль цифровых платформ, в частности телеграм-каналов, которые способствуют быстрому распространению и закреплению новых языковых единиц. Благодаря высокой оперативности, мультимедийности и интерактивности таких

платформ языковые инновации получают широкое распространение и становятся частью массового медиадискурса. Взаимодействие корреспондентов с аудиторией в режиме реального времени стимулирует адаптацию и развитие новых лексических форм, что усиливает их коммуникативную эффективность и способствует формированию уникальной языковой личности журналиста.

Таким образом, можно заключить, что язык военных корреспондентов является живым, динамичным и многогранным феноменом, отражающим сложные процессы взаимодействия языка, культуры и политики в условиях современного конфликта. Формирование и развитие языковой личности журналиста через инновационные языковые средства становится ключевым фактором успешного медиадискурса, способствующего не только информированию, но и формированию общественного мнения и национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбина Н.С. Языковые инновации в медиатекстах описания политической борьбы на Украине / Н.С. Барбина, О.Ф. Семенова // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты: материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 14–15 сентября 2017 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017. – С. 196–206.
2. Бурляй А.С. Специфика языковой личности современного российского военного корреспондента / А.С. Бурляй // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2025. – № 2. – С. 116–124.
3. Горбань П.В. Языковые средства выразительности в авторских телеграм-каналах военных корреспондентов / П.В. Горбань // Меди@льманах. – 2024. – № 2(121). – С. 35–42.
4. Жирова И.Г. Языковые инновации как способы обновления словарного состава современного английского языка / И.Г. Жирова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 87–95.
5. Ильясова С.В. Язык современных российских СМИ: картина словотворчества / С.В. Ильясова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2012. – № 14. – С. 140–146.
6. Колобова С.В. Профессиональные военные жаргонизмы в медиадискурсе военных корреспондентов (на примере телеграм-каналов) / С.В. Колобова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 196–208.
7. Никитина О.А. Лингвокреативность языковой личности и дискурсивные маркеры лексических инноваций / О.А. Никитина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4. – С. 206–221.
8. Уланов А.В. Региональные особенности русского военного дискурса XIX – начала XX веков / А.В. Уланов // Омский научный вестник. – 2014. – № 3(129). – С. 115–118.
9. Челак Е.А. Портрет языковой личности военного корреспондента / Е.А. Челак, А.В. Шарыпова // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 8(44). – С. 9.
10. Шашок Л.А. Характерные особенности военного дискурса (на материале работ отечественных лингвистов) / Л.А. Шашок // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6(72). – С. 116–119.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Kotsnews : канал // Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/sashakots> (дата обращения: 15.06.2025).
12. Поддубный [Z|O|V] edition : канал // Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/epoddubny> (дата обращения: 13.06.2025).
13. Сладков+ : канал // Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/Sladkov_plus (дата обращения: 14.06.2025).
14. VarGonzo : канал // Telegram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/vargonzo> (дата обращения: 14.06.2025).

REFERENCES

1. Barebina N.S., & Semenova O.F. (2017). Yazykovye innovatsii v mediatekstakh opisaniia politicheskoi bor'by na Ukraine [Language innovations in media texts describing the political struggle in Ukraine]. In Evroaziatskoe sotrudnichestvo: humanitarnye aspekty: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 14–15 sentiabria 2017 goda [Eurasian cooperation: humanitarian aspects: materials of the

international scientific-practical conference, Irkutsk, September 14–15, 2017] (pp. 196–206). Irkutsk: Baikalskii gosudarstvennyi universitet (In Russian).

2. Burlaiy A.S. (2025). Spetsifika iazykovoi lichnosti sovremennogo rossiiskogo voennogo korrespondenta [Specifics of the linguistic personality of the modern Russian military correspondent]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya, (2), 116–124 (In Russian).

3. Gorban' P.V. (2024). Yazykovye sredstva vyrazitel'nosti v avtorskh telegram-kanalakh voennykh korrespondentov [Linguistic means of expressiveness in authors' Telegram channels of military correspondents]. Medi@l'manakh, (2(121)), 35–42 (In Russian).

4. Zhirova I.G. (2014). Yazykovye innovatsii kak sposoby obnovleniia slovarnogo sostava sovremennogo angliiskogo iazyka [Language innovations as ways of renewing the vocabulary of modern English]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika, (4), 87–95 (In Russian).

5. Iliasova S.V. (2012). Iazyk sovremennykh rossiiskikh SMI: kartina slovotvorchestva [Language of modern Russian media: a picture of word formation]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki, (14), 140–146 (In Russian).

6. Kolobova S.V. (2025). Professional'nye voennye zhargonizmy v mediadiskurse voennykh korrespondentov (na primere telegram-kanalov) [Professional military jargons in the media discourse of military correspondents (based on Telegram channels)]. Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki, 29(1), 196–208 (In Russian).

7. Nikitina O.A. (2014). Lingvokreativnost' iazykovoi lichnosti i diskursivnye markery leksicheskikh innovatsii [Linguistic creativity of the language personality and discursive markers of lexical innovations]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, (4), 206–221 (In Russian).

8. Ulanov A.V. (2014). Regional'nye osobennosti russkogo voennogo diskursa XIX - nachala XX vekov [Regional features of Russian military discourse of the 19th - early 20th centuries]. Omskii nauchnyi vestnik, (3(129)), 115–118 (In Russian).

9. Chelak E.A., & Sharypova A.V. (2023). Portret iazykovoi lichnosti voennogo korrespondenta [Portrait of the linguistic personality of a military correspondent]. Russkii lingvisticheskii biulleten', (8(44)) (In Russian).

10. Shashok L.A. (2018). Kharakternye osobennosti voennogo diskursa (na materiale rabot otechestvennykh lingvistov) [Characteristic features of military discourse (based on works of domestic linguists)]. Politicheskaya lingvistika, (6(72)), 116–119 (In Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2025 г.

LINGUISTIC MEANS AND INNOVATIONS OF MILITARY CORRESPONDENT'S LINGUISTIC PERSONALITY

A.S. Burlaiy

The article addresses the nature of linguistic tools and innovations that shape the linguistic personality of a military correspondent in the context of media discourse related to the special military operation that began in 2022. The author analyzes the features of creating a subdiscourse of military correspondents, reflecting the specifics of describing combat operations, tactics, technical characteristics of weapons and new phenomena that require linguistic assessment. The linguistic techniques and innovative linguistic units used by leading military journalists to form public opinion and event assessment parameters are considered. It is concluded that the language of military correspondents is a lively, dynamic and multifaceted phenomenon reflecting the interaction of language, culture, and politics in conflict situations. The linguistic personality development through innovative means is a key factor in successful media discourse, contributing to informing and forming an assessment of what is happening.

Key words: linguistic personality, discourse, media discourse, military correspondent, linguistic subpersonality, linguistic pragmatics, telegram channel.

Бурляй Анна Сергеевна.

Донецкий государственный университет, г. Донецк,
Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры русского языка.

ORCID: 0000-0003-4689-0275.

E-mail: anna.burlyai@mail.ru.

Burlaiy Anna Sergeevna.

Donetsk State University, Donetsk,
Russian Federation.

Senior lecturer at the Russian Language Department.

ORCID: 0000-0003-4689-0275.

E-mail: anna.burlyai@mail.ru.

Научная статья

УДК: 81'33

DOI: 10.5281/zenodo.16235001

**ОБРАЗНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА
ЖАЛОСТЬ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ**

© 2025 Цао Ли

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ORCID 0009-0008-7040-3370

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Эмоциональный концепт *жалость* как важная часть повседневной жизни имеет множество образных выражений в русской и китайской паремиологии. В настоящей статье подчеркивается актуальность изучения эмоционального концепта жалости и рассматривается репрезентация его образного осмысления посредством русских и китайских паремий. Для достижения цели работы анализируется понятие эмоционального концепта жалости, классификация типов образных метафорических проекций, особенности образных способов выражения эмоционального концепта *жалость* у русского и китайского народов. Результаты исследования показывают различия в религии, географии, культуре и обычае через многие образные русские и китайские паремии, и некоторые сходства в аксиологических нормах у двух народов. Практическая ценность исследования заключается в возможности использования результатов исследования для дальнейшего обучения межкультурной коммуникации и понимания сходств и различий в когнитивном мышлении русского и китайского народов.

Ключевые слова: концепт, эмоциональный концепт, жалость, образ, аксиология, метафора, паремия, паремиология.

Для цитирования: Цао Ли. Образное осмысление эмоционального концепта жалость в русской и китайской паремиологии / Ли Цао // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 99-109. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16235001>.

Введение. В рамках антропоцентрической парадигмы в языкознании центром исследования является человек и его вербальные знаки освоения действительности [20, с. 16]. Одной из основных характеристик человеческого общества является наличие культурной составляющей.

Концепты как значимые единицы лингвокультурологии, фиксируют ментальные характеристики и мировоззрения нации. Одним из важных аспектов изучения концепта является вопрос о его структуре. Наиболее известные в настоящее время подходы к выявлению структуры концепта принадлежат ученым, таким как Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.Г. Слышкину. В.И. Карасик, определяя культурный концепт как многомерную смысловую сущность, выделяет в нем понятийный, образно-перцептивный и ценностный компоненты [11, с. 129]. Понятийный элемент представляет собой повседневное знание или общую эрудицию; образный (образно-перцептивный и образно-метафорический) элемент отражает чувственное восприятие предмета, явления, события и включает в себя внутренние формы языковых знаков; ценность, как доминирующий компонент делает концепт концептом, дает возможность включить данную единицу в общий культурный контекст [12, с. 12]. Эмоциональный концепт составляет особый тип когнитивных единицы [13, с. 72], основой его

содержания выступает закреплённое в знаках эмоциональное отношение к важным объектам реальности, которые имеют большое значение для духовной жизни человека, его чувств и переживаний [4, с. 87]. Под эмоциональным концептом вслед за Н.А. Красавским мы понимаем «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое интегративное, ментальное, как правило, лексически и / или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее, помимо понятия, образ и оценку, культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов, вызывающих пристрастное отношение к ним человека» [13, с. 73].

Объектом данной статьи является исследование эмоционального концепта *жалость* на основе образных репрезентаций, которые помогают описательно передавать взгляды и оценки различных эмоциональных явлений человека. Материалом послужили паремиологические единицы русского и китайского языков, которые недостаточно изучены в российском и китайском языкознании.

Эмоциональный концепт *жалость* в работах ученых рассматривается в следующих аспектах: А.Е. Зимбули исследует нравственно-ценностные ракурсы концепта *жалость* в разных культурах [7]; Эмоциональный концепт *жалость* в русской языковой картине мира изучается В.С. Мельниковой на материале произведений А.П. Чехова [14]; А. Вежбицкая рассмотрела и сравнила эмоциональные концепты (*гнев*, *жалость* и др.) в аспекте межкультурной коммуникации [22].

В современном сопоставительном языкознании имеются исследования лингвокультурных концептов в рамках сопоставления разных языков с целью выявления специфики культурного фона каждого языка [2, с. 40].

Актуальность предлагаемого исследования базируется на том, что эмоциональный концепт *жалость* недостаточно изучен при сопоставлении русской и китайской паремиологии. Научная новизна данной работы состоит в том, что впервые классифицируются типы образных метафорических проекций и выявляются общие и отличительные черты репрезентации эмоционального концепта жалости, представленного паремиологическими единицами русского и китайского языков на широком понимании. Цель статьи состоит в определении общих и отличительных признаков образных способов выражения эмоционального концепта жалости в русской и китайской паремиологии.

Материалы и методы исследования. Поставленная цель обусловила выбор следующих основных методов: сплошной выборки, метод словарных дефиниций, описательный метод. В данной работе за основу берется понятие эмоционального концепта, предложенное Н.А. Красавским. Материалом для исследования образного компонента эмоционального концепта *жалость* послужили пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения и их трансформанты, представленные в словарях русского языка [21], и яньюй (谚语), суюй (俗语), сехоуэй (歇后语), гуаньюньюй (惯用语), гэянь (格言) и трансформанты в словарях китайского языка [23], национальный корпус русского языка, ВСС (корпус китайского языка) и интернет-источниках.

Основная часть. Для выявления состава паремий на базе фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок, словарей афоризмов и крылатых выражений русского и китайского языков был составлен список лексикографических значений и синонимов слова *жалость*.

Слово *жалость* общеславянского происхождения, суффиксально образованное от утраченного прилагательного *жаль* [30, с. 83–84]. В русской лексикографии слово

жалость рассматривается как чувство соболезнования, сострадания к кому-л, чему-л; сожаление, грусть, печальное чувство [27, с. 26]; любовь, расположение [29, с. 60]. Такие единицы образуют синонимический ряд с семантической доминантой слова *жалость*: жалость, сожаление, сострадание, сочувствие, участие, соболезнование [28, с. 330].

Исторически сложилось так, что многие западные философы и этики, представляя свои собственные взгляды на жалость, использовали целый пласт синонимических понятий, которые понятийно и лексикографически связаны с жалостью: *жалость – доброта, сочувствие, сострадание, нежность, человечность, гуманизм, духовность, божественность*. Выражается эмоциональный концепт *жалость* следующими паремиями: *Не жалея того, кто скачет; жалея того, кто плачет* [25]; *Жалость – со слезами, а доброта – с мозолями* [25]; *Злой плачет от зависти, а добрый от жалости* [25]; *Человек жалостью живет* [25]; *Богатому не жаль корабля, а бедному жаль кошель* [25].

Рассмотрим толкование слова *жалость* в китайских словарях. В данной статье иероглиф 怜 используется как эквивалент русского слова *жалость*. В китайской лексикографии значение иероглифа 怜 включает компоненты: 怜悯 (сострадание); 哀怜, 遗憾 (печаль) [24, с. 113]; который дополняется такими компонентами: 怜惜 (сострадание), 可怜 (жалкий); 爱, 爱怜 (любовь) [35, с. 809]; 同情 (сострадание) [36, с. 300]; 怜爱, 喜爱 (любовь, симпатия) [32, с. 271]; 爱惜 (любить, беречь) [33, с. 320]. В частотных употреблениях китайского иероглифа 怜 коррелирует с рядом синонимов, которые понятийно и лексикографически связаны с жалостью: 怜悯, 惋惜, 怜惜, 同情, 恻隐 (*жалость*), 可怜, 哀怜, 悲怜, 爱怜, 怜爱, 爱惜, 遗憾, 可惜, 慈悲 (милосердие). Существуют паремии, выражающие образную часть концепта *жалость*: *不看僧面看佛面* (Не смотри на лицо монаха, смотри на лицо Будды) [34]; *可怜虫* (жалкая козявка) [34]; *菩萨心肠 – 大慈大悲* (Сердце бодхисаттвы – великое сострадание и милосердие) [31]; *怜爱绵绵, 莲子甜甜* (Бесконечная любовь и жалость, сладкие семена лотоса) [34].

Чтобы раскрыть характеристики концепта *жалость*, нужно проанализировать концептуальную схему и эмоциональные ситуации жалости. Эмоции, такие как жалость, любовь, ненависть, принадлежат к межличностной сфере человеческого существования и требуют минимум двух субъектов. В изложении А. Вежицкой концептуальная схема «жалость» представлена следующим образом:

- (a) X думает примерно так:
- (b) что-то плохое произошло с Y-ом
- (c) поэтому Y чувствует себя плохо
- (d) Я хотел бы, чтобы это не произошло
- (e) X чувствует нечто хорошее в отношении Y-а
- (f) если бы X мог, то сделал бы что-то хорошее для Y-а [5, с. 353].

С данным толкованием совпадает отчасти определение Ю.Д. Апресяна: «Жалость X-а к Y-у = ‘чувство, нарушающее душевное равновесие X-а и вызванное у X-а Y-ом; такое чувство бывает у человека, когда он думает, что некто находится в плохом положении и что это положение хуже, чем он заслуживает; душа человека чувствует нечто подобное тому, что ощущает тело человека, когда ему больно; тело реагирует на такое чувство как на боль; человеку, который испытывает такое чувство, хочется изменить положение другого существа так, чтобы оно стало менее плохим» [1, с. 464].

Общими в этих концепциях являются следующие компоненты: жалость, как направленное душевное эмоциональное состояние на объект, который находится в трудном и плохом положении, и эмоция *жалость* тесно связана с физическим состоянием и физиологическими симптомами [3, с. 111].

Субъекты жалости в русских паремиях обычно связаны с *Богом, царем, государем, Христом* и людьми, играющими разные роли в обществе, например, *друзьями, родителями* и т.д. Существуют такие паремии:

Бог милостив, а царь жалостлив [25].

Жаль, жаль, да и Бог с тобой [25].

Богат Бог милостью, государь жалостью [25].

Жаль друга, да не как себя [25].

Жалеть людей надо! Христос-то всех жалел и нам так велел [26].

В китайской культуре субъекты жалости чаще связаны со словами: 天 (небо), 佛祖 (будда), 和尚 (монах), 菩萨 (бодхисатва), 爷娘, 父母 (родители) и т.п., представлены китайскими паремиями типа: *天怜善者不怜恶, 鬼怕端人不怕邪* (Небо жалеет добрых, а не злых, призраки боятся честных людей, но не злых) [34]; *天意怜幽草, 人间重晚情* (Небо жалеет размокищую траву от дождя в глухом месте, после дождя небо проясняется, люди особенно дорожат солнечными днями вечером) [34]; *可怜天下父母心* (В поднебесной родители очень любят и жалеют своих детей) [34]; *慈母多败儿* (Слишком любящие матери часто портят своих детей) [34]; *菩萨心肠 — 大慈大悲* (Сердце бодхисаттвы – великое сострадание и милосердие) [31]; *杀人和尚念佛经—假慈悲* (Монах-убийца читает буддийские писания – притворное сострадание) [31]; *不看僧面看佛面* (Не смотри на лицо монаха, смотри на лицо Будды) [34].

Как показывают употребления паремий в различных контекстах, объектом жалости может выступать не только другой человек, но и собственное я говорящего. Говорящий X не всегда стремится изменить положение Y-а к лучшему, объект жалости может вызывать не участие, сочувствие и сострадание, а стыд, вину, раскаяние и даже, как ни странно, высокомерие, презрение, брезгливость и отвращение, что составляет отрицательную оценку жалости. Например:

Русские паремии: *Завистливый своих двух глаз не пожалеет* [25]; *Чужого дурака жаль, а за своего стыдно* [25]; *Чужой сын дурак – смех, а свой дурак – смерть (стыд)* [25].

Китайские паремии: *慈母多败儿* (Слишком любящие матери часто портят своих детей) [34]; *杀人和尚念佛经—假慈悲* (Монах-убийца читает буддийские писания – притворное сострадание) [31]; *猫哭耗子—假慈悲* (Кот оплакивает мышь – притворное сочувствие) [31]; *鳄鱼的眼泪—假同情* (Крокодиловы слезы – насмешливое сочувствие) [31].

Паремии как своеобразный способ высказывания, фиксируют обыденную культуру и жизненной установки народа [19, с. 241]. Образ концепта делится на образно-перцептивный и образно-метафорический элементы [12, с. 12]. Он представлен: 1) перцептивными когнитивными признаками, формирующимися в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств (перцептивный образ), включает зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые и обонятельные образы; 2) образными признаками, формируемыми метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления [16]. Множество паремий русского и китайского языков метафоричны.

Метафора – это один из самых часто встречающихся примеров вторичного или переносного значения, суть которого заключается в отражении сходства или сравнения объектов по самым различным признакам [17, с. 82–83]. Содержание метафоры в паремиях отражает как положительный и благоприятный оценочный смысл, так и неблагоприятный, негативный.

При анализе отобранного для исследования материала русского и китайского языков было установлено, что метафорический перенос концепта жалости из областей-источников осуществляется в следующие целевые области.

Образное осмысление эмоционального концепта жалость в русских паремиях. Эмоциональное состояние *жалость* часто сопровождается изображением **физических состояний и физиологических симптомов**: *боль, плакать, лить слезы, истерика и т.д.*

Сострадание – нечто более высокое, идущее из глубины души, а жалость там, где страх и боль [26].

В сиротстве жить – (только) слезы лить [25].

Жилы рвутся от тяжести, слезы льются от жалости [25].

Кошке игрушки, мышке слёзки [25].

Жалость – спутница истерики [26].

Эмоциональный концепт *жалость* может персонифицироваться в образах **силы препятствия и разрушения** с отрицательной оценкой. В следующих примерах подчеркивается важность правильного способа выражения эмоции *жалость*. Постоянное пребывание в эмоциональном состоянии жалость к себе или другим приводит к серьезным психологическим и социальным последствиям.

Жалость к себе возвращает любое движение вперед [26].

Жалость убивает уважение [26].

Эмоциональное содержание концепта *жалость* сложно и амбивалентно [10, с. 68]. В русских паремиях метафорическое отображение *притворная жалость и презрение* переосмысливается. Волка чаще считают символом силы, злости, коварства в русской культуре. В русской паремиологии сильный и мощный волк проявляет презрение, лицемерие и притворную жалость к бессильным ягненку. Например:

Сжалился волк над ягненком – оставил кости да кожу [25].

Пожалел волк кобылу – оставил хвост да, гриву [25].

Кроме приведенных выше паремий метафорический перенос осуществляется через **реальные прототипы** проявления жалости, например *путь, песок, маску, острый колющий предмет* и т.д.

Жалость – вернейший путь к сердцу женщины. Если, конечно, ты – всего лишь жалкая тварь [26]; *Без души просвещеннейшая умница – жалкая тварь* [26]; *Невежда без души – зверь* [26]. Примеры взяты из русской классики – комедии «Недоросль» Д.И. Фонвизина. Душа, как субстанция, делает человека именно человеком. Отсутствие нравственности и души превращает умницу в зверя. И жалость как основная и важная часть души, является путем к воспитанию сердца женщины. Подчеркивается важность воспитать жалостливое сердце.

Жалость – это песок, на котором отношения не построишь [26]. Эмоциональный концепт *жалость* тесно связан с *песком*, и не получится построить человеческие отношения на базе эмоции жалости. Поскольку песок сыпучий, то любые отношения, которые строятся на песке, нарушены.

Гордым натурам не к лицу маска жалости [26]. Смысл приведенного примера означает, что не подходит проявлять жалость к гордым людям, поскольку они рассматривают жалость как оскорбление и унижение.

Жалость клюет сердце [26]; Люди, бьющие на жалость – самые меткие и циничные стрелки, ибо почти всегда бьют без промаха [26]. Эмоция жалость отражает характеристики через метафору **острого колющего предмета**.

При анализе приведенных выше паремий русского языка выявляется то, что эмоциональный концепт *жалость* в метафорической проекции определяется в отношении к **физическому состоянию, физиологическим симптомам, силе, реальным прототипам**.

В китайской метафорической проекции *жалость* определяется:

В китайской метафорической проекции жалость определяется:

1) в отношении к **органам чувства восприятия**:

男怜后妻软如棉, 女望前夫硬如铁 (Мужчины жалеют своих вторых жен, которые мягкие, как хлопок, а женщины надеются на своих бывших мужей, которые тверды, как железо) [34], что означает после неудачного первого брака мужчина более жалеет и любит вторую жену с нежностью и жалостью. В китайском сознании жалость мужа к второй жене ассоциируется с мягкостью хлопка через тактильное восприятие.

人情味 (вкус человечности) [34]. Образ человечности формируется на основе вкусового ощущения человека. Смысл приведенной паремии означает теплое чувство и заботу между людьми. Эмоция жалость является неотъемлемой частью человечности. Необходимо отметить, что человечность занимает ключевое место в китайском обществе, влияет на межличностные отношения и социальную сплоченность.

2) в отношении к **животному и растительному миру**:

鳄鱼的眼泪—假同情 (Крокодиловы слезы – насмешливое сочувствие) [31]. Смысл этой паремии заключается в раскрытии притворной жалости злых людей. Согласно научным исследованиям, крокодилы проливают слезы во время еды, чтобы вывести из организма избыток соли. Негативная оценка злых людей выражается с помощью использования образной метафоры. Поскольку злые причиняют боль другим, притворяются сострадательными.

猫哭耗子—假慈悲 (Кот оплакивает мышь – притворное сочувствие) [31]. Кошки – естественные враги мышей. Если они встретят мышей, они их съедят. Это метафора о притворной жалости.

好狗不咬鸡 (Хорошая собака не кусает кур) [34]. Собаки – верные друзья человека. В сельской местности хозяин заводит собак для защиты своих домов. Куры – обычная домашняя птица. Хорошая собака жалеет все в доме и не причинит вреда курам и другой домашней птице. В переносном смысле эта паремия означает, что надо относиться к семье с жалостью.

可怜虫 (жалкая козявка) [34]. Смысл приведенного примера означает, что жалкий человек чаще вызывает жалость, смешанную с презрением. В таком случае говорящий относится к поступкам жалкого человека с отрицательной оценкой (с презрением и неодобрением).

怜爱如莲, 清雅在心 (Любовь и жалость подобна лотосу, чиста и изящна в сердце) [34]. Лотос в китайской культуре считается как символом благородного качества, гармонии и красоты человека. Прекрасный цветок лотоса всегда привлекает любовь и жалость у людей.

怜爱绵绵, 莲子甜甜 (Бесконечная любовь и жалость, сладкие семена лотоса) [34]. В китайском сознании лотос является символом чистоты и красоты, поэтому его часто используют для описания чистой любви. Кроме того, жалость в значении любви ассоциируется с семенами лотоса, которая отражает сладкую любовь.

3) в отношении к **действию**:

打是惜, 骂是怜 (бьет – значит бережет, ругает – значит жалеет) [34]; 打是亲, 骂是爱 (избиение – знак близости, ругательство – знак любви) [34]. У кого-то выражение любви к кому-либо вызовет ласковые действия по отношению к другому.

4) в отношении к **реальному прототипу**:

爹娘惜儿女, 好比长江水 (Родители любят своих детей как бесконечную воду) [34] означает бесконечную любовь и жалость родителей к детям. Река Янцзы – самая длинная река Китая и мать китайской нации, вскармливающая и кормящая поколения потомков. Поэтому китайцы сравнивают бесконечную любовь родителей к своим детям с водой реки Янцзы.

有钱难买后悔药 (За деньги не купишь лекарство от сожалений) [34]; 世上难买后悔药 (На свете нет лекарства от сожалений) [34]. Образ сожаления в китайском сознании метафорично представляется в виде лекарства. Эти примеры китайцами используются для выражения сожаления при утрате чего-либо. И это предупреждение людям о необходимости беречь то, что у них есть.

5) в отношении к **фигурам в религии**:

泥佛劝土佛—同病相怜 (Глиняный Будда советует Земному Будде – жалость друг к другу по несчастью) [31]. В китайском сознании Будда является воплощением света, обладающим состраданием и силой, который сочувствует страдающим людям мира и протягивает им руку помощи. Глиняный Будда и земной Будда сделаны из схожих материалов, поэтому эта метафора о том, люди, оказавшись в одинаковой ситуации, жалеют друг друга.

菩萨心肠—大慈大悲 (Сердце бодхисаттвы – великое сострадание и милосердие) [31]. В буддийских писаниях Бодхисаттвы являются воплощением милосердия и жалости, спасающего все живые существа. Это метафора о том, у человека сострадательное и доброе сердце.

杀人和尚念佛经—假慈悲 (Монах-убийца читает буддийские писания – притворное сострадание) [31]. Монахи играют важную роль в буддизме. Они являются распространителями буддизма и образцами высоких моральных качеств и добрых поступков. Поэтому хороший монах не причинит вреда другим. Монах-убийца, распевая буддийские писания, чтобы спасти души умерших, проявляет притворную жалость.

В китайских поговорках существуют образные и известные **китайские прецедентные имени**, которые исходят из классической китайской литературы. Некоторые из китайских прецедентных имен тесно связаны с трагической и жалкой судьбой персонажей.

贾宝玉爱林黛玉—好梦难圆 (Цзя Баоюй любит Линь Дайюй – Хорошие мечты трудно сбываются) [31]. Цзя Баоюй и Линь Дайюй – герои романа «红楼梦» («Сон в красном тереме»). Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Но, к сожалению, по этике феодального общества они не могли пожениться вместе и их любовь обернулась трагедией. Линь Дайюй является трагической ролью и типичным женским образом в китайском романе. После смерти Линь Дайюй Цзя Баоюй почувствовал огромную печаль и мучительно провел остаток своей жизни.

祥林嫂 (Невестка Сянлинь) [34] означает жалкую женщину в феодальном обществе Китая. Невестка Сянлинь представляет собой типичный образ работницы старого Китая в повести «祝福» («Моление о счастье») Лу Синя. Она прожила

трагическую жизнь и умерла от феодальной этики и угнетения. И смерть *Невестки Сянлинь* вызвала жалость у людей.

В результате анализа китайских паремий мы выяснили, что метафоры, использованные в них, связаны со сферами: *органы чувства восприятия, животный и растительный мир, действия, реальные прототипы, фигуры в религии и китайские прецедентные имени*.

Заключение. На основе анализа паремиологических единиц русского и китайского языков, выражающих эмоциональный концепт *жалость*, результаты исследования позволяют сделать следующие выводы.

1) В наиболее частотных своих употреблениях *жалость* коррелирует с *сочувствием, состраданием, любовью, печалью, болью, человечностью, духовностью, презрением*, позволяющим реконструировать по модели каузальной импликации основные ситуации жалости и дать положительную и отрицательную оценки в русском и китайском языковом сознании: *жалость – сострадание, жалость – печаль, жалость – любовь, жалость – презрение*, и т.д.

2) Субъекты жалости, как друзья, родители, супруги, играют разные роли в обществе. Наряду с тем в русских паремиях встречаются такие субъекты, которые связаны с *Богом, царем, государем, Христом*, а в китайской паремиологии чаще появляются субъекты, как *небо, Будда, монахи, бодхисатва*.

3) Эмоциональный концепт *жалость* в метафорической проекции посредством русских паремий определяется в отношении к *физическому состоянию, физиологическим симптомам, силе, реальным прототипам*, а в китайских паремиях тесно связан с такими сферами, как *органы чувства восприятия, животный и растительный мир, действия, реальные прототипы, фигуры в религии и китайские прецедентные имени*. Из-за религиозных убеждений, географических и культурных различий между русским и китайским народами, эмоциональный концепт *жалость* концептуализируется через разные метафорические проекции и отображается в русской и китайской паремиологии.

Таким образом, посредством богатых паремий русского и китайского языков показываются образные характеристики концептуализируемого предмета или явления, и выявляются сходства и различия в русском и китайском языковом сознании культуры русского и китайского народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – Т. II. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Бирюкова Е.В. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания / Е.В. Бирюкова, Л.Г. Попова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11 (53). – С. 40–43.
3. Бочкарев А.Е. О жалости и смежных понятиях в русском языковом сознании / А.Е. Бочкарев // SLAVICA SLOVACA. – 2017. – № 52 (2). – С. 110–121.
4. Вахрушева М.А. Эмоциональная коммуникация на русском языке / М.А. Вахрушева, С.В. Ионова. – М., 2021. – 200 с.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 411 с.
6. Заманова И.В. Проблемы семантизации лексики психического состояния в толковых атезаурусах русского языка / И.В. Заманова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2024. – № 2. – С. 446–466.
7. Зимбули А.Е. Жалость: нравственно-ценностные ракурсы / А.Е. Зимбули // Гуманитарный вектор. – 2017. – № 1. – С. 51–61.
8. Ионова С.В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты исследования / С.В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 163–168.
9. Ионова С.В. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежицкой /

С.В. Ионова, В.И. Шаховский // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 4. – С. 966–987.

10. Ионова С.В. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации метаязыка описания / С.В. Ионова, А.А. Штеба // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 2 (40). – С. 63–81.

11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

12. Карасик В.И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Е.Е. Слышкин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – С. 13–15.

13. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Красавский. – Волгоград, 2001. – 36 с.

14. Мельников В.С. Синонимы-репрезентанты концепта «жалость» в лексикографическом аспекте / В.С. Мельникова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2010. – № 2. – С. 59–62.

15. Осадчая О.Н. Лингвокультурный концепт «милосердие» в английских и русских поговорках (на материале пьес XIX–XX веков): дисс. канд. филол. наук / О.Н. Осадчая. – Москва, 2021. – 215 с.

16. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово, 2004. – 385 с.

17. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М. : Аспект-Пресс, 2010. – 536 с.

18. Сорокин К.А. Жалость как эстетическая форма проявления любви / К.А. Сорокин // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2023. – № 1. – С. 356–362.

19. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 284 с.

20. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2008. – 341 с.

21. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка учебное пособие для студентов филологических факультетов / Н.М. Шанский. – изд. 6-е. – М. : URSS, ЛИБРОКОМ, 2012. – 265 с.

22. Wierzbicka A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals / A. Wierzbicka. – Cambridge University Press, 1999. – 349 p.

23. 刘叔新. 汉语描写词汇学. 北京: 商务印书馆, 2005. 415页.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. Баранова З.И. Большой русско-китайский словарь. Около 120 000 слов и словосочетаний / З.И. Баранова, А.В. Котов. – 6-е изд. стер. – М. : Русский язык, 2008. – 568 с.

25. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М. : Русский язык – Медиа, 2009. – 814 с.

26. Словарь афоризмов русских писателей: справ. изд. / Под ред. А.Н. Тихонов. – М. : Русский язык – Медиа, 2005. – 627 с.

27. Словарь русского языка / под гл. ред. А.П. Евгеньева. – Т. 1. – М. : Русский язык, 1985. – 702 с.

28. Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Астрель: АСТ, 2003. – 680 с.

29. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 4. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 1364 с.

30. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский. – М. : Прозерпина, 1994. – 400 с.

31. 陈君慧. 歇后语大全. 黑龙江: 北方文艺出版社, 2016. 608 页.

32. 商务印书馆辞书研究中心. 古代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2014. 1990页.

33. 商务印书馆辞书研究中心. 古汉语常用字字典. 北京: 商务印书馆, 2016. 598页.

34. 万森. 歇后语谚语俗语惯用语词典. 北京: 知识出版社, 2009. 1208页.

35. 中国社会科学院语言研究所. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2016. 1800页.

36. 中国社会科学院语言研究所. 新华词典. 北京: 商务印书馆. 2020. 699页.

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. (1995). Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of language and system lexicography]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian).

2. Biryukova E.V., Popova L.G. (2015). O tendentsiyakh razvitiya sovremennogo sravnitel'no-istoricheskogo, tipologicheskogo, sopostavitel'nogo yazykoznaniya [On trends in the development of modern comparative-historical, typological, comparative linguistics]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 11 (53), 40–43. (In Russian).

3. Bochkarev A.E. (2017). O zhalosti i smezhnykh ponyatiyakh v russkom yazykovom soznanii [About pity and related concepts in Russian linguistic consciousness]. SLAVICA SLOVACA, 52 (2), 110–121. (In Russian).
4. Vakhrusheva M.A., Ionova S.V. (2021). Emotsional'naya kommunikatsiya na russkom yazyke [Emotional communication in Russian]. Moscow. (In Russian).
5. Wierzbicka A. (1997). Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari. (In Russian).
6. Zamanova I.V. (2024). Problemy semantizatsii leksiki psikhicheskogo sostoyaniya v tolkovykh atezaurusakh russkogo yazyka [Problems of Semantization of Mental State Lexicon in Explanatory Thesauri of the Russian Language]. Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura, 2, 446–466. (In Russian).
7. Zimbuli A.E. (2017). Zhalost': нравственно-tsennostnye rakursy [Pity: moral and value perspectives]. Gumanitarnyy vector, 1, 51–61. (In Russian).
8. Ionova S.V. (2012). Tekstovoe prostranstvo SMI: teoreticheskie i emiricheskie aspekty issledovaniya [Text space of the media: theoretical and empirical aspects of the study]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie, 1 (15), 163–168. (In Russian).
9. Ionova S.V., Shakhovskiy V.I. (2018). Prospektiya lingvokul'turologicheskoy teorii emotsiy Anny Vezhbitskoy [Prospection of the linguacultural theory of emotions by Anna Wierzbicka]. Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika, 4, 966–987. (In Russian).
10. Ionova S.V., Shteba A.A. (2019). Smeshannyye emotsii: k voprosu o lingvisticheskoy reprezentatsii metazyakeopisaniya [Mixed emotions: on the issue of linguistic representation and metalanguage of description]. Voprosy psikholingvistiki, 2 (40), 63–81. (In Russian).
11. Karasik V.I. (2004). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
12. Karasik V.I., Slyshkin E.E. (2007). Bazovye kharakteristiki lingvokul'turnykh kontseptov [Basic characteristics of linguocultural concepts]. Antologiya kontseptov (pp. 13–15). Moscow: Enozis. (In Russian).
13. Krasavskiy N.A. (2001). Dinamika emotsional'nykh kontseptov v nemetskoy i russkoy lingvokul'turakh [Dynamics of emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Volgograd. (In Russian).
14. Mel'nikov V.S. Sinonimy-representanty kontsepta "zhalost'" v leksikograficheskom aspekte [Synonyms-representatives of the concept "pity" in the lexicographic aspect]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya, 2, 59–62. (In Russian).
15. Osadchaya O.N. (2021). Lingvokul'turnyy kontsept «miloserdie» v angliyskikh i russkikh paremiyakh (na materiale p'es XIX-XX vekov) [The linguocultural concept of “mercy” in English and Russian proverbs (based on plays of the 19th-20th centuries)]. Moscow. (In Russian).
16. Pimenova M.V. (2004). Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii [Soul and spirit: features of conceptualization]. Kemerovo. (In Russian).
17. Reformatskiy A.A. (2010). Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to linguistics]. Moscow: Aspekt-Press. (In Russian).
18. Sorokin K.A. (2023). Zhalost' kaak esteticheskaya forma proyavleniya lyubvi [Pity as an aesthetic form of love]. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke, 1, 356–362. (In Russian).
19. Teliya V.N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguacultural aspects]. Moscow. (In Russian).
20. Ter-Minasova S.G. (2008). Voyna i mir yazykov i kul'tur [War and peace of languages and cultures]. Moscow: Slovo. (In Russian).
21. Shanskiy N.M. (2012). Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov [Phraseology of the modern Russian language a textbook for students of philological faculties]. Moscow: URSS, LIBROKOM. (In Russian).
22. Wierzbicka A. (1999). Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. Cambridge University Press (In English).
23. Lyu Shusin'. (2005). Kitayskaya opisatel'naya leksikologiya [Chinese descriptive lexicology]. Pekin: Kommercheskaya pressa. (In Chinese).

Поступила в редакцию 15.06.2025 г.

FIGURATIVE INTERPRETATION OF EMOTIONAL CONCEPT OF PITY
IN RUSSIAN AND CHINESE PAROEMIOLOGY

Cao Li

The emotional concept of pity has many figurative expressions in Russian and Chinese paroemiology. This article emphasizes the relevance of studying the emotional concept of pity and considers the representation of its figurative understanding through Russian and Chinese paroemias. To achieve the research objective, the emotional concept of pity, the classification of types of figurative metaphorical projections, linguocultural specifics of means of its expression in various emotional situations by the Russian and Chinese peoples have been analysed. The main results of the study show the features of the image in the paroemiological depiction of pity in the compared linguocultures, and axiological norms of the two peoples. The practical value of the study lies in the possibility of using the research results for further teaching intercultural communication and understanding the similarities and differences in the emotive cognitive models of the Russian and Chinese peoples.

Keywords: concept, emotional concept, pity, image, axiology, metaphor, paroemia, paroemiology.

Цао Ли.

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация.
Аспирант.
ORCID 0009-0008-7040-3370.
E-mail: 17744652380@163.com.

Cao Li.

Pushkin State Institute of the Russian Language,
Moscow, Russian Federation.
Post-graduate student.
ORCID: 0009-0008-7040-3370.
E-mail: 17744652380@163.com.

Научная статья

УДК 81'37, 81'373.45

DOI: 10.5281/zenodo.16257001

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ АППРОКСИМАТОРА *ОКОЛО*

© 2025 *Вэньчжэ Чжан*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0009-0009-2553-0458

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Слово *около* прошло ряд лексико-грамматических и лексико-семантических изменений, расширявших и уточнявших его значения и сферу употребления. Первоначально это слово имело узко направленное значение, связанное с пространственной близостью, но с течением времени его семантика обогатилась, включая как пространственные, так и временные, количественные значения и значение приблизительности. На его семантическое развитие и изменения повлияло множество факторов, таких как тенденции в самом языке, изменения в социальной среде и менталитете носителей языка, а также влияние латинского и немецкого языков. В данной статье будут рассмотрены основные этапы изменения в значении и употреблении слова *около* и современные когнитивные механизмы его понимания и восприятия в качестве аппроксиматора.

Ключевые слова: около, семантика, аппроксимация, аппроксиматор.

Для цитирования: Чжан В. Семантические изменения и когнитивные механизмы аппроксиматора *около* / В. Чжан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 110–118. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16257001>.

Введение. Исследование семантической эволюции предлога *около* представляет значительный интерес для понимания механизмов развития полисемии в русском языке. Данное слово, изначально обладавшее узким пространственным значением, постепенно расширило свою функциональность, охватив временные, количественные и даже качественные аспекты приблизительности. Целью работы является реконструкция этапов семантических изменений слова *около* с древнерусского периода до современности, а также выявление факторов, обусловивших его переход от конкретно-пространственных значений к абстрактным. Особое внимание уделяется роли метафоры, метонимии и языковых контактов (в частности, влиянию латинского и немецкого языков) в формировании новых значений. Исследование опирается на данные исторических корпусов, этимологические словари и теоретические положения когнитивной лингвистики, что позволяет проследить взаимосвязь между структурными, семантическими и культурными аспектами эволюции слова.

Материалы и методы исследования. Основу исследования составили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), включая панхронический подкорпус, объединяющий древнерусские и современные тексты, а также материалы исторических словарей («Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.»). Для этимологического анализа привлекались словарные материалы М. Фасмера и И.И. Срезневского. Примеры из летописных источников (например, Новгородской первой летописи, «Повести о Куликовской битве») и биографические сведения о знании

иностранных языков (А. Лызлов, О.И. Сенковский и др.) позволили проследить ранние этапы семантических сдвигов. Методология включала: сопоставительный анализ контекстов употребления *около* в разные исторические периоды для выявления первичных и вторичных значений; когнитивно-дискурсивный подход к изучению метафорических переносов (например, пространство → время) в рамках теории Н.Н. Болдырева о вторичной репрезентации; корпусная лингвистика: количественная оценка частотности употребления конструкций (например, *около того времени*) и их стилистической динамики; сопоставительный метод для выявления калькирования с латинского (*circa*) и немецкого (*um diese Zeit*) языков. Отдельное внимание уделялось переходным контекстам, где значение слова *около* колеблется между пространственной близостью и абстрактной аппроксимацией, а также случаям метонимического использования в новейших качественных значениях.

Основная часть.

1. Первоначальное пространственное значение ‘вокруг, *circa*’.

Изучение семантических изменений в слове *около* должно проводиться поэтапно. Первый этап – первоначальный этимологический этап: необходимо проследить исходное лексическое значение и грамматическую функцию слова *около* в древнерусском языке, непосредственно сразу после его образования. По своему происхождению оно представляет собой застывшую предложно-падежную конструкцию «о + Вин. п.» *о коло*, ставшую наречием. Это употребление не сохранилось до нашего времени, потому что стали преобладать конструкции с зависимой формой Род. падежа наименования места (локума).

Специфика древнерусского наречия *около* состоит в том, что оно, будучи ориентиром, ставит объекты вне локума, причем таким образом, чтобы сам локум оказался включенным в пространство, образуемое объектами. «Материалы...» И.И. Срезневского показывают древнейшие значения ‘вокруг, со всех сторон, кругом’ [8].

Ср. пример из панхронического подкорпуса НКРЯ:

...въ то (ж) лѣ(т)ѣ архієп(с)пѣ нифонтѣ поби стѣую софію (церковь Святой Софии – В.Чж.) свинѣмь всю прамь извистию маза всю *около*... [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список (вторая половина XI в. – 1352)].

Исходное значение связано с образом круга, как в слове *кол-ес-о*. Пространственные отношения между локумом и объектами связаны не с вертикальным или горизонтальным направлением, а с целостностью охвата локума. Со временем это значение стало специализированным, и потребовалось «обновление внутренней формы» (А.А. Потебня) с помощью слова, производного от *круг, вокруг*. Последующие лексические изменения и употребления слова *около* также основаны на его исходном этимологическом значении.

2. Пространственное значение близости.

Слово *около* не могло выполнять функцию обозначения целого охвата локума, если объекты находились слишком далеко от него, поэтому оно стало обозначать пространственную близость, указывая на то, что объект находится рядом с локумом, напр., *около дома, около дерева*. Значение здесь указывает на пространственное расположение одного предмета по отношению к другому уже так, что более актуальным становится дискретное расстояние, нежели континуальное пространство, связанное с локумом. Иными словами, слово *около* первоначально могло обозначать не просто пространственную близость, а именно ситуацию, когда объект оказывается в пределах некоего охватывающего круга, замкнутого, но не обязательно строго ограниченного. Таким образом, *около* сохранило свою связь с концептом окружности, где важен не сам центр, а именно радиус, который позволяет охватывать объекты в его пределах. В этом смысле слово *около* не просто имело значение ‘поблизости’, но указывало на пределы

некоторой области, допускающей вариативность. Это привело к следующей ситуации: когда мы говорим *Машина стоит около дома*, то не уточняем, с какой именно стороны дома, то есть положение наблюдателя безразлично. Таким образом закладываются предпосылки для будущего развития семантики аппроксимации (приблизительности).

Первое производное лексическое значение развилось из исходного лексического значения *около* ‘вокруг’ – пространственное значение близости местонахождения объекта от какого-либо места. Это довольно раннее изменение, новое значение восходит к древнерусскому языку и встречается в письменных источниках с конца XI века, где оно использовалось для точного указания местоположения объекта, но без указания на относительное расположение наблюдателя.

В качестве переходного можно расценивать такой контекст:

А елико одесную и ошую его дружину его биша, самого же вокруг оступиша около аки вода многа обаполы! [Летописная повесть о Куликовской битве (1380–1400)] Здесь действуют еще многие объекты, но значение цельного окружения выражено особым наречием *вокруг*, а наречие *около* уже показывает только близость, что выражено сравнением с водой.

Князь же Володимеръ Андреевич стояше оплчився близъ Волока, събравъ силу около себе. [Повесть о нашествии Тохтамыша (1382–1400)] В этом контексте слово *около* становится предлогом, управляя возвратным местоимением в форме Род. падежа, и начинает приобретать значение более точного окружения, близости, но, в отличие от *вокруг*, оно уже не указывает на полное охватывающее пространство. Здесь *около* показывает собранную силу подле князя, но не обязательно в строгом физическом (геометрическом) смысле замкнутой окружности ‘вокруг’. Это также может означать, что сила находится в непосредственной близости, и форма окружения может быть более условной, гибкой, чем в случае с *вокруг*.

Таким образом, по этим примерам видно, как слово *около* постепенно теряет свою первоначальную привязку к строгой геометрической окружности и начинает выражать более абстрактные и гибкие формы близости, границы которой уже не так чётко определены. В этот момент, в отличие от первоначального значения ‘вокруг’, в центре семантики слова *около* строится пространственное значение близости.

3. Расширение значения на временные отношения – темпоральная аппроксимация.

Аналогично пространственному значению, существует множество ориентаций, которые выражают временную шкалу, точки и отрезки времени в соответствии с различными направлениями пространственной метафоры, которую переживает в том числе и слово *около*. Значение ‘около’ начало расширяться и стало использоваться для обозначения темпоральной аппроксимации. По НКРЯ, впервые слово *около*, содержащее значение временной приблизительности, обнаруживается в 1692 году: *Быше сие от Сотворения Света, яко древние историки описуют, около лета 2825-го [2722 г. до н. э.]*. [А. Лызлов. Скифская история (1692)].

Андрей Иванович Лызлов хорошо знал латинский и польский языки и, скорее всего, произвел семантическую кальку с латинского *circa*. Но несмотря на то что стимул для дальнейшего семантического развития русского слова мог быть и внешним, новое значение встраивается в логическую последовательность расширения полисемии русского слова.

К сожалению, в Словаре русского языка XI–XVII веков для слова *около* как предлога даются только пространственные значения ‘вокруг, со всех сторон, кругом’, ‘перед, у’, а также метафорический перенос в сферу социальной иерархии ‘под начальством’ [3] Новые значения аппроксимации отражены только в «Словаре русского языка XVIII в.»: «...предлог с род. п. Употр. при определении примерной, приблизительной величины, протяженности,

длительности чего-л.» [7]. Это побочный эффект того факта, что именно с конца XVII века у слова *около* появились новые семантические особенности, причем раньше значение аппроксимации стало развиваться в сфере времени и только потом – пространственной протяженности, затем – величины вообще.

Это лексико-семантическое изменение произошло благодаря метафорическому переносу: пространственная приблизительность стала ассоциироваться с временной аппроксимацией. Например, *около полуночи, около весны* – здесь *около* указывает на то, что событие происходит поблизости какого-то времени, но не точно в указанный момент. Это значение закрепилось в языке и стало одним из основных, позволяя использовать слово *около* для описания приблизительных временных рамок. Расширение значения на временные отношения стало возможным благодаря способности человеческого разума переносить конкретные пространственные категории на абстрактные временные концепты.

С точки зрения когнитивной лингвистики, такая метафора считается разновидностью вторичной репрезентации. По Н.Н. Болдыреву, «...вторичная репрезентация (вторичная концептуализация и категоризация) предполагает вторичное осмысление знаков в процессах классифицирующей и оценочной интерпретации и реинтерпретации вербализованных знаний о мире. Это обеспечивает уникальную способность языка порождать своими средствами бесконечное множество смыслов и при этом создавать новые формы репрезентации этих смыслов в том же языке» [1, с. 27]. Пространственные концепты (например, «близость», «направление», «расстояние») служат метафорами для понимания временных отношений, потому что пространство – это то, что мы можем осязать, наблюдать, и то место, в котором мы можем перемещаться, в то время как время представляет собой более абстрактное явление. Лексическое значение слова *около* переходит от пространственного значения к абстрактному временному. Эта метафора построена именно на онтологической связи основных концептов бытия ПРОСТРАНСТВА и ВРЕМЕНИ. Модели, связанные с пространственным восприятием, оказываются полезными при описании более сложных временных концептов, таких как неопределённость, приближенность или отдалённость события от какого-то ориентировочного момента.

В таком случае приблизительное значение обычно осуществляется с помощью аппроксиматора *около* + Род. п. числительного + Род. п. существительного, как *около 12-ти часов, около трехсот дней* и так далее. Устойчивое сочетание с указательным местоимением *около того времени* постепенно становится прототипическим темпоральным аппроксиматором. Это выражение требует особого обсуждения, поэтому рассмотрим его ниже.

4. Приблизительное значение – аппроксиматор.

а. Приблизительное количественное значение – прототипический квантитативный аппроксиматор.

В современном языке *около* приобрело также значение количественной неопределённости и приблизительности, что позволяет выражать не точное, а приблизительное количество или размер. Например, *около тысячи человек* – здесь слово *около* служит для обозначения приблизительного значения, указывая на то, что точное количество может слегка отклоняться. Это значение возникло как обобщение пространственной и временной неточности, распространившись на сферу количественных выражений, и слово *около* перешло в период развития своей семантики в показатель пространственной близости и квантитативной аппроксимации, выражающей также и количественную приблизительность. В первом употреблении квантитативный аппроксиматор выражается через указательное местоимение:

Такимъ образомъ занимаетъ сія губернія мѣста, щитая между Днепромъ и Бугомъ, и не щитая трехъ Заднепровскихъ уѣздовъ, въ длину и въ ширину на три ста верстъ, или **около того**, а съ Заднепровскими уѣздами въ длину больше 400 верстъ, окружностіюжъ больше 1470 верстъ [В.Ф. Зуев. Путешественныя записки Василья Зуева отъ С. Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году (1787)].

К нашему времени квантитативный аппроксиматор *около* стал настолько употребительным, что его уверенно можно назвать прототипическим.

Напр.: Игорь получает стипендию – 5000 рублей в месяц и имеет доход каждую неделю **около 1500 рублей** – он работает сторожем в автосалоне [С.С. Тихомирова. Кейс-метод как современный инструмент эффективности коррекционно-развивающего занятия (2021)].

Обычно квантитативный аппроксиматор *около* обозначает ‘несколько больше или меньше названного количества’, однако есть примеры, которые показывают тенденцию субъективной оценки приблизительности только ‘несколько меньше названного количества’, поскольку выражается ситуация восприятия количества как выше ожидаемой нормы:

Обрадовавшись и в то-же время ругнув своих «коллег» за то что они несмотря на неоднократные указания «забиваются куда-то в заросли, в то время как в долине покрытой роскошной травой, вообще кроме устьевой части, чистое свободное пространство, я направился к спасительному дымку, до которого **оставалось еще около километра** [Б.И. Вронский. Дневник (1935)].

В глубине экрана показались туманные острые зубцы, они стали резче, но, приближаясь и становясь отчетливее, терялись своим основанием в сине-черной темноте заднего плана. **Предел освещения**, – пояснил Ганешин, – **около километра**. Высокие зубцы подводной каменистой гряды смотрели мрачно, едва выделяясь среди вечной тьмы подводного мира [И.А. Ефремов. Атолл Факаофо (1944)].

На восток **почти** полный отвес **около километра** [Ю. Борисихин. Отвага // «Уральский следопыт», 1982].

От остановки до кладбища надо было **еще** идти **около километра** [М.Б. Бару. Кольчуга из щучьей чешуи // «Волга», 2010].

Но зато можно с помощью мобильного проанализировать местонахождение объекта в радиусе **около километра** [Екатерина Шерга. Колобки невидимого фронта // «Русский репортер», № 34 (212), 1 сентября 2011].

б. Метафорическое использование в переносном значении в новейшее время – квалитативный аппроксиматор.

В последнее время, кроме количественной аппроксимации, слово *около* может быть использовано и для обозначения качественной приблизительности, когда точные критерии или параметры качества не важны, а требуется лишь указать на приближенное соответствие к определенному качеству. В этом контексте *около* становится квалитативным аппроксиматором. Например, разговорное выражение *около хорошего* может означать, что нечто является в целом хорошим, но не достигает какого-то строго определенного уровня качества. Это позволяет использовать слово для передачи нечеткости или гибкости в оценке, когда важно лишь приблизительное восприятие, а не жесткая точность. Таким образом, в ряде случаев *около* стало использоваться метафорически для обозначения ситуаций, в которых событие, действие или характеристика находятся на границе или близки к чему-либо в переносном смысле. К примеру, *около успеха*, *около провала*, *около истины*, *около власти*, *около любви* и т.д. См. Ребенок потерял 12 айфон **около успеха** или в нем. Нашедшему вознаграждение [5].

Такие выражения означают, что субъект находится на грани определённого состояния, не достигнув его полностью. Мы видим, как развивается количественное значение 'несколько меньше названного количества'. По признакам семантики слова *около* в этом случае, обнаруживаем, что оно указывает на неизвестную или неточную степень, приблизительную ситуацию. Значение существительного, оформляемого в таком сочетании родительным падежом, как бы раскладывается на свои составляющие: отвлеченную понятийную компоненту словарного значения и конкретный речевой образ, возникающий в контексте за счёт пространственной метафоры. Совмещенность понятия и образа порождает символ (образное понятие) [3, с. 143]. Говорящие, таким образом, актуализируют символическую значимость слова. Это переносное значение слова *около* стало встречаться в речи со вторичной репрезентацией и связано с восприятием приблизительности в абстрактном состоянии или качестве, как в пространстве. Следовательно, нужно отметить, что *около* охватывает уже также и характеристики качественной аппроксимации.

Общая тенденция не способствует развитию исключительно темпоральной аппроксимации, поэтому мы находим не только появление и последовательное повышение употребительности новых аппроксимативных выражений, но и понижение употребительности и устаревание, уход в прошлое некоторых из них.

Дадим краткий обзор такого выражения: *около того времени*, которое образовалось на основе лексического аппроксиматора *около* и представляет собой темпоральный синтаксический аппроксиматор.

Приведем пример: *Около того времени жили Печенеги между Дономъ и Яикомъ* [И.К. Таубергъ. Краткое описание всѣхъ случаевъ касающихся до Азова ... [перевод книги Готлиба Байера с немецкого] (1738)].

Это первое употребление данного темпорального аппроксиматора из 109-ти, отмеченных в НКРЯ. Поскольку это выражение впервые отмечается в переводе с немецкого, есть основания считать его синтаксической калькой с немецкого. Это выражение употребляли В.Я. Шишков, О.И. Сенковский, Н.И. Греч, Ф.П. Врангель, Г. Кёниг, А.И. Герцен. Как видим, до середины XIX в. среди них было несколько русских немцев, которые способствовали распространению этого оборота, а также авторы, хорошо владевшие немецким языком.

Вот пример:

По расчету часовъ, вылазка сія происходила около того времени, когда бы мы, ѣхавъ по той дорогѣ, объѣзжали сію крѣпость, и слѣдовательно ежелибъ и ничего не случилось, такъ по крайней мѣрѣ не обошлось бы безъ страха и тревоги, а можетъ статься было бы что нибудь и хуже [А.С. Шишков. Записки (1780–1814)]. Как военный и государственный деятель, адмирал, Шишков бывал в Германии, свободно читал по-немецки [9] и переводил с этого языка [2]. Поэтому мы можем с большой долей уверенности сказать, что на его развитую лингвистическую компетенцию большое влияние оказал немецкий язык.

Около того времени небо несколько просветлело, и узкий край солнца мелькнул из-за обращенного к западу края кометы [О.И. Сенковский. Ученое путешествие на Медвежий Остров (1833)]. О.И. Сенковский также хорошо знал немецкий язык.

Итак, согласно имеющимся в НКРЯ данным, на ранних этапах выражение *около того времени* в основном использовалось носителями немецкого языка и хорошо знающими немецкий язык русскими писателями. Это доказывает, что такое выражение развивалось под сильным влиянием носителей немецкого языка.

В немецком языке мы находим более раннее и более популярное выражение как эквивалент русского *около того времени*. Немецкое выражение *um diese Zeit* (*около того времени*) появилось намного раньше русского, уже в 1516 году и, согласно немецкому корпусу Korpusbelege Historische Korpora [10], было широко распространено в XVII–XVIII веках.

Напр.: *Gefüllt ist ja um diese Zeit der Ort* [Ariosto, Ludovico: Der rasende Roland. In: Sämtliche poetischen Werke, Berlin 1922, Band 2 Erstpublikation 1516].

Известно, что большая волна заимствований в русском языке пришлась на период начала XVIII века в связи с демократизацией и секуляризацией языка и письменности, что связывается, в первую очередь, с деятельностью и реформами Петра Первого. С XVIII века делается много переводов, причем по интенсивности перевода в эту эпоху на втором месте оказывается немецкий язык и лишь на третьем – французский, а в 30-е годы немецкий язык и вовсе выходит на первое место, сместив латынь. Таким образом, воспользовавшись совместными вышеупомянутыми данными немецкого и русского корпусов, показывающих употребление выражений *около того времени* и *um diese Zeit*, мы пришли к выводу, что *около того времени* является фразеологической калькой немецкого выражения *um diese Zeit*. Калькирование происходило только на синтаксическом уровне: все слова конструкции переведены довольно точно, однако первообразный предлог *um* переведен русским произвольным, как показано выше, предлогом *о-коло*, а немецкое указательное местоимение *diese* переведено прежде всего не обычным русским соответствием **этот* или *сей*, а подходящим для данной ситуации нейтральным указателем *тот*. Словообразовательного и даже отчасти полного семантического калькирования здесь не происходит.

Вследствие того, под влиянием углубления отношений между Россией и Германией, культурного взаимопроникновения двух стран, это выражение стало модным в то время и с середины 19-го в. этот оборот значительно распространился. Его употребляли Н.Г. Чернышевский, А.Ф. Писемский. М.Е. С.-Щедрин, К.Н. Леонтьев, Н.С. Лесков, А.И. Эртель, Ф.И. Буслаев, В.О. Ключевский, Н.С. Гумилев, В.Я. Брюсов, В.В. Розанов и другие известные русские писатели.

Рассматриваемая калька с немецкого имела и свой вариант, представляющий собой более точную передачу соответствующего немецкого выражения: *около сего времени*. По данным НКРЯ, оно фиксируется всего 39 раз с 1764 по 1841 гг. Первым был М.В. Ломоносов, владевший немецким так хорошо, что писал на этом языке свои труды, и женатый на немке. Очень любил этот вариант темпорального аппроксиматора Н.И. Карамзин. Его он использовал в своей «Истории государства Российского» с 1-го по 6-й том 4 раза. Последними, кто еще употреблял этот вариант, были путешественники Ф.Ф. Беллинсгаузен и Ф.П. Врангель. Как видим, данный второй вариант появился позже основного варианта, исчез раньше него и употреблялся в 3 раза реже. Скорее всего, они распределялись в зависимости от стилистических задач и предпочтений авторов.

К нашему времени этот оборот почти совсем вышел из употребления в двух рассмотренных вариантах. Так, с 1955 года по настоящее время в НКРЯ фиксируется только 4 употребления – у Чивилихина и др.

Есть еще один, причем самый распространенный вариант этого оборота – *около этого времени*. По данным НКРЯ, он употребляется 270 раз, впервые появился у А.С. Грибоедова в 1825 г., но к концу XX века он также выходит из употребления. С 1968 по 1995 год не встречается вовсе, а с 1995 по 2004 год употребляется всего 10 раз (возможно, как новейшая калька с английского *around this time*), но всего у семи авторов. После 2004 года не встречается.

Таким образом, в настоящее время это выражение практически исчезает из поля зрения общественности, оно как бы вышло из речевой практики, из обычной моды. Это требует особого исследования. Причиной устаревания устойчивого выражения *около того (этого) времени*, вероятно, стал общий отход от подражания немецкому, а потом английскому языку и забота о сохранении культуры русского языка, основанной еще на первых кирилло-мефодиевских переводах богослужебного Евангелия, отсюда *во время оно*, затем *в то время*, *в это время*, *тогда* и другие русские слова и выражения с тем же значением, вполне заменяющие калькированные выражения с предлогом *около*.

Эволюция значения слова *около* демонстрирует, как из узкой пространственной неекторной семантической категории оно превратилось в универсальный показатель приблизительности, т.е. в средство выражения семантической категории аппроксимации. Это слово расширило свою семантику, охватив временные, количественные и даже переносные качественные значения, став удобным инструментом для выражения приблизительности в русском языке. Имея долгую и сложную историю, наречие, а потом предлог *около* стал прототипическим квантитативным аппроксиматором. Будучи, по всей вероятности, семантической калькой с латинского и усиливая темпоральную аппроксимацию, этот предлог входит во фразеологическую кальку с немецкого *около того (сего, этого) времени*. Она практически выходит из общего употребления.

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что семантика слова *около* прошла сложный путь от конкретно-пространственного значения ‘вокруг’ до универсального маркера приблизительности. Изначальная связь с образом круга (*коло*) обусловила его способность выражать не только физическую близость, но и абстрактные понятия времени, количества и качества. Расширение значений стало возможным благодаря: метафорическим переносам (пространство → время → количество → качество); влиянию языковых контактов (калькирование с латинского *circa* и немецкого *um diese Zeit*); когнитивным механизмам вторичной репрезентации, описанным Н.Н. Болдыревым. При этом некоторые заимствованные конструкции (например, *около того (сего, этого) времени*) постепенно утратили актуальность, что отражает общую тенденцию к сокращению фразеологических калек под влиянием внутренних законов языка. Современное употребление *около* как прототипического квантитативного аппроксиматора подтверждает его роль в передаче неопределенности – ключевой черты человеческого восприятия действительности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ аналогичных процессов в других славянских языках

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н.Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XIII. Ментальные основы языка как функционально системы. – М.-Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 18–30.
2. Камне И.Г. Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Кампе.; А с онаго переведена г. *** [А.С. Шишковым] ; Иждивением Имп. Акад. наук. – Санктпетербург, 1783-1785. – 93 с.
3. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте – М.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
4. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 04.06.2025).
5. Ребёнок потерял... // Подслушано в Бутово [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-113716445_948154?ysclid=m35vc7xtn7180878624 (дата обращения: 04.06.2025).
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; ГЛ. ред. С.Г. Бархударов. –Л.: Наука, – Москва., 1975. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения: 04.06.2025).
7. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. — Л.:

Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 04.06.2025).

8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oldrusdict.ru/dict.html> (дата обращения: 04.06.2025).

9. Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова : [В 2-х т.] / А.С. Шишков ; изд. Н. Киселева, Ю. Самарина. – Berlin : B. Behr's Buchhandlung, 1870. – 2 т. – 480 с.

10. Korpusbelege Historische Korpora, электронный корпус. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 04.06.2025).

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. (2012) Strukturirovanie opyta i integrirovaniye smysla v vyskazyvanii [Structuring Experience and Integrating Meaning in Utterance]. Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2012. Vyp. XIII. Mental'nye osnovy yazyka kak funktsional'no sistemy [Cognitive Studies of Language. 2012. Iss. XIII. Mental Foundations of Language as a Functional System]. Moscow-Tambov: TSU Publishing House named after G.R. Derzhavin (in Russian).

2. Campe J.H. (1783–1785) Detskaya biblioteka, izdannaya na nemeckom yazyke g. Kampe.; A s onago perevedena g. *** [A.S. Shishkovym] [Children's Library, published in German by Mr. Campe; Translated from it by Mr. *** [A.S. Shishkov]]. Saint Petersburg (in Russian).

3. Kolesov V.V. (2006) Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste [Russian Mentality in Language and Text]. Moscow: Petersburg Oriental Studies (in Russian).

4. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka (NKRYa) [Russian National Corpus (RNC)] (in Russian).

5. Rebyonok poteryal... (in Russian).

6. Barkhudarov S.G. (ed.) (1975) Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries] (in Russian).

7. Sorokin Yu.S. (ed.) (1984–1991). Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century] (in Russian).

8. Sreznevsky I.I. (2013) Materialy dlya slovary drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments] (in Russian).

9. Shishkov A.S. (1870) Zapiski, mneniya i perepiska admirala A.S. Shishkova [Notes, Opinions and Correspondence of Admiral A.S. Shishkov] (in Russian).

10. Korpusbelege Historische Korpora (Corpus Evidence Historical Corpora), electronic corpus (in German).

Поступила в редакцию 10.06.2025 г.

SEMANTIC CHANGES AND COGNITIVE MECHANISMS OF APPROXIMATOR *ОКОЛО*

W. Zhang

The word *около* has undergone a number of lexico-grammatical and lexico-semantic changes that expanded and refined its meanings and sphere of use. Initially this word had a narrowly directed meaning related to spatial proximity, but over time its semantics has enriched, including both spatial and temporal, quantitative meanings, and the meaning of approximation. Its semantic development and changes have been influenced by many factors, such as trends in the language itself, changes in the social environment and mentality of native speakers, and even the influence of foreign languages. This paper discusses the main stages of change in the meaning and usage of the word *около* and modern cognitive mechanisms of its understanding and perception as an approximator.

Key words: about, semantics, approximation, approximator

Чжан Вэньчжэ.

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аспирант кафедры русского языка.

ORCID 0009-0009-2553-0458.

E-mail: zhangwenzhe@yandex.ru.

Zhang Wenzhe.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg,
Russian Federation.

Post-graduate student of the Russian Language
Department.

ORCID 0009-0009-2553-0458.

E-mail: zhangwenzhe@yandex.ru.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.16264544

**КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВСТАВНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»**

© 2025 Чжао Пань

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Санкт-Петербургский государственный университет»*

ORCID: 0009-0002-6448-0229

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются синтаксические и прагматические особенности вставных конструкций в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин». Исследование опирается на теоретические положения конструктивного синтаксиса, системно-функциональной лингвистики (М.А.К. Халлидей) и теории коммуникативных регистров (Г.А. Золотова и др.), а также учитывает концепцию подтекста как скрытого смыслового уровня, формируемого с помощью определённых синтаксических средств. Особое внимание уделяется тому, как вставные конструкции участвуют в организации подтекста – как эмоционального, так и конвенционального – и способствуют раскрытию авторской позиции, ментально-эмоционального плана повествования и индивидуального стиля. На материале систематической выборки из 196 вставных конструкций, функционирующих в трёх регистрах (информативном, реактивном, репродуктивном), проведён структурно-семантический и функциональный анализ. Выявлены закономерности в реализации метафункций языка (идеационной, межличностной, текстовой) и показана роль этих единиц в создании нарративной многослойности и образа автора. Полученные результаты подтверждают значимость вставных конструкций как синтаксического маркера поэтики современного художественного текста.

Ключевые слова: вставные конструкции, коммуникативные регистры, системно-функциональная лингвистика, подтекст, художественный текст, авторский стиль, экспрессивный синтаксис.

Для цитирования: Чжао П. Коммуникативно-функциональный анализ вставных конструкций в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» / П. Чжао // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 119–128. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16264544>.

Введение. При анализе образа автора и скрытых смысловых уровней художественного текста особое значение приобретает исследование синтаксических механизмов, обеспечивающих как структурную, так и прагматическую организацию повествования. Подтекст при этом трактуется в лингвистических и литературоведческих исследованиях как явление, возникающее в результате использования ряда синтаксических средств [12, с. 73]. Среди таких синтаксических элементов, играющих важную роль в формировании индивидуально-авторского стиля, выделяются вставные конструкции. Согласно М.Н. Кулаковскому, именно вставные конструкции, относящиеся к экспрессивному синтаксису, выступают не просто средством дополнительного информирования, но и инструментом переключения между коммуникативными регистрами, что придаёт тексту многоуровневость и особую стилистическую окраску [9, с. 90].

Сопоставление функций вставных конструкций у разных авторов позволяет выявить основные особенности индивидуально-авторского стиля [10, с. 141]. Анализируемые вставные конструкции мы рассматриваем с точки зрения конструктивного синтаксиса и понимаем под ними определенную часть текста,

заключенную в скобки и используемую для передачи «дополнительных сведений, не являющихся необходимыми для понимания информации, изложенной в основном предложении, для передачи мыслей, возникающих у пишущего по ассоциации». Образ главного героя романа складывается как бы из разных «пазлов» [1, с. 192].

Сложная композиция романа Е.Г. Водолазкина «Чагин» во многом построена именно на подобных синтаксических приёмах. Вставные конструкции, словно отдельные «пазлы», позволяют автору сформировать внутренне цельный, хотя и внешне противоречивый образ главного героя. Идея героя романа Исидора о том, что подлинность человека определяется не реальной биографией, а его внутренними устремлениями и мечтами, получает своё полное выражение в финальной сцене, когда Чагин, вопреки реальности, воссоединяется с Верой. Мещерский интерпретирует этот эпизод поэмы Чагина как проявление «мечты наяву», подчёркивая силу внутреннего желания, способного изменять восприятие реальности. Этот же механизм объясняет исчезновение эпизода с предательством Шлимановского кружка из автобиографической поэмы героя. В контексте романа вставные конструкции, фиксируя ассоциативные связи и эмоциональные оттенки переживаний героя, служат для углубления психологизма и передачи ключевых философских идей произведения. Как отмечает автор, способность мечтать и глубина желания становятся движущей силой жизни и творчества: «Просто нужно уметь мечтать. И как следует хотеть» [2, с. 492].

Материалы и методы исследования. Для анализа вставных конструкций в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» была применена комплексная методология, интегрирующая конструктивный синтаксис, теорию коммуникативных регистров (Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова) и системно-функциональный подход М.А.К. Халлидея. В контексте семантической подсистемы языка, как подчёркивает М.А.К. Халлидей, лингвистическая система реализует три метафункции: идеационную (представление и организация опыта), межличностную (выражение субъективности, модальности и оценочности) и текстовую (обеспечение когезии и упорядоченности дискурса) [11, с. 112–113]. В исследование вошла систематическая выборка из 196 вставных конструкций, отобранных на основе частотности и функциональной значимости в повествовании романа. Каждый пример классифицировался по трем коммуникативным регистрам (информативному, реактивному, репродуктивному), затем в рамках каждого регистра была проведена дополнительная аналитическая процедура, направленная на выявление реализации вышеуказанных метафункций.

Методы анализа включали как качественную интерпретацию (семантический и прагматический комментарий вставных конструкций), так и количественный подсчёт, направленный на выявление преобладающих типов конструкций и функциональных паттернов их использования в тексте романа. Использовался также сопоставительный метод, позволивший продемонстрировать различия в реализации метафункций вставных конструкций в разных коммуникативных регистрах и определить их роль в создании образа героя, формировании субъективной перспективы и организации нарративного пространства романа.

Основная часть. Начиная с 1960-х годов Г.А. Золотовой было предложено выделять пять моделей речевой деятельности, получивших название «коммуникативные регистры». Каждый из этих регистров характеризуется специфической точкой зрения говорящего, коммуникативной задачей и набором соответствующих языковых средств, реализуемых в конкретных текстовых фрагментах [1, с. 29]. Дополнительным и продуктивным инструментом анализа таких языковых явлений является системно-функциональная лингвистика (SFL) М.А.К. Халлидея, в рамках которой выделяются три

метафункции языка: идеационная (представление и категоризация опыта), межличностная (выражение субъективности, модальности, оценки) и текстовая (обеспечение связности и организации текста).

В русле подобного комплексного подхода особый интерес представляет творчество Е.Г. Водолазкина – яркого представителя современной русской прозы, известного не только художественными произведениями, но и научными исследованиями по древнерусской литературе. Важной чертой индивидуального стиля писателя является разнообразное и функционально значимое использование вставных конструкций. Эти синтаксические элементы в романе «Чагин» выступают не просто уточнениями или дополнениями основной информации, а ключевыми элементами, формирующими нарративную структуру и влияющими на восприятие текста читателем [2, с. 29–35]. На материале романа «Чагин» нами была проведена системная выборка и функционально-стилистический анализ 196 вставных конструкций. Каждая конструкция была рассмотрена как единица, реализующая коммуникативный регистр (информативный, реактивный или репродуктивный) и одновременно отражающая те или иные языковые метафункции по Халлидею. Подобный подход позволил выявить не только структурное разнообразие вставных элементов, но и их роль в формировании субъективности и оценочности повествования, а также в обеспечении текстовой связности и когезии. Через вставные конструкции автор предоставляет читателю возможность оценить события из прошлого героя в контексте его настоящего [4, с. 26.]. Таким образом, речевыми единицами, выступающими как части целого в композиции текста, служат его фрагменты, блоки, или композитивы – носители определённых коммуникативно-регистровых функций. Комбинациями этих композитивов – типизированными или индивидуально-неповторимыми – говорящий и выстраивает композицию любого текста [5, с. 286]. Именно в этом контексте вставные конструкции могут быть рассмотрены как такие «композитивы», выполняющие специфические коммуникативные задачи в зависимости от регистра. Далее в работе будет рассмотрено, как в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» эти конструкции реализуют различные регистровые функции и соотносятся с основными метафункциями языка согласно системно-функциональному подходу. Далее в нашем исследовании будет подробно рассмотрено, как конкретные вставные конструкции функционируют в каждом коммуникативном регистре, с отдельным акцентом на механизмы реализации трёх указанных метафункций языка.

1. Вставные конструкции в информативном регистре. В информативном регистре говорящий сообщает известное ему или познаваемое. Этот регистр противостоит репродуктивному отсутствием хронотопа, общего для говорящего и события, неактуальностью, дистанцированностью в разной степени от событийной линии, не сенсорным, а ментальным, рефлексивным способом познания [6, с. 284–296]. С позиций системно-функциональной лингвистики (SFL) здесь доминирует идеационная метафункция, направленная на структурирование знания о мире, а также текстовая – обеспечивающая связность и когерентность повествования.

Пример 1: «На левом окне пять луковиц в банках из-под майонеза: 783, 129, 505, 646, 444 (стёкла в сравнении с правым окном кажутся еще более нематыми)» [3].

Данная вставка выполняет функцию визуального и сравнительного дополнения, усиливающего конкретность описания. С точки зрения регистровой классификации, она представляет собой ментальное наблюдение говорящего, выраженное в форме оценки, лишённой эмоциональной экспрессии. В рамках SFL реализуется идеационная функция

(через конкретные числовые данные и визуальный акцент), а также текстовая функция, поддерживающая внутреннюю когерентность описания за счёт пространственного противопоставления. Межличностная функция отсутствует, что подчёркивает объективно-описательный характер вставки.

Пример 2: «Очевидно, он взял себе за правило (Чагин – человек правила) писать ежедневно – пусть даже по две-три строки» [3].

С точки зрения теории коммуникативных регистров, перед нами вставка, ориентированная на когнитивную конкретизацию повествовательной информации: она поясняет, почему описываемое поведение Чагина не является случайным, а связано с его установкой на порядок. В терминах SFL, активна идеационная функция, поскольку вставка раскрывает причинно-мотивационную структуру действия персонажа. Также прослеживается текстовая функция, проявляющаяся в логической сопряжённости определения («человек правила») с описываемым поступком. Межличностная функция минимальна: эмоциональная оценка отсутствует, и интонационно вставка сохраняет нейтральность. Интеграция двух подходов демонстрирует, как вставка усиливает нарративную логичность, одновременно поддерживая тематическую сплочённость текста.

Пример 3: «В поисках Чагина профессор уже намеревался связываться с Иркутском, как вдруг Исидор (звон рюмок, шлепанье капусты на тарелку) пришел к нему сам» [3].

Данная вставка добавляет звуковой фон к происходящему, активизируя сенсорное восприятие читателя. В коммуникативном плане конструкция служит уточнением обстоятельств действия, передавая эпизод как наблюдение, оформленное в нейтральной описательной манере. В рамках SFL, она реализует идеационную функцию (включение конкретных звуковых сигналов в описание ситуации), а также значимую текстовую функцию: через интеграцию фоновых деталей вставка соединяет пространственно-временные элементы, поддерживая ритм повествования и восприятия. Межличностная функция здесь, как и в предыдущих случаях, отсутствует, что подтверждает ориентированность на объективность.

Таким образом, вставные конструкции, функционирующие в информативном регистре романа Е.Г. Водолазкина «Чагин», преимущественно реализуют идеационную метафункцию, обеспечивая когнитивное насыщение повествования, уточнение деталей и ментальную конкретизацию репрезентируемого мира. Их содержание, как правило, носит дескриптивно-аналитический характер и направлено на фиксацию наблюдений, интерпретацию причинно-следственных связей и структурирование нарративного пространства без явного включения эмоциональной оценки.

Одновременно с этим, данные конструкции активно задействуют текстуальную метафункцию, способствуя семантической и структурной связности текста. Через уточнения, противопоставления и тематические комментарии они выступают связующими звеньями между фрагментами дискурса, поддерживая целостность повествования и ритмико-синтаксическую согласованность нарратива. Это делает текст более когерентным и способствует углублённому восприятию логики авторского высказывания.

2. Вставные конструкции в репродуктивном регистре. По словам Г.А. Золотовой, в репродуктивном регистре говорящий из хронотопа происходящего воспроизводит средствами речи сенсорно воспринимаемые действия в их конкретной длительности или последовательной сменяемости, предметы и признаки – в их непосредственной наблюдаемости. Время настоящее, прошедшее или будущее –

характеризуется актуальным значением [6, с. 284–296]. В рамках системно-функциональной лингвистики (SFL) данный регистр преимущественно активирует идеационную метафункцию, отражающую опыт через перцептивные категории. «Вставные конструкции репродуктивного плана создают эффект присутствия рассказчика, а вслед за ним и читателя... Перцептивная модусная рамка позволяет максимально приблизить читателя к картинам прошлого» [7, с. 644].

Пример 1: «Фотографии (за исключением разве что очень хороших, не передают запахов), но одежда, причёска, а главное – взгляд Исидора – такой запах исключали» [3].

Данная вставка восстанавливает пропущенное звено сенсорного восприятия – запах – через ироничное замечание о недостаточности фотографии. В терминах регистровой теории, перед нами типичный случай внутреннего хронотопа: говорящий находится внутри сцены и использует перцептивные каналы для воспроизведения опыта. В рамках SFL вставка реализует идеационную функцию (обонятельное восприятие), межличностную функцию (за счёт иронической оговорки «разве что очень хороших») и частично текстовую функцию – обеспечивая смысловую связку между зрительным и обонятельным измерением восприятия. Можно сказать, что вставка формирует не только чувственную насыщенность сцены, но и подчёркивает субъективное отношение говорящего к недостаткам медиального восприятия.

Пример 2: «В Дневнике подробно описываются школьные годы – вплоть до особенностей парт (стучали при вставании) и надписей, вырезанных перочинным ножом под откидывающимися крышками» [3].

Вставка репрезентирует тактильно-звуковой фрагмент памяти, связанный с телесными действиями и материальными объектами. Согласно регистровому подходу, это реализация актуального воспоминания, направленного на воссоздание атмосферы конкретного школьного хронотопа. В рамках SFL, конструкция активирует идеационную метафункцию через передачу телесного опыта («стучали», «вырезанных»), а также текстовую функцию, обеспечивающую связь между описанием пространства (парта) и его функциональным использованием. Межличностная функция отсутствует, что подчёркивает наблюдательную нейтральность. Интеграция двух подходов позволяет трактовать такую вставку как механизм перцептивного оживления прошлого – с акцентом на материальность и телесность.

Пример 3: «Запах свежего хлеба, что витал в воздухе, сразу вернул меня в тот день, когда я впервые увидел её, – ту самую весну, полную надежд и планов» [3].

Обонятельная вставка здесь выступает триггером хронотопического сдвига: из актуального настоящего в переживаемое прошлое. Регистровый подход классифицирует данную вставку как реализацию репродуктивного хронотопа, где сенсорное впечатление вызывает полноценную картину прошлого. В рамках SFL, здесь реализуется идеационная функция (чувственное восприятие и память), межличностная функция (эмоциональная окраска: «полную надежд и планов») и текстовая функция (организация временного перехода). Таким образом, вставка оформляет эмоционально насыщенное воспоминание, превращая сенсорную деталь в средство нарративного перехода и психологической экспликации.

Таким образом, вставные конструкции, функционирующие в репродуктивном регистре романа Е.Г. Водолазкина «Чагин», выполняют ключевую функцию в сенсорно-телесной репрезентации прошлого опыта. Они не только реконструируют визуальные, аудиальные и кинестетические компоненты памяти, но и создают многослойную нарративную ткань, в которой хронотоп воспринимается не как абстрактная категория, а как воплощённый, телесно прочувствованный континуум.

Посредством идеационной метафункции данные вставки насыщают повествование перцептивными, модально окрашенными деталями, восстанавливающими субъективное восприятие событий со стороны персонажа или рассказчика. Это позволяет читателю не просто воспринимать реконструируемые события как фактологические, но вживаться в них через органы чувств, что усиливает художественную выразительность текста.

Вместе с тем вставные конструкции активизируют межличностную функцию, особенно в тех случаях, когда воспоминания окрашены эмоционально-модальной интонацией. Выражения сомнений, оттенки ностальгии, боли, вины или иронии позволяют авторскому голосу не оставаться нейтральным, а проявляться как личностно вовлечённый субъект. Это способствует эффекту эмпатийной близости между читателем и повествующим сознанием. Текстуальная метафункция обеспечивает не только связность фрагментов, но и плавную хронотопическую интеграцию, позволяя естественно переходить между настоящим нарратива и воспроизводимым прошлым. За счёт этих переходов создаётся иммерсивная структура повествования, где память функционирует не как отстранённый реестр, а как живая ткань сознания, пронизанная личным, телесным, чувственным.

3. Вставные конструкции в реактивном регистре. Реактивная функция, по Золотовой, проявляется в выражении субъективного отношения говорящего к сообщаемому, чаще всего в виде эмоциональной, оценочной или интерпретирующей реакции [5, с. 398]. В рамках системно-функционального подхода (SFL) М.А.К. Халлидея данный регистр преимущественно активирует межличностную метафункцию, выражающую субъективность, оценочность и авторскую позицию. Кроме того, реактивные вставки могут включать элементы идеационной функции, когда эмоция соотнесена с конкретным событием, а также текстовой функции, если вставка структурирует логическую или ритмическую организацию высказывания.

Пример 1: «Когда этот энергичный человек ушел, я (вздохнув с облегчением) растянулся на кровати поверх покрывала» [3].

С точки зрения регистровой теории, вставка отражает моментальную реакцию персонажа на изменившуюся ситуацию. Это акт внутренней эмоциональной разрядки, не нарушающий событийную линию, но углубляющий её за счёт субъективной оценки. В терминах SFL вставка реализует межличностную функцию, эксплицитно обозначая эмоциональное состояние («с облегчением»). Текстовая функция минимальна, но поддерживает синтаксическую связанность высказывания. Таким образом, субъективное отношение к происходящему становится частью повествовательной динамики, выражаясь в грамматически маркированной форме.

Пример 2: «Бабушка деликатно уходит, и пара (вот она, интимная сторона брака) отщипывает от лепешки кусок за куском» [3].

Вставка реактивность выражена в интерпретирующем суждении, которое встраивается в нейтральное повествование и тем самым маркирует авторскую позицию. С точки зрения SFL, вставка демонстрирует активную межличностную функцию, выраженную через субъективную модальность («вот она»). Она усиливает акцент на восприятии действия не как бытового, а как символически нагруженного. Данная конструкция встраивает интерпретацию в ткань действия, трансформируя его в метатекстуальное высказывание и превращая читателя в соучастника авторской оценки.

Пример 3: «В заключительной фразе ("Да у Ленина за чаем засиделся, – говорит...") перешла на крик и разрыдалась» [3].

Реактивный регистр здесь проявляется в напряжённом контрасте между поверхностной речью и последовавшей бурной эмоциональной реакцией. В рамках SFL, вставка реализует одновременно межличностную функцию (взрыв эмоций как коммуникативный акт) и идеационную функцию (интерпретация поведения как следствия фрустрации). Этот пример показывает, как вставная конструкция, интегрированная в прямую речь, становится механизмом раскрытия внутреннего надлома персонажа.

Таким образом, вставные конструкции, функционирующие в реактивном регистре романа Е.Г. Водолазкина «Чагин», выступают как центральные средства вербализации субъективных состояний – как на уровне авторского голоса, так и в рамках персонажной речи. Их основная коммуникативная задача заключается в фиксации эмоциональных всплесков, спонтанных оценок, колебаний и сомнений, что делает их выразителями непосредственной аффективной реакции на происходящее, что согласуется с наблюдением О.А. Гримовой, подчеркивающей наличие «моральных колебаний и внутренней неуверенности героя» в условиях предельного выбора [3, с. 239]. На уровне системно-функциональной лингвистики наиболее ярко в данных конструкциях реализуется межличностная метафункция: вставки эксплицируют индивидуальное отношение субъекта к событию, маркируют модальность, инициализируют коммуникативный контакт с предполагаемым адресатом. В текстах подобного типа авторская установка становится менее дистанцированной, что позволяет передавать живое, незавершённое, рефлексивное состояние сознания, особенно в ситуациях напряжённого внутреннего выбора или этического сомнения.

Наряду с этим, идеационная функция в реактивных вставках проявляется не как передача фактов, а как вербализация внутреннего мира – переживаний, психических импульсов, ощущений, сопровождающих поступки. Текстуальная метафункция, в свою очередь, обеспечивает органичную инкрустацию реактивных вставок в повествовательную ткань, не нарушая ритма и когерентности текста. Напротив, такие конструкции часто играют роль структурных узлов, задающих интонационную динамику, смысловые паузы и модально-психологическую глубину высказывания.

Таблица 1. Распределение вставных конструкций по коммуникативным регистрам и метафункциям (SFL)

Коммуникативный регистр	Количество	Основная метафункция (SFL)	Тип вставных конструкций
информативный	87	идеационная, текстуальная	уточняющие, комментирующие
репродуктивный	38	идеационная, текстуальная	перцептивные, визуальные, тактильные
реактивный	69	межличностная, идеационная, текстуальная	эмоциональные, интерпретирующие, контрастные

Приведённые выше примеры показывают, что вставные конструкции, функционируя в рамках определённого коммуникативного регистра, нередко реализуют несколько метафункций языка одновременно. В таблице 1 представлено распределение вставных конструкций по типам регистров и соответствующим им языковым метафункциям согласно системно-функциональной модели, что позволяет более чётко проследить корреляцию между функциональной нагрузкой вставных

конструкций и типом коммуникативного регистра. Совмещение теоретических подходов Г.А. Золотовой и М.А.К. Халлидея позволило рассматривать вставные конструкции как ключевые синтаксические механизмы, формирующие повествовательную многослойность и отражающие авторскую интенциональность. В структуре романа «фактическое» и «контрфактуальное» жизнеописание представлены как равноценные эпистемологические основания осмысления личности, в то время как все жизненные выборы героя предстают «каталогизированными» на онтологическом уровне. Вставные конструкции в этом контексте оформляют пространство подтекста, в котором пересекаются мечта, память и нарративная метаинтерпретация [4, с. 244].

Заключение. Анализ вставных конструкций в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» на основе классификации коммуникативных регистров и в контексте системно-функциональной лингвистики позволил выявить комплексную функциональную нагрузку этих синтаксических единиц. Наибольшее количество вставных конструкций (87 из 194) функционирует в информативном регистре, выполняя преимущественно идеационную функцию: они структурируют дополнительное знание, поясняют, конкретизируют и обогащают нарратив. Репродуктивные вставки (38 единиц) активируют перцептивную компоненту, воссоздают сенсорную среду восприятия и обеспечивают эффект присутствия. Реактивные вставки (69 единиц) наиболее тесно связаны с межличностной метафункцией, так как служат выражением эмоциональной реакции, оценки, субъективной модальности.

Совмещение подхода Г.А. Золотовой с теорией М.А.К. Халлидея (SFL) позволило интегрировать коммуникативную прагматику и грамматико-функциональный анализ. Вставные конструкции оказались не просто дополнением к основному синтаксису, но инструментом многослойной модальности: они создают временные сдвиги, выражают авторскую оценку и обеспечивают связность текста.

Таким образом, вставные конструкции в романе «Чагин» выступают как ключевой дискурсивный и поэтический ресурс. Их распределение по регистрам и метафункциям свидетельствует о высокой степени стилистической организации текста и глубоком синтаксическом кодировании авторского смысла. В перспективе данная методология может быть применена к изучению вставных конструкций в других произведениях Е.Г. Водолазкина или в рамках сопоставительного корпусного анализа, что позволит выявить индивидуально-авторские модели синтаксической субъективации и стилистической организации текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Г.А. Типы нарраторов (рассказчиков) в романе Евгения Водолазкина «Чагин» / Г.А. Авдеева, Ю.П. Шамова // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин в школе и вузе». – 2023. – С. 190–198.
2. Авдеева Г.А. Приемы языковой игры в романе Евгения Водолазкина «Чагин» / Г.А. Авдеева // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1 (104). – С. 491–493.
3. Гримова О.А. Нарративные интриги в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» / О.А. Гримова // Новый филологический вестник. – 2023. – № 4 (67). – С. 235–245.
4. Евстафияди О.В. Коммуникативные регистры и виды речи / О.В. Евстафияди // Наука и современность. – 2010. – № 5–3. – С. 24–28.

5. Золотова Г.А. Композиция и грамматика: язык как творчество / Г.А. Золотова // Сб. науч. тр. к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – С. 284–296.
6. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипиенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
7. Казаков В.П. Функции вставных конструкций в зеркале коммуникативных регистров речи (в романе Е.Г. Водолазкина «Авиатор») / В.П. Казаков // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2020. – Т. 17, вып. 4. – С. 633–649.
8. Кулаковский М.Н. Вставные конструкции в поэзии и прозе А. Белого / М.Н. Кулаковский // Верхневолжский филологический вестник. – 2021. – № 1 (24). – С. 87–94.
9. Кулаковский М.Н. Вставные конструкции в современном художественном тексте: традиции и новые тенденции функционирования / М.Н. Кулаковский // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 2 – Т. I. – С. 138–142.
10. Пушкарёва Н.В. Подтекст как средство углубления смысловой перспективы прозаического текста / Н.В. Пушкарёва // Мир русского слова. – 2012. – № 3. – С. 73–79.
11. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: Social Interpretation of Language and Meaning. – Baltimore: University Park Press, 1978. – 256 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Водолазкин Е.Г. Чагин : роман. – М. : Издательство «АСТ», 2022. – 378 с.

REFERENCES

1. Avdeeva G.A., Shamova Yu.P. (2023) Tipy` narratorov (rasskazchikov) v romane Evgeniya Vodolazkina «Chagin» [Types of Narrators in the Novel Chagin by Evgeny Vodolazkin]. Materialy` III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual`ny`e problemy` izucheniya i prepodavaniya filologicheskix disciplin v shkole i vuze» [Proceedings of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference "Current Issues of Teaching and Studying Philological Disciplines in Schools and Universities"], 190–198 (in Russian).
2. Avdeeva G.A. (2024) Priemy` yazy`kovoij igry` v romane Evgeniya Vodolazkina «Chagin» [Techniques of Language Play in the Novel Chagin by Evgeny Vodolazkin]. Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education], 1 (104), 491–493 (in Russian).
3. Grimova O.A. (2023) Narrativny`e intrigi v romane E.G. Vodolazkina «Chagin» [Narrative Intrigues in the Novel Chagin by E.G. Vodolazkin]. Novy`j filologicheskij vestnik [New Philological Bulletin], 4 (67), 235–245 (in Russian).
4. Evstafiadi O.V. (2010) Kommunikativny`e registry` i vidy` rechi [Communicative Registers and Types of Speech]. Nauka i sovremennost` [Science and Modernity], 5–3, 24–28 (in Russian).
5. Zolotova G.A. (1996) Kompoziciya i grammatika: yazy`k kak tvorchestvo [Composition and Grammar: Language as Creativity]. Sb. nauch. tr. k 70 letiyu V.P. Grigor`eva [Collection of scholarly works dedicated to the 70th anniversary of V.P. Grigoryev]. Moscow: IWL RAS, 284–296 (in Russian).
6. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. (1998) Kommunikativnaya grammatika russkogo yazy`ka [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: MSU Publishing House (in Russian).
7. Kazakov V.P. (2020) Funkcii vstavny`x konstrukcij v zerkale kommunikativny`x registrov rechi (v romane E.G. Vodolazkina «Aviator») [Functions of Parenthetical Constructions in the Mirror of Communicative Registers (in E.G. Vodolazkin's Aviator)]. Vestnik SPbGU. Yazy`k i literature [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]. Vol. 17, Issue 4, 633–649 (in Russian).
8. Kulakovsky M.N. (2021) Vstavny`e konstrukcii v poe`zii i proze A. Belogo [Parenthetical Constructions in the Poetry and Prose of A. Bely]. Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik [Upper Volga Philological Bulletin]. No. 1 (24), 87–94 (in Russian).
9. Kulakovskiy M.N. (2013) Vstavny`e konstrukcii v sovremennom xudozhestvennom tekste: tradicii i novy`e tendencii funkcionirovaniya [Parenthetical Constructions in Contemporary Literary Texts: Traditions and New Trends in Functioning]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 2, Vol. I, 138–142 (in Russian).
10. Pushkaryova N.V. (2012) Podtekst kak sredstvo uglublenniya smy`slivoj perspektivy` prozaicheskogo teksta [Subtext as a Means of Deepening the Semantic Perspective of a Prose Text]. Mir russkogo slova [World of the Russian Word]. No. 3, 73–79 (in Russian).
11. Halliday M.A.K. (1978) Language as Social Semiotic: Social Interpretation of Language and Meaning. – Baltimore: University Park Press (in English).

Поступила в редакцию 20.06.2025 г.

COMMUNICATIVE-FUNCTIONAL ANALYSIS OF PARENTHETICAL CONSTRUCTIONS IN
NOVEL “CHAGIN” BY E.G. VODOLAZKIN

P. Zhao

The article examines the syntactic and pragmatic features of parenthetical constructions in the novel “Chagin” by E.G. Vodolazkin. The study is based on the theoretical frameworks of constructive syntax, systemic functional linguistics (M.A.K. Halliday), and the theory of communicative registers (G.A. Zolotova et al.), while also taking into account the concept of subtext as a latent semantic level shaped through specific syntactic devices. A special attention is paid to the role of parenthetical constructions in organizing a subtext – both emotional and conventional – and in revealing the author’s perspective, the mental-emotional layer of narration, and individual style. Based on the systematic sample of 196 parenthetical constructions functioning within three registers (informative, reactive, and reproductive), a structural-semantic and functional analysis is conducted. The study identifies patterns in the realization of the language metafunctions (ideational, interpersonal, textual) and demonstrates the role of these units in creating narrative multi-layeredness and constructing the author’s image. The results confirm the significance of parenthetical constructions as a syntactic marker of the poetics of contemporary literary prose.

Key words: parenthetical constructions, communicative registers, systemic functional linguistics, subtext, literary text, authorial style, expressive syntax.

Чжао Пань.

Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург, Российская
Федерация.

Аспирант.

ORCID: 0009-0002-6448-0229.

E-mail: 1073213021@qq.com.

Zhao Pan.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg,
Russian Federation.

Post-graduate student.

ORCID:0009-0002-6448-0229.

E-mail: 1073213021@qq.com.

Научная статья

УДК: 81'373.611

DOI: 10.5281/zenodo.16264983

**К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ИСКОННОЙ И ЗАИМСТВОВАННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ 2010–2020-Х ГОДОВ**

© 2025 Чэнь Сяюй

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID: 0009-0002-3019-0397

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматриваются словообразовательные особенности экономических терминов в публицистических текстах 2010–2020-х гг. (преимущественно в газетах «Коммерсантъ», «Завтра», «News»), включая неологизмы, которые появляются в это время, проанализированы их продуктивность, словообразовательная мотивация и словообразовательные варианты. Экономическая терминология формируется под влиянием тенденции к интернационализации терминологической лексики, а также к ее адаптивности и точности, что проявляется в использовании при образовании экономических терминов заимствованных и русских морфем, включая суффиксы, выражающие абстрактные значения. В терминообразовании экономической сферы регулярность и повторяемость словообразовательных формантов обеспечивают осуществление номинативной функции языка, ясность и точность обозначения экономического явления или понятия. В процессе исследования применялись метод компонентного анализа, метод семантического анализа, статистический (для анализа частотности употребления терминов) и описательный (контекстный) анализы.

Ключевые слова: экономические термины, продуктивность, дериват, словообразовательная мотивация, неединственная мотивация, единственная мотивация, вершина словообразовательного гнезда, производное слово, производящее слово.

Для цитирования: Чэнь Сяюй. К вопросу о словообразовательных особенностях исконной и заимствованной экономической терминологии в современных публицистических текстах 2010–2020-х гг. / Сяюй Чэнь // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 129–141. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16264983>.

Введение. Под воздействием развития общества, экономики и науки характер именования экономического явления или понятия изменяется, что приводит к появлению новых словообразовательных моделей и изменению словообразовательных средств в экономической терминосистеме. Такие изменения влияют на семантические парадигмы и значение экономических терминов. Это определяет актуальность и новизну нашей работы, в которой предпринята попытка рассмотрения особенностей словообразовательных формантов и словообразовательных моделей в экономической терминосистеме.

Цель работы – выявление словообразовательных особенностей (продуктивность, словообразовательная мотивация, словообразовательные варианты) экономических терминов в публицистических текстах 2010–2020-х гг., включающих неологизмы, которые появляются в это время.

Цель исследования определила постановку следующих задач:

1) выявить словообразовательные особенности неологизмов, появляющихся в

публицистических текстах 2010–2020-х гг.;

2) определить особенности словообразовательных формантов в экономической терминосистеме;

3) проанализировать продуктивность слов, словообразовательную мотивацию и словообразовательные варианты.

В настоящее время экономическая терминосистема является одной из наиболее динамично развивающихся терминосистем русского языка, которая отражает важные социально-экономические процессы в обществе и активно проникает в публицистический стиль литературного языка, что вызывает изменения в составе экономической терминосистемы. В 2010–2020-х гг. появление ключевых слов под влиянием социально-экономических и научно-технических изменений активизирует словообразовательный потенциал сложных слов. Словообразовательные особенности влияют на семантические парадигмы и лексическое значение терминов.

Материалы и методы исследования. Материалом для настоящей работы послужили публицистические тексты электронных СМИ (преимущественно газет «Коммерсантъ», «Завтра», «News»), электронный ресурс НКРЯ и терминологические словари. В работе использованы методы компонентного анализа, семантического анализа, статистический (для анализа частотности употребления терминов) и описательный (контекстный) анализы.

Основная часть. Анализ 500 экономических терминов, включающих неологизмы, появившиеся в 2010–2020-е гг., позволяет сделать вывод, что большинство из них образовано преимущественно с использованием аффиксального способа словообразования и с помощью способа сложения.

В лингвистике ключевыми словами называются слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания и широко используемые в качестве базовых основ, которые создают новые словообразовательные парадигмы и гнезда [4, с. 92]. В какой-то момент появление ключевых слов активизирует словообразовательный потенциал в процессе словопроизводства. Например, в конце XX века в сфере экономики термин *рынок*, гнездо которого состоит из слов *квазирынок*, *рыночник*, *антирыночник*, *рыночный*, *антирыночный*, стал ключевым словом и способствовал появлению ряда производных слов.

Ключевые слова могут приводить к появлению новой словообразовательной модели. Так, в 2020 г. в связи с распространением пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 слова *ковид*, *коронавирус*, *карантин* стали ключевыми словами данного периода и использовались как основы сложных слов, образованных в процессе словотворчества: ср. *карантинобонус*, *карантиномика*, *карантин-штраф*, *ковид-бизнес*, *ковид-бизнесмен*, *ковид-должник*, *ковидоллар*, *ковидономика*, *коронабезработица*, *корона-бизнес*, *коронабюджет*, *коронаобюджет*, *коронаоблигация*, *корона-продажи*. Эти неологизмы образованы по модели «корень + корень», «аффиксоид (префиксоид или суффиксоид) + корень», «префиксоид + суффиксоид».

Аффиксоиды являются морфемами переходного типа, генетически восходящими к корням, а по семантике и функции сближающимися с аффиксами [7, с. 17]. Рассмотрим термины *картиномика*, *коронаномика* и *ковидономика*.

Карантиномика: экономика при длительном карантине может быть устойчива и эффективна [33]. Карантиномика – слово, относящееся к суффиксоидализмам, образовано от корня *карантин* и суффиксоида *номика* (сегмент слова *экономика*). Здесь *номика* имеет не только значение корневой морфемы

экономика, но и словообразовательное значение *состояние* для одноструктурных образований с данным суффиксоидом.

В исследовании Объединения экономистов *«Коронаномика в Латвии: влияние, реакция политиков и возвращение к росту»* подчеркнуто, что в плане поддержки государства Латвия во время пандемии COVID-19 существенно отстала от Литвы и Эстонии, а также многих других стран ЕС [31]. Неологизм *коронаномика* образован от префиксоида *корона* и суффиксоида *номика*, где основное значения вирус префиксоида *корона* ослабляется в пользу значения «период пандемии COVID-19».

В Беларуси заработал проект *«Ковидономика»*, который мониторит ситуацию с отечественной экономикой во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и пытается дать ответы на вызовы [35]. Здесь мотивирующие основы *ковид* и *корона* (коронавирус) имеют синонимические корреляции, что обусловлено периферией значения данных основ сложных слов. Отсюда можно сделать вывод, что семантическая корреляция мотивирующих основ сложных слов и общий суффиксоид способствуют появлению синонимии.

Среди сложных слов преобладают слова, образованные по атрибутивной модели сложения (ср. *агробιοпроизводитель, аккаунт-менеджер, антиковид-выплата, апсайлинг-бренд, бизнес-идея, бюджетопотрошитель, взаимодействие, взаимозачет, грузооборот, дистант-экономика, дроноперевозки, импортозамещение, инклюзив-глобализация, инфлюенсер-индустрия, инфлюенсер-маркетинг, инфраструктура, кеи-трейдинг, крафт-продажа, лоукостер-международник, макроэкономика, микроэкономика, налогоневозвратчик, неплатежеспособность, прайм-тайм, прайс-лист, счет-фактур, тикток-рынок, трампономика, трейдинг-робот, хунтоэкономика, ценообразование, эконометрика*), и реже встречаются слова, образованные по сочинительной модели сложения (ср. *инноватор-визионер, банк-врачеватель, фискал-мытарь*).

В сложном слове *агробιοпроизводитель* существуют два префиксоида *агро-* и *био-*, которые сохраняют значения их корня. Корневая морфема *-био-* является словообразовательным элементом с большой продуктивностью в современном языке [13] и характеризуется многозначностью. В сфере экономики данная морфема обычно обозначает что-то, относящееся к органической материи [18] или связанное с сельским хозяйством. Морфемы *агро-* и *био-* связаны сочинительными отношениями и образуют атрибутивную модель сложения с основой слова *производитель*, формируя двойное ограничение для значения слова *производитель*. Отсюда следует, что использование аффиксоидов в образовании сложных слов способствует продуктивности и экономии терминообразования, а также точности значений терминов профессиональной сферы.

На основе 500 проанализированных экономических терминов можно сделать вывод, что первая часть таких слов, как *инноватор-визионер, банк-врачеватель, фискал-мытарь*, образованных по сочинительной модели сложения, является изменяемой. Основы данных слов представлены в сигнификативно равной сильной позиции (ср. *Она и давит все непосильными по процентам кредитами, ордами своих «контролеров» и «правоохранителей», садистскими налогами и немилосердными фискалами-мытарями* [24]). Самостоятельное словоизменение первой части сложного слова без помощи интерфикса вызывает формальную и смысловую автономность основ слова.

Продуктивность сложения как способа словообразования определяет усиление тенденции к аналитизму, проявляющемуся в неизменяемости первого компонента [12, с. 102]. Это достаточно наглядно представлено в экономической терминосистеме, где существуют сложные слова, образованные по атрибутивной модели

сложения без интерфикса. Ср.: *В целом стратегия моей работы сейчас – это не только создание **бизнес-идеи**, но и дальнейшие инвестиции, развитие с целью выхода на рынок и последующей продажи* [27]. Здесь функция дефиса как интерфикса ослабляет формальную и семантическую автономность основ слова и усиливает целостность сочетания компонентов сложного слова, поэтому функция дефиса здесь соотносится с функцией союза.

Таким образом, высокая степень формальной и смысловой автономности компонентов сложения обеспечивает в определенной степени свободную сочетаемость мотивирующих основ сложных слов. Наряду с этим неизменяемость/изменяемость первой части сложного слова связана с типом отношений между основами слова. В.Г. Костомаров отмечает, что увеличение количества «промежуточных между словами и словосочетаниями образований, для которых предложено особое название – биномины» [9, с. 126]. Экономические термины без интерфикса, образованные по атрибутивной модели сложения, рассматриваются в качестве формальной и семантической единицы, где первая часть сложного слова имеет функцию определения и обозначает признак, качество, свойство слова второй части.

В терминообразовании экономической сферы помимо сложения встречается суффиксальный способ образования, который используется чаще, чем префиксальный и префиксально-суффиксальный способы. В процессе адаптации некоторые иноязычные суффиксы русифицируются. Преобладание заимствованных слов способствуют появлению заимствованных морфем, ведущему к деривационной активности того и иного образования. В экономической терминосистеме часто встречаются заимствованные слова с суффиксами *-er*, *-or* для наименований лица (ср. *девелопер*, *инвестор*, *инсайдер*, *риэлтор*, *ритейлер*, *экспортёр*) и суффиксом *-инг* (*аутсорсинг* (*outsourcing*: *outsource+ing*), *банкинг* (*banking*: *bank+ing*), *бенчмаркинг* (*benchmarking*: *benchmark+ing*), *брендинг* (*branding*: *brand+ing*)). Рассмотрим примеры:

*Окончив вуз, Станислав Андреевич Гончаров устроился в консалтинговую фирму, занимающуюся правовым сопровождением бизнеса и бухгалтерским **аутсорсингом*** [19]. Здесь суффикс *-инг* выражает результат действия, а мотивирующей основой с позиции словообразования русского языка в данном слове является существительное. В процессе ассимиляции в языке-рецепторе изменяется **категория слов языка и создается соответствующий словообразовательный формат (суффикс *-инг* (-ing))**.

Суффикс *-инг* может выражать и процесс действия: *Кроме того, спикеры расскажут про эффективный **брендинг**, использование цифровых технологий в экспорте и профайлинг (методика, позволяющая оценить психологические особенности человека на основе анализа его вербального и невербального поведения)* [25].

В процессе ассимиляции заимствованных слов повторяемость морфемы и членимость слова активизируется, что вызывает продуктивность морфемы *-инг* в русском языке. Например, мотивирующими основами слов *крекинг*, *тренинг*, *форсинг* являются глаголы, выражающие процесс действия. «Английская словообразовательная модель "глагол + -ing" подходит для передачи таких значений, как процесс и результат действия, инструмент и результат действия, собирательность и некоторых других» [1]. Отсюда можно увидеть, что производные слова с заимствованным суффиксом сохраняют словообразовательную модель слова-прототипа.

В связи с абстрактностью названия экономического явления такие суффиксы, как *-оство*-(*ество*), *-ств(о)*, *-тельств(о)*, *-ациј(а)*-, *-изациј(а)*-, *-ость*, *-ность*, *-им-ость* имеют высокую продуктивность словообразования в экономической терминосистеме и

выражают отвлеченный процессуальный признак, понятие и состояние: *вариация* (← *варьировать*), *интеграция* (← *интегрировать*), *рекламация* (← *рекламировать*), *банкротство* (← *банкротиться*), *богатство* (← *богатый*), (*вымогатель* →) *вымогательство* (← *вымогать*), *казначейство* (← *казначей*), (*взяточник* →) *взяточничество* (← *взяточничать*), *вмешательство* (← *вмешаться*), *благотворительность* (← *благотворительный*), *движимость* (← *движимый*), (*движимость* →) *недвижимость* (← *недвижимый*), *зависимость* (← *зависимый*), *убыточность* (← *убыточный*), (*убыточность* →) *безубыточность* (← *убыточный*).

Среди проанализированных экономических терминов исконно русские термины с суффиксами *-ость*, *-ность*, *-им-ость* мотивированы преимущественно прилагательными и выражают «явление, поступок, происшествие, обстоятельство, слово или выражение, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим прилагательным» [26, с. 612], а термины с суффиксами *-оство(-ество)*, *-ств(о)*, *-тельств(о)*, и *-ациj-*, главным образом, образованы от глаголов и выражают процесс или результат действия, т.е. *статику* действия. Совокупность формантов какой-то группы функционирует как единый формант, выражающий общее словообразовательное значение. Наряду с этим в экономической терминосистеме большинство дериватов с данными суффиксами имеет единственную мотивацию и редко встречаются дериваты с неединственной мотивацией (другие термины: множественная мотивация, полимотивация, двойная мотивация). И.А. Ширшов выделял два типа неединственной мотивации – полимотивированность и поликоррелятивность [16]. Среди проанализированных экономических терминов дериваты с неединственной мотивацией характеризуются полимотивированностью. Рассмотрим следующие примеры:

взяточник →				взяточничество1	
				взяточничать →	взяточничество2
вымогать →				вымогатель →	вымогательство1
				вымогательство2	
двигать →	движимый →			движимое →	недвижимое
				движимость →	недвижимость1
				недвижимый →	недвижимость2
убыток →	убыточный →			убыточность →	безубыточность1
				безубыточный →	безубыточность2

«При неединственной мотивации в качестве мотивирующей базы могут выступать несколько слов, актуализирующих разные деривационные связи производного слова» [14]. Из вышеуказанных примеров можно увидеть, что данные термины, имеющие полимотивированность, мотивированы разными однокоренными словами (разными частями речи), имеющими одно и то же лексическое значение.

Большинство терминов с суффиксом *-ость*, *-ность*, *-им-ость* образовано от прилагательных, где вершиной словообразовательного гнезда является глагол. Рассмотрим это на примере терминов *движимость* и *убыточность*.

Как и в случае с банками, судебные приставы по исполнительным листам ФНС активно работают лишь с суммами, по которым в рамках исполнительного производства взыскание может быть возложено на достаточно ликвидную

движимость (как правило, автомобиль) или же **недвижимость** [20]. Суффикс *-им-* указывает на причастие настоящего времени от глагола *двигать*. «Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» (точнее – слова с первичной основой) [2, с. 421]. В данном фрагменте слово *движимость*, под которым понимается перемещаемое имущество, с одной стороны, получает полное значение от производящего слова *движимый*, с другой стороны, вершиной словообразовательного гнезда является глагол со значением «динамики действия». В тексте дериват *недвижимость* образован от отвлеченного имени существительного *движимость* с помощью префикса *не-*, что позволяет сформироваться парадигматической связи (антонимии) между производящим и производным словами. По мнению А.И. Моисеева, производные слова выступают как слова с «двойной референцией» – с референцией к миру вещей (лексическое значение) и к миру слов (словообразовательное значение) [11, с. 16]. При этом производное слово *недвижимость* имеет словообразовательное значение «то, что противоположно значению производящего слова». Другая мотивация термина *недвижимость*, который образован с помощью суффиксом *-ость*, определяющим часть речи и определяющим одно и то же основное лексическое значение прилагательного *недвижимый*, связана с приставочным прилагательным *недвижимый*. Отсюда можно увидеть, что в морфемной структуре слова префикс характеризуется автономностью, «лексикализированностью» и влияет на семантику производного слова, а суффикс определяет часть речи, указывает на принадлежность того или иного экономического явления или понятия к определенной тематической группе и не влияет на лексическое значение производного слова.

Быть → убыть → убыток →

убыточный →	убыточность →	безубыточность ¹
безубыточный →	безубыточность	

На втором месте по **убыточности** – предприятия, поставляющие электроэнергию, газ и пар и занимающиеся кондиционированием воздуха, 47,6% [22]. В контексте дериват *убыточность* выражает свойство и состояние по значению прилагательного *убыточный*. Здесь семантическая функция глагола *быть* и *убыть* стала слабой в процессе деривации словообразовательной пары *убыточный* и *убыточность*. В сравнении с термином *движимость* слово *убыточность*, потерявшее часть значения и свойство глагола, имеет четвертую степень производности, а *движимость* находится на второй ступени словопроизводства и сохраняет полное значение глагола. В словообразовательной цепочке дериваты *убыток* и *убыточность* имеют синонимическую корреляцию. Согласно анализу существующих словосочетаний с данными терминами на основе их высокочастности в НКРЯ, можно сделать вывод, что их семантическая дифференциация представлена в словообразовательном значении (ср. *чистый убыток (компания)*, *компенсировать убытки*, *возмещения убытков*, *высокая убыточность*, *уровень убыточности*, *роста убыточности*, *снизить убыточность*, *убыточность предприятия*). Рассмотрим следующие типичные примеры в НКРЯ [29]:

В 2020 г. выручка Nubank почти удвоилась до 963 млн, а чистый убыток сократился почти вдвое – до \$ 44 млн.

Снос её возможен только при условии полного предварительного **возмещения убытков** владельцу», – пояснили в КС.

Здесь термин *убыток* выражает результат действия и образован непосредственно от глагола *убыть*, с которым он сближается по своему лексическому значению «материальный ущерб, потеря».

Добровольное автострахование развивается циклично, говорит Попков: после нескольких лет **низкой убыточности** и тарифов начинается сложный период **высокой убыточности** и высоких тарифов.

По ее словам, непросто оценить **уровень убыточности** этого сектора еще и потому, что статистика, которая сейчас собирается по нему и приводится в письме НАВС, не является полной: < ... >.

В данных фрагментах производное слово *убыточность* с суффиксом *-ость* обозначает состояние экономического положения и сближается по своему лексическому значению с прилагательным *убыточный*.

В словаре словообразовательных аффиксов суффикс *-ок* деривата *убыток* обозначает состояние [26], однако в экономических публицистических текстах чаще встречается словообразовательное значение результата действия.

Таким образом, в синонимической корреляции между дериватами возникает семантическая дифференциация, что обусловлено степенью производности одной словообразовательной цепочки и образованием этих дериватов от разных словообразовательных форм. Наряду с этим в словообразовательном значении проявляются связи и отношения, существующие между элементами внеязыковой действительности, что позволяет обеспечить непрерывность языка в переходе одной информации в другую и создать основу деривации [3].

В настоящее время в экономической терминсистеме активно используются существительные на *-ациj(a)* и *-изациj(a)*, которые мотивированы иноязычными базовыми основами. При этом можно говорить о таком феномене, когда термины, заимствованные из иностранных языков, включены в словообразовательных словарях в словообразовательное гнездо русского языка (ср. *вариация, интеграция, девальвация, дезинформация, декларация, рекламация*).

Термин *рекламация*, заимствованный из латинского языка (*reclāmātio* громкое возражение, неодобрение), обозначает претензию в связи с низким качеством товара с последующим требованием возмещения убытков [37]. В то же время в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова [36] данный термин относится к словообразовательному гнезду слова *рекламировать* (предъявлять претензии на низкое качество товара). *Рекламировать* относится к собственно русскому глаголу на *-овать*, образовано от основы немецкого глагола *reklamieren* – «предъявлять требования» и связано с французским и латинским глаголами *reclamer* и *reclamare* соответственно. У исходного слова *рекламировать* существует омоним *рекламировать*, мотивированный от существительного *реклама*.

Таким образом, образование некоторых экономических терминов в русском языке следуют логике деривации слова-прототипа в языке-источнике. Наряду с этим этимологический источник производящего слова определяют дифференциацию словообразовательного значения.

Как правило, производное слово имеет следующие особенности:

- 1) наличие свободной связной членимости;
- 2) наличие словообразовательной мотивированности: возникновение производного слова лишь тогда, когда значение производной основы соотносится с неппроизводной;
- 3) присутствие бинарной (двухкомпонентной) структуры: структура слова включает основу слова и словообразовательные средства (аффиксы) [12, с. 75–76].

Кроме того, Е.А. Земская отмечает, что определенная производная основа является более сложной по форме и смыслу, чем производящая основа [5, с. 8–9]. Производное

слово обозначает предмет «через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими» [2, с. 421], т.е. дериват имеет не только лексическое значение, но и словообразовательное значение. На основе вышеуказанных особенностей производных слов можно определить, являются ли данные слова производными. Рассмотрим это на примере термина *валютизация*.

Термин *валютизация* имеет неясную этимологию, однако, опираясь на признаки производного слова, можно предположить, что данный термин является производным от существительного *валюта*. Термин *валюта* как исходное слово, заимствовано непосредственно или из итальянского, или из немецкого языка и обозначало ‘стоимость, сумма’ [39], а сейчас используется в значении ‘разновидность денег’ [38] и не имеет членимости. Термин *валютизация* образован от основы *валют* и суффикса *-изациj(a)* и имеет членимость. Наряду с этим между словами *валюта* и *валютизация* существует словообразовательная мотивированность. По мнению И.А. Ширшова, типология производности включает в себя ядерный, промежуточный и периферийный типы производности [17, с. 135]. Термин *валютизация* относится к ядерному типу производности, характеризуется полной свободной членимостью (мотивирован от свободного корня *валют*). Рассмотрим их семантическое соотношение на примере в публицистическом тексте.

Снижение валютизации сопровождалось сокращением доли валюты в активах и пассивах банков на 3 п. п. за год (без учета валютной переоценки) – до 11% и 12% соответственно [32]. В данном предложении термин *валютизация* обозначает совокупность действий, связанных с разновидностью денег и имеет семантическую корреляцию, а также общую основу с термином *валюта*. Можно сделать вывод, что термин *валютизация* является производным от слова *валюта*, так как между данными терминами существует семантическое соотношение под влиянием этимологической рефлексии – **«наличия в языковом сознании говорящих реликтов исходного мотивационного значения слов с утраченной или затемненной внутренней формой»** [8, с. 182].

В экономической терминосистеме часто встречаются отглагольные синтаксические дериваты, имеющие значение отвлеченного действия и образующиеся с помощью суффиксов *-ениj(e)*: *блокирование* ← *блокировать*, *бронирование* ← *бронировать*, *владение* ← *владеть*, *внедрение* ← *внедрить*, *инкассирование* ← *инкассировать*, *декларирование* ← *декларировать*, *интегрирование* ← *интегрировать*, *отчисление* ← *отчислять*, *финансирование* ← *финансировать*. Среди данных терминов существуют словообразовательные варианты (*инкассирование* и *инкассация*, *интегрирование* и *интеграция*, *декларирование* и *декларация*), под которым понимаются семантически тождественные языковые формы, характеризующиеся общностью корневой морфемы и различием семантически соотносительных словообразовательных формантов [6].

Инкасс(о) →	инкассировать →		инкассирование
			инкассация

Собственная служба инкассации предоставляет клиентам возможность инкассирования и доставки денежных средств и ценностей в удобное для них место и время. Все больше услугами инкассаторов стали пользоваться частные лица, желающие перевезти ценные вещи из точки «А» в точку «Б» с минимальным риском [34]. Дериваты *инкассация* и *инкассирование* представляют действие по глаголу

инкассировать. Суффиксы в составе однокоренных терминов-существительных *инкассация* и *инкассирование*, у которых абсолютное семантическое тождество единиц и различие материальной оболочки (словообразовательного форманта), семантически нейтрализуются. В представленном выше фрагменте можно увидеть, что суффиксальные морфемы *-ацѣѣ(а)* и *-ениѣ(е)* обладают синонимической корреляцией. Наряду с этим в тексте также присутствует дериват *инкассатор* с суффиксом *-ор* (тот, кто инкассирует), мотивированный производящим словом *инкассировать*.

Среди перечисленных экономических терминов встречаются преимущественно транспозиционные дериваты с суффиксами *-оство-(ество)*, *-ств(о)*, *-тельств(о)*, *-ацѣѣ(а)*, *-ость*, *-ность*, *-им-ость-*, *-ацѣѣ(а)* и *-изацѣѣ(а)*. Мутационные дериваты, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом [15], также представлены в экономической терминсистеме, но они образованы главным образом с помощью суффиксов *-ик*, *-ор*, *-ер* (ср. *заказчик*, *застройщик*, *инвестор*, *инкассатор*, *экспортер*). Реже встречаются дериваты с мутационным значением на суффиксы *-арѣѣ* (ср. *депозитарѣѣ*), *-еѣ* (ср. *владелец*) и *-ство* (ср. *казначейство*). Рассмотрим следующие примеры:

Заказ → заказчик → заказчица

СЭЗЭМ не производит RME на склад: все производится строго под заказ и конкретные потребности заказчиков в минимальные сроки Коммерсантъ [21]. Заказчик рассматривается как субъект, а заказ (заказать кем?) как объект заказчика. Дериват *заказчик* образован от свободного корня *заказ* и суффикса *-чик*, относясь к одной части речи с производящим словом, но отличается от производящего слова денотатом (первое относится к лицу, а второе к классу вещей).

Строить → застроить → застройщик → застройщица

В городе Томск застройщик из Екатеринбурга намерен застроить участок в Ленинском районе [23]. Дериват *застройщик* образован от связанного корня *строй* и аффиксов *за-* и *-ить*, отличаясь от производящего слова отнесенностью к другой части речи. Приставка *за-* дополнительно модифицирует действие глагола *строить*, что, в свою очередь, вызывает двоякую членимость и множественную семантическую соотношенность.

Однако значение лица семантической парадигмы субстантива с суффиксом *-ик* (*-чик*, *-ник*) не всегда выступает мотиватором для мутационных значений дериватов (ср. *собственник*, *частник*). Рассмотрим пример:

собственный → собственник → собственница

Ему же принадлежит половина местного ООО «Гранд», которое занимается арендой и управлением собственной или арендованной недвижимости. Вторым собственником указан господин Григорьян [28]. В тексте производящее слово *собственный* обозначает «принадлежащий кому-нибудь по праву собственности», а *собственник* – лицо, обладающее правом собственности. Основное значение производного слова не изменяется в сравнении с производящим словом, а отличается только принадлежностью к определенной части речи. Дериват *собственник* образован от связанного корня *собственн* и суффикса *-ик*.

Кроме того, дериват с суффиксом *-ик* (*-чик, -ник, -ец*) со значением лица соответствует соотносительному с ними субстантиву с суффиксом *-ниц(а)* (*-ица, -атниц(а)*). Родовое значение суффикса *-ниц(а)* (*-ица, -атниц(а)*) рассматривается как мотиватор для модификационных значений дериватов. «Сущность словообразовательной модификации заключается в добавлении к основному значению мотивирующего слова некоторого дополнительного элемента смысла» [10]. Суффиксы *-ник* и *-ец*, выражающие противопоставление по роду, создают модификационное значение деривата в условиях неизменяемой производящей основы. У дериватов с суффиксом *-ор* и *-ер* отсутствует разделение значения с конкретизацией мужского и женского пола, а присутствует в большей степени значение обобщенности.

Уберизировать → уберизатор

Термин *уберизатор* имеет два значения: '1. Информационный сервис, осуществляющий посредничество между клиентом и поставщиком услуг. 2. Тот, кто разрабатывает такой сервис или использует его в предпринимательской деятельности' [30]. Суффикс *-ор* в первом значении слова *уберизатор* проявляет только категориальное значение части речи (предметность), а во втором – выражает словообразовательное значение (тот, кто уберизирует), поэтому многозначность суффикса определяет полисемию производного слова и разную словообразовательную мотивированность между словами в одной и той же словообразовательной паре.

Из вышеуказанного следует, что мутационные дериваты не зависят от словообразовательного типа, а определяются семантическим соотношением между производным и производящим словами. В экономической терминологии мутационные дериваты с суффиксами *-ик-*, *-ор*, *-ер* преимущественно являются словами с инвариантным значением «носитель предметного признака».

Заключение. Таким образом, в экономической терминосистеме суффиксы *-ость*, *-(о)ств(о)*, *-ор*, *-ер*, *-ик*, *-ениј(е)* и *-изациј(а)* имеют высокую производность. Под влиянием языка-источника деривация экономических терминов чаще всего осуществляется по закону словообразования слова-прототипа. В экономической терминосистеме производные слова выполняют, главным образом, номинативную функцию. Степень производности влияет на семантическую коррелятивность и семантическую отдаленность между производными и непроизводными словами на разных ступенях словопроизводства. Регулярность и повторяемость словообразовательных формантов обеспечивают ясность значения терминов в сфере экономики по тематическому признаку и точность семантической дифференциации. В экономической терминосистеме словообразовательная вариантность представляется преимущественно производными словами, мотивированными от глагола с помощью суффиксов *-ениј(е)* и *-изациј(а)*. Наряду с этим появление словообразовательных вариантов зависит в некоторой степени от полисемии морфем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева И.В. Зимствование морфем как илиминирование лакун: «инговые» формы в русском языке / И.В. Беляева, Э.Г. Куликова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 6 (822). – С. 108–121.
2. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С. 419–442.
3. Газизова Р.Ф. Словообразование с позиций когнитивизма / Р.Ф. Газизова // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. №1(I). – С. 456–459.

4. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М. : Наука, 1996. – С. 90–141.
5. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. – М. : Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
6. Иванова Г.А. Словообразовательная вариантность и норма в метаязыке лингвистики / Г.А. Иванова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010, – № 4 (2). – С. 519–521.
7. Кирилова Е.А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах: дис. ... кандидата филологических наук / Е.А. Кирилова. – Вологда, – 2008. – 202 с.
8. Коновалова Н.И. Явление этимологической рефлексии в диалектной речи / Н.И. Коновалова // Этимологические исследования: сб. науч. тр. Вып. 8. – Екатеринбург, 2003. – С. 180–186.
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа / В.Г. Костомаров. – М., 1994. – 248 с.
10. Кузовлева Г.В. Морфемные терминообразовательные типы юриспруденции / Г.В. Кузовлева // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2014. – № 4 (26). – С. 203–206.
11. Моисеев А.И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке / А.И. Моисеев. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1987. – 206 с.
12. Николина Н.А. Словообразование современного русского языка / Н.А. Николина. – М.: Академия, – 2005. – 160 с.
13. Петрова Т.А. Особенности образования сложных слов: современное состояние и особенности / Т.А. Петрова // Вестник Академии знаний. – 2012. – № 1. – С. 99–103.
14. Петрухина Е.В. Неединственная словообразовательная мотивация в русском языке и способы ее верификации / Е.В. Петрухина, Ма Яньхун // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – №1, С. 181–187.
15. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов. – М.: Русские словари, 1996. – 222 с.
16. Ширшов И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке / И.А. Ширшов. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1981. – 118 с.
17. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования / И.А. Ширшов. – М., 1999. – 236 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Аффиксоиды русского языка. Словарь-справочник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://affixoid.iling.spb.ru/search?f%5B0%5D=title%3A%D0%B8%D0%BD%D1%84%D1%80%D0%B0> (дата обращения 28.03.2025).
19. Гончаров С. Биографический портрет / С. Гончаров // Коммерсантъ. – 2024. – 05 ноября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7280673> (дата обращения 20.03.2025).
20. Гришина Т. Для физического лица полторы тысячи не налоги / Т. Гришина, О. Плешанова, О. Сапожков, Д. Бутрин // Коммерсантъ. – 2010. – 09. июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1383588> (дата обращения 20.05.2024).
21. Егорова А. За основу стратегии сразу взяли локализацию и усиление производственных возможностей / А. Егорова // Коммерсантъ. – 2025. – 09 апреля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7639652> (дата обращения 15.04.2025).
22. Иванова М. Доля убыточных организаций в Башкирии за год увеличилась на 5% / М. Иванова // Коммерсантъ. – 2024. – 07 ноября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7284091> (дата обращения 20.03.2025).
23. Игнатова М. Екатеринбургский застройщик снесет более 300 домов по КРТ в трех регионах РФ / М. Игнатова // Коммерсантъ. – 2025. – 19 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7586681> (дата обращения 20.03.2025).
24. Калашников М. Футурополис против нео-средневековья / М. Калашников // Завтра. – 2021. – 28 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/futuropolis_protiv_neo-srednevekov_ya (дата обращения 20 мая 2024).
25. Красиков В. В Екатеринбурге 12 сентября пройдет экономический форум «Экспортный марафон» / В. Красиков // Коммерсантъ. – 2024. – 09 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6933614> (дата обращения 20.03.2025).
26. Лопатин В.В. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В.В. Лопатин, И.С. Улуханов. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
27. Любая инвестиция в бизнес должна заканчиваться его продажей // Коммерсантъ. – 2025. –

27 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7604238> (дата обращения 15.04.2025).

28. Морозова А. Сменился основной владелец воронежской сети клиник «Медэксперт» / А. Морозова // Коммерсантъ. – 2025. – 08 апреля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7640595> (дата обращения 09.04.2025).

29. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.05.2024).

30. Новое в русской лексике. Словарные материалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://neolex.iling.spb.ru/node/16627> (дата обращения 20.05.2024).

31. Почему Латвия вечно отстаёт от Литвы и Эстонии? // News. – 2021. – 5 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/253791431> (дата обращения 20.06.2024).

32. Рушайло П. Рекорды в прошлом / П. Рушайло // Коммерсантъ. – 2024. – 28 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6594428> (дата обращения 20.03.2025).

33. Рыбалов А. Беседа о Карантинномике – экономике в условиях карантина / А. Рыбалов, М. Цыбулевский, А. Цыпин // Youtube. – 2020. – 19 июля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Ng-MyHYtjUk&ysclid=madwnzv2ws648611061> (дата обращения 20.05.2024).

34. Рынок инкассаторских услуг в 2013 году // Banki.ru. – 2014. – 12 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=6218579> (дата обращения 10.07.2024).

35. Такой безработицы не было 20 лет. Как сработает ковидномике во время коронакризиса? // News. – 2020. – 25 апреля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/228450854> (дата обращения 10.07.2024).

36. Тихонова А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. / А.Н. Тихонова. – М.: Рус. яз., 1985.

37. Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина // Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://megabook.ru> (дата обращения 10.04.2025).

38. Экономика. Толковый словарь / Общая редакция: д.э.н. И.М. Осадчая. – М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economics/index.htm> (дата обращения 10.04.2025).

39. Этимологический словарь русского языка / ред. Н.М. Шанского (Т. I-II, Вып. I-X). – М.: Изд-ва, МГУ, 1968.

REFERENCES

1. Belâeva I.V., Kulikova È.G. (2019). Zaimstvovanie morfem kak iliminirovanie lakun: «ingovy» formy v russkjm âzyke [Borrowing of morphemes as elimination of lacunae: "ing" forms in the Russian language] in Bulletin MSLU. Humanities. 6. pp. 108–121 (In Russian).
2. Vinokur G.O. (1959). Zame po russkomu slovoobrazovaniû [Notes on Russian word formation] in Izbrannye raboty po russkomu âzyku [Selected works on the Russian language] (pp. 419–442). Moscow (In Russian).
3. Gazizova R.F. (2012). Slovoobrazovanie s pozicij kognitivizma [Word formation from the standpoint of cognitivism] in Bulletin of the Bashkir University. 17. 1. pp. 456–459 (In Russian).
4. Zemskaa E.A. (1996). Aktivnye processy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes of modern word production] in Russkij âzyk konca XX stoletîâ (1985 – 1995) [Russian language at the end of the 20th century (1985–1995)] (pp. 90–141). Moscow: Science (In Russian).
5. Zemskaa E.A. (2011). Sovremennyy russkij âzyk. Slovoobrazovanie [Modern Russian language. Word formation]. Moscow: Flint: Science (In Russian).
6. Ivanova G.A. (2010). Slovoobrazovatel'naâ valiantnost' i norma v metaâzyke lingvictiri [Word-formation variability and norm in the metalanguage of linguistics] in Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 4. pp. 519–521 (In Russian).
7. Kirilova E.A. (2008). Struktura slozhyh slov v sovrmnyh vologodskih govorah [The structure of compound words in modern Vologda dialects]. Vologda (In Russian).
8. Konovalova N.I. (2003). Âvlenie ètimologičeskoj refleksii v dialektnoj pečî [The phenomenon of etymological reflection in dialectal speech] in Etymological research. 8. Yekaterinburg (In Russian).
9. Kostomarov V.G. (1994). Âzykovoj vkus èpohi. Iz nablûdenij nad rečevoj praktikoj massmedia [The linguistic taste of the era. From observations on the speech practice of the mass media]. Moscow (In Russian).
10. Kuzovleva G.V. (2014). Morfemye terminoobrazovatel'nye tipy ûrispudencii [Morphemic term-forming types of jurisprudence] in Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 4. pp. 203–206 (In Russian).
11. Moiseev A.I. (1987). Ocnovnye voprosy slocoobrazovanie v sovremennom russkom literaturnom

âzyke [Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке]. Leningrad: LSU Publishing House (In Russian).

12. Nikolina N.A. (2005). Slovoobrazovanie sovremennogo russkogo âzyka [Word formation of the modern Russian language]. Moscow: Academy (In Russian).

13. Petrova T.A. Osobennosti obrazovaniâ složnyh slov: sovremennoe sostojanie i osobnosti [Features of the formation of compound words: current state and features] (In Russian).

14. Petruhina E.B., Ma Ān'hun (2020). Needinstvennâ slovoobrazovatel'naâ motivaciâ v russkom âzyke i sposoby ee verifikacii [Not the only word-formation motivation in the Russian language and ways of its verification] in Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 1 (In Russian).

15. Uluhanov I.S. (1996). Edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo âzyka i ih leksičeskâ realizaciâ [Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation]. Moscow: Russian dictionaries (In Russian).

16. Širšov I.A. (1981). Množestvennost' slovoobrazovatel'noj motivacii v sovremennom russkom âzyke [Plurality of word-formation motivation in modern Russian language]. Rostov n/d: Publishing house Rostov. University (In Russian).

17. Širšov I.A. Teoretičeskie problemy gnezdovaniâ [Theoretical problems of nesting]. Moscow (In Russian).

Поступила в редакцию 20.06.2025 г.

ON WORD-FORMATION FEATURES OF NATIVE AND BORROWED ECONOMIC TERMINOLOGY IN JOURNALISTIC TEXTS OF 2010–2020s

Chen Xiaoyu

The paper considers the word-formation features of economic terms in journalistic texts of the 2010-2020s (mainly in the newspapers Kommersant, Zavtra, News), including neologisms that appear at this time, their productivity, word-formation motivation and word-formation variants. Economic terminology is formed under the influence of the tendency towards internationalization of terminological vocabulary, as well as its adaptability and accuracy, which is manifested in the use of borrowed and Russian morphemes in the formation of economic terms, including suffixes expressing abstract meanings. In the formation of terminology in the economic sphere, the regularity and repeatability of word-formation formants ensure the implementation of the nominative function of the language, clarity and accuracy of the designation of an economic phenomenon or concept. In the course of the study, the method of componential analysis, the method of semantic analysis, statistical (for analyzing the frequency of use of terms), and descriptive (contextual) analysis have been used.

Key words: economic terms, productivity, derivative, word-formation motivation, non-unique motivation, unique motivation, top of a word-formation nest, a derivative, a detivational word.

Чэнь Сяоюй.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аспирант, кафедра русского языка.

ORCID: 0009-0002-3019-0397.

E-mail: st106496@student.spbu.ru.

Chen Xiaoyu.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation.

Post-graduate student, Department of Russian language.

ORCID: 0009-0002-3019-0397.

E-mail: st106496@student.spbu.ru.

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

Научная статья

УДК 81-25

DOI: 10.5281/zenodo.16265340

ЧАСТОТНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ И ДИСТРИБУЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ГОЛОСОВЫХ СООБЩЕНИЙ: ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ РАЗЛИЧИЙ¹⁴

© 2025 Ю. Калиничева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
ORCID 0009-0004-1329-1844

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию голосовых сообщений (ГС) как одного из новых каналов компьютерно-опосредованной коммуникации, обладающего устной модальностью в письменной среде и технической детерминированностью. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения новой речевой практики и выявления психотипологических особенностей говорящих в цифровой коммуникации. Цель работы – выявить лексико-грамматические особенности ГС экстравертов и интровертов на основе анализа частотной лексики. Эмпирической базой стал корпус из 120 реальных ГС студентов-филологов, затранскрибированных вручную. С применением корпусного подхода к сбору материала и метода количественного анализа составлены частотные списки для всего корпуса голосовых сообщений и отдельные – для экстравертов и интровертов. Результаты показали, что ГС по частотному распределению лексики и частей речи сопоставимы с корпусами устной речи. Сопоставительный анализ не показал различий между экстравертами и интровертами на уровне общей частеречной дистрибуции, установлены различия в использовании местоимений (*ты / я*), модальной частицы *бы*. Исследование демонстрирует перспективность частотных методов в сочетании с психолингвистическим подходом для анализа речевых стратегий в цифровой устной коммуникации.

Ключевые слова: голосовое сообщение, компьютерно-опосредованная коммуникация, частотный анализ, экстраверсия, интроверсия, спонтанная речь.

Для цитирования: Калиничева Ю. Частотный анализ лексики и дистрибуция частей речи голосовых сообщений: опыт моделирования различий / Ю. Калиничева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 142–153. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16265340>.

Введение. Вследствие стремительного перехода общества к цифровой коммуникации возникли новые речевые практики и жанры *компьютерно-опосредованной коммуникации* (КОК), среди которых *голосовое сообщение* (ГС) занимает особое место. Его гибридность – появление устной модальности в письменной электронной среде, техническая асинхронность и монологическая форма при диалогической направленности, мультимодальность, полиадресность, высокая «технологическая» детерминированность, неопределенность номинативного статуса

¹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта СПбГУ «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта» (проект № 124032900006-1).

(жанр, канал коммуникации, субжанр), – а также активное обсуждение голосовых сообщений в общественном пространстве делают их уникальным объектом лингвистического анализа. Исследования ГС на русскоязычном материале пока единичны (см. [5; 12; 13]), а факторы взаимодействия лексического состава с психотипологическими особенностями говорящего (экстраверсия / интроверсия) практически не изучены. Это обуславливает *актуальность исследования*, которая заключается в необходимости описания лексико-грамматических особенностей нового компьютерно-опосредованного жанра. Одновременно в сегодняшней прикладной лингвистике набирают силу частотные методы, позволяющие выявлять закономерности употребления лексики в больших массивах данных. Такой анализ позволяет глубже понять принципы функционирования языка, служит важной теоретической и прикладной базой для лексикографии, преподавания языка, автоматической обработки текста и других направлений лингвистических исследований [16, с. 93]. В этом заключается *теоретическая и практическая* значимость работы. В целом растет интерес к взаимосвязи психологических особенностей с речевыми практиками в интернете (см., например, [23]). Таким образом, *цель* настоящей работы – смоделировать лексико-грамматические различия ГС экстравертов и интровертов на базе анализа частотной лексики и количественных и качественных расхождений в полученных данных. *Научная новизна* исследования состоит в использовании оригинального эмпирического материала – транскриптов голосовых сообщений с сохранением признаков спонтанной речи, – а также в применении методов корпусной лингвистики и проведении анализа, основанного на типологических различиях речевого поведения, соотносимых с психотипами коммуникантов.

Материал и методы исследования. Материалом исследования стала повседневная разговорная речь, организованная в подкорпус из 120 голосовых сообщений студентов-филологов в возрасте 21-23 лет, расшифрованных вручную на основе слухового анализа и проаннотированных в соответствии с принципами корпуса «Один речевой день» (см. о нем подробнее [14]). Общее время звучания подкорпуса – ~ 79 минут. Токенизация, лемматизация данных и частеречная разметка выполнены при помощи морфоанализатора Mystem (версия 3.1). Автоматически снятая омонимия, токенизация и лемматизация корректировались вручную.

Особой ценностью материала является то, что он не был собран путем элицитации, специально для исследования. Рассматриваемые ГС представляют примеры реального функционирования устной речи в цифровой коммуникации. Ср.: «корпуса спонтанных дискурсов являются основным источником экологически чистых языковых данных» [18, с. 8]. Общение с помощью голосовых сообщений не предполагает присутствия исследователя в среде информанта, поэтому пользователи не прибегают к планированию и корректировке речи или цензурированию собственных высказываний, если это не обусловлено контекстом общения. Полученные транскрипты обладают высоким лингвистическим потенциалом, так как ГС фиксируют живую речь, что делает их особенно ценными для изучения лексики современного русского языка и ее лексикографического описания. Важным является и то, что голосовые сообщения отражают речевые особенности молодых людей, демонстрируя динамику разговорной нормы, семантические сдвиги отдельных лексем и экспрессивных средств.

Психотипы информантов определялись при помощи двух методик в онлайн-форматах: Личностного опросника ЕРІ [7] и Пятифакторного опросника личности 5PFQ в адаптации А.Б. Хромова [19]. Сообщения информантов с неустойчивым психотипом не учитывались. В итоге подкорпус включает в себя 120 ГС, 10 885 токенов, полученных от

шести информантов. На его основе были выделены два подкорпуса – сообщения экстравертов (40 единиц, 1904 токена), и сообщения интровертов (40 единиц, 6364 токена).

Основная часть. После обработки массива данных стал возможным дальнейший анализ голосовых сообщений, в том числе с точки зрения лексического распределения. «Построение частотных словарей – традиционный метод современных лексикографических исследований на базе лингвистических корпусов» [14, с. 103]. Сегодня такие словари широко применяются в лингвистических корпусных исследованиях. В частности, важным этапом стало создание «Нового частотного словаря русской лексики» на материале Национального корпуса русского языка [9], в котором представлены данные по употреблению слов в различных функциональных стилях. Подобные списки позволяют объективно фиксировать языковую норму и ее варьирование, а также сопоставлять лексические профили разных групп говорящих. За последние десятилетия было создано большое количество частотных словарей, в том числе впервые был составлен частотный список словоформ живой спонтанной речи [14].

В рамках настоящего исследования было составлено три частотных списка – для всего массива ГС, а также отдельные списки лемм из речи экстравертов и интровертов.

Общий частотный список для 120 голосовых сообщений показан в таблице 1. В представленных частотных списках было решено не использовать стоп-слова и оставить «несловарные» элементы устной речи (в частности, паузы хезитации). Такой подход обусловлен исследовательскими задачами: голосовое сообщение представляет собой сравнительно новый и жанрово неустойчивый формат речи, и думается, что на данном этапе анализа важно не столько вычленение ключевой лексики, сколько фиксация общего лексико-морфологической специфики жанра.

Таблица 1. Лексическое ядро голосовых сообщений

Лемма	Ранг	N	%
<i>я</i>	1	627	5,76
<i>не</i>	2	311	2,86
<i>и</i>	3	301	2,77
<i>ну</i>	4	239	2,2
<i>что</i>	5	230	2,11
<i>вот</i>	6	220	2,02
<i>быть</i>	7	211	1,94
<i>в</i>	8	210	1,93
<i>это</i>	9	195	1,79
<i>а</i>	10	190	1,75

Частотный список голосовых сообщений отражает преобладание служебных и местоименно-глагольных единиц, характерных для спонтанной устной речи. Высокая частотность дискурсивных и модальных элементов – *ну*, *вот*, *что*, *а* – свидетельствует о высоком уровне спонтанности речи и необходимости дискурсивных маркеров, организующих устное высказывание. По первым строкам видно, что структура ГС насыщена личностной, оценочной и реактивной лексикой. С точки зрения интерпретации результатов интересным представляется сравнение полученного частотного списка устной речи с другим частотным списком живой разговорной речи, созданным и описанным в рамках коллективной монографии исследовательским коллективом СПбГУ [14, с. 107–109]. Для этого была создана сводная таблица 2.

Таблица 2. Сопоставительная таблица частотных словарей корпусов ГС и ОРД

Слово	Ранг ГС	%	Ранг ОРД	%
<i>я</i>	1	5,76	1	2,56

<i>не</i>	2	2,86	4	2,32
<i>и</i>	3	2,77	7	1,8
<i>ну</i>	4	2,2	3	2,33
<i>что</i>	5	2,11	8	1,78
<i>вот</i>	6	2,02	2	2,33
<i>быть</i>	7	1,94	96	0,13
<i>в</i>	8	1,93	9	1,72
<i>это</i>	9	1,79	10	1,68
<i>а</i>	10	1,75	6	1,95

Из таблицы 2 видно, что лексическое ядро ГС почти полностью совпадает с ядром ОРД, особенно по первым 5-6 позициям. При этом виден «сдвиг» в употреблении местоимения *я* в голосовых сообщениях (разница в 2,25 %). Вероятно, это связано с тем, что ГС – преимущественно фатический жанр, служащий для выражения эмоций и личного отношения адресанта к чему-либо. Ср. комментарий Н.В. Орловой и респондентов, участников эксперимента, о ГС как источнике сведений о коммуникативных нормах и ценностях: «К явным (и называемым) достоинствам устной речи относят ее способность передавать эмоциональную семантику, "атмосферу": С друзьями поем иногда друг другу или делимся эмоциями; «Единственное и оперативное средство для передачи звуковой атмосферы (в отсутствие телефонной связи); [использую голосовое сообщение] когда важно передать эмоциональный фон информации» [12, с. 63].

К тому же важно заметить, что частотный словарь ОРД составлялся не по леммам, а по словоформам, что влияет на результат. Отсутствие глагола *быть* в частотном словнике, по материалу ОРД, закономерно: частота вхождений считалась по словоформам, а не по лемме {*быть*}.

Интересным показалось смещение «абсолютного "лидера" во всех социолектах <...> маркера ВОТ» на 6 позицию [1, с. 20]. Возможно, это связано с составом выборки: представляется, что филологи, как профессиональные носители русского языка, склонны к повышенной речевой рефлексии и стараются избегать чрезмерного использования таких прагматических маркеров, которые традиционно (до развития прагматики) относились к «словам-паразитам», или «мусорным словам». Ср., например, «Характерными чертами речи филологов испытуемые преимущественно называют отсутствие грубой и нецензурной лексики, низкую частотность использования в речи слов-паразитов. Кроме того, большой группой испытуемых особо отмечается признак "умение следить за своей речью"» [15, с. 14]. Вместо полифункционального прагматического маркера *вот* филологи, возможно, прибегнут к использованию других маркеров.

Для иллюстративного представления лексического состава подкорпуса голосовых сообщений было построено *облако слов*, отражающее частотность употребления словоформ (см. рис. 1). Размер каждой единицы пропорционален ее абсолютной частоте в корпусе. Такой способ визуализации позволяет быстро выявить наиболее употребительные элементы и общую направленность речевого материала.

Рисунок 1. Облако слов голосовых сообщений

Ряд исследований позволяет сделать вывод о том, что корреляция между экстраверсией/интроверсией и особенностями устной речи существует в явном виде на разных уровнях, ср.: «Экстраверты говорят больше, громче, с бóльшим количеством повторов, с меньшим количеством пауз и хезитаций, у них более высокий темп речи и менее формальный язык, в то время как у интровертов более широкий словарный запас и речь в среднем богаче» [2, с. 52]. Учитывая выявленную в ряде психолингвистических исследований связь между чертами личности и характеристиками устной речи, в настоящей работе была предпринята попытка эмпирической проверки данной зависимости на материале голосовых сообщений – путем анализа лексического состава и морфологического распределения единиц. Подобный анализ лексики экстравертов (ЭТ) и интровертов (ИТ) позволяет выявить количественные и качественные различия в их речевом поведении.

Группу высокочастотных слов, подвергнутых дальнейшему анализу, составили по 20 единиц в каждом списке. Эти списки показаны в таблице 3.

Таблица 3. Частотный список лемм в речи разных психотипов

Экстравертная личность				Интровертная личность			
Лемма	Ранг	N	%	Лема	Ранг	N	%
<i>я</i>	1	113	5,93	<i>я</i>	1	416	6,54
<i>не</i>	2	56	2,94	<i>не</i>	2	200	3,14
<i>и</i>	3	51	2,68	<i>ну</i>	3	179	2,81
<i>в</i>	4	45	2,36	<i>и</i>	4	167	2,62
<i>что</i>	5	40	2,1	<i>вот</i>	5	146	2,29
<i>ты</i>	6	35	1,84	<i>что</i>	6	140	2,2
<i>вот</i>	7	34	1,79	<i>это</i>	7	133	2,09
<i>он</i>	8	32	1,68	<i>быть</i>	8	131	2,06
<i>как</i>	9	31	1,63	<i>а</i>	9	124	1,95
<i>б***ь</i>	10	30	1,58	<i>в</i>	10	114	1,79
<i>быть</i>	11	29	1,52	<i>то</i>	11	96	1,51
<i>у</i>	12	25	1,31	<i>как</i>	12	87	1,37
<i>ну</i>	13	23	1,21	<i>он</i>	13	74	1,16

<i>а</i>	14	21	1,1	<i>все</i>	14	69	1,08
<i>мы</i>	15	20	1,05	<i>знать</i>	15	67	1,05
<i>все</i>	16	20	1,05	<i>на</i>	16	66	1,04
<i>там</i>	17	19	1	<i>с</i>	17	64	1,01
<i>она</i>	18	19	1	<i>бы</i>	18	64	1,01
<i>просто</i>	19	18	0,95	<i>у</i>	19	64	1,01
<i>знать</i>	20	18	0,95	<i>такой</i>	20	61	0,96

Для сопоставления лексических особенностей речи интровертов и экстравертов частотные списки были объединены. В результате объединения и удаления дублирующихся лемм был получен сводный список из 26 лемм (таблица 4).

Таблица 4. Сопоставительный анализ частотных списков голосовых сообщений ИТ и ЭТ

Лемма	Экстраверты		Интроверты		Разница долей (%)
	N	%	N	%	
<i>а</i>	21,0	1,1	124,0	1,95	-0,85
<i>б***б</i>	30,0	1,58	21,0	0,33	1,25
<i>бы</i>	0,0	0,0	64,0	1,01	-1,01
<i>быть</i>	29,0	1,52	131,0	2,06	-0,54
<i>в</i>	45,0	2,36	114,0	1,79	0,57
<i>вот</i>	34,0	1,79	146,0	2,29	-0,5
<i>все</i>	20,0	1,05	69,0	1,08	-0,03
<i>знать</i>	18,0	0,95	67,0	1,05	-0,1
<i>и</i>	51,0	2,68	167,0	2,62	0,06
<i>как</i>	31,0	1,63	87,0	1,37	0,26
<i>мы</i>	20,0	1,05	58,0	0,91	0,14
<i>на</i>	15,0	0,79	66,0	1,04	-0,24
<i>не</i>	56,0	2,94	200,0	3,14	-0,2
<i>ну</i>	23,0	1,21	179,0	2,81	-1,6
<i>он</i>	32,0	1,68	74,0	1,16	0,52
<i>она</i>	19,0	1,0	52,0	0,82	0,18
<i>просто</i>	18,0	0,95	56,0	0,88	0,18
<i>с</i>	13,0	0,68	64,0	1,01	-0,33
<i>такой</i>	14,0	0,7	61,0	0,96	-0,26
<i>там</i>	19,0	1,0	56,0	0,88	0,12
<i>то</i>	16,0	0,84	96,0	1,51	-0,67
<i>ты</i>	35,0	1,84	45,0	0,7	1,14
<i>у</i>	25,0	1,31	64,0	1,01	0,3
<i>что</i>	40,0	2,1	140,0	2,2	-0,1
<i>это</i>	15,0	0,78	133,0	2,09	-1,3
<i>я</i>	113,0	5,93	416,0	6,54	-0,61

Сопоставительный анализ позволяет понять, насколько чаще или реже встречается слово в транскриптах ГС экстравертов и интровертов. Показательной является разница долей в относительной частоте слова. Положительные значения в столбце указывают на преобладание леммы в речи ЭТ, отрицательные – в речи ИТ.

Целесообразно отметить, что частотные словари, составленные в рамках настоящей работы, безусловно, не могут рассматриваться как строго статистически обоснованные. В отличие от масштабных проектов, построенных на десятках миллионов словоупотреблений, настоящая выборка существенно меньше по объему и охватывает

ограниченное число говорящих. Более того, списки ГС в таком объеме чувствительны к речевому поведению отдельных языковых личностей, что может искажать реальную частотность лексем. Полученные данные позволяют лишь наметить различия в речи экстравертов и интровертов и служат иллюстративной основой для подтверждения или опровержения гипотез об их речевом поведении.

Одним из потенциально значимых маркеров может быть употребление местоимений. Более высокая относительная частота местоимения *ты* в ГС экстравертов может быть подтверждением их ориентации «вовне», ср.: «Реакция во вне характерна для экстравертного, подобно тому, как реакция вовнутрь – для интровертного типа» [20, с. 394]. Это отражает характерную для ЭТ склонность к внешней фокусировке и активному взаимодействию, проявляющихся в том числе в интернет-общении. Ср.:

- 1) [И1, Ж, ЭТ]: *чё ты делаешь? / ты щас будешь спать? // как твоё самочувствие-то вообще;*
- 2) [И1, Ж, ЭТ]: *я [действительно / редко ем чужую еду если ты так хочешь-шь [что-нибудь попробовать /*В я могу просто в следующий раз-з / если я буду готовить много-о / тебя просто так [угостить;*
- 3) [И2, М, ЭТ]: *просто ты уже стал какой-то *В [типа ты всё как кринж воспринимаешь;*
- 4) [И2, М, ЭТ]: *ни**** Серый расскажи пожалуйста как ты это [типа как ты до этого дошел / как ты это нашел.*

О сравнительно большей ориентации на собеседника свидетельствует также более низкая частота местоимения *я* в подкорпусе ЭТ в сравнении с речью ИТ. Эта черта интровертной личности была упомянута в исследовании Ф. Мэресса и др. [22]: «они [исследования] повторяют предыдущие результаты и выявляют новые маркеры личности, такие как местоимения первого лица единственного числа (например, *I don't*)» [22, с. 462].

Десятое место в частотном списке подкорпуса экстравертов заняла лемма {*бл*ть*}, однако это не позволяет сделать обобщенный вывод о высокой степени употребления ненормативной лексики представителями экстравертного типа. Следует учитывать, что наиболее активно употреблял данную лексику информант И2, единственный мужчина в выборке. Согласно данным «наиболее мужских слов» [14, с. 114], слово *бл*ть* занимает первое место по разности долей в речи информантов-мужчин, что указывает, скорее, на гендерные особенности речевого поведения, чем на типологические характеристики экстраверсии.

Отдельного внимания заслуживает модальная частица *бы*. На корпусном исследовании Н.Р. Добрушиной были выявлены функционально-семантические реализации данной частицы в таких контекстах, как: контрфактивные и гипотетические условные конструкции (27 % употреблений); альтернативное развитие событий, не реализовавшихся в действительности, и толкование (27 %); некатегоричные формы просьб, пожеланий, суждений (19 %), потенциальные будущие события с низкой степенью определенности (6 %) [3, с. 303]. Таким образом, модальная частица *бы* отражает неуверенность, предположительность, отстраненность от утверждаемого и ориентацию на возможные, но не реализованные сценарии, что коррелирует с психологическим профилем интроверта как субъекта, склонного к рефлексии, внутреннему планированию и осторожному выражению позиции. Ср.:

- 5) [И5, Ж, ИТ]: *ну в конце он как-то подвёл это к тому что-о-о Штаты [вроде бы ка-ак пришельцев подтвердили существ...;*

- 6) [И6, Ж, ИТ]: *такая типа я вообще-то сюда ну-у в целом не за деньгами шла то есть даже / если **бы** я шла работать / то-о-о [мне не принципиально было **бы** сколько платили;*
- 7) [И6, Ж, ИТ]: *то что ну-у [**как бы** это [каждый человек под себя лично подбирает // и **как бы** ну вот всё такое.*

В контекстах (5) и (7) очевидна *аппроксимативная*¹⁵ функция данной частицы. Эти прагматические свойства соотносятся с широкой стратегией хеджирования, которую ИТ используют значительно чаще, чем ЭТ. По данным Е.Д. Костиной, интроверты хеджируют в 4,34 раза чаще экстравертов [6], по данным Сян Янань, – в 2 раза [17].

Частотные списки выполняют функцию первичного индикатора лексико-прагматических стратегий двух психотипов: экстраверты чаще прибегают к экспрессивно-обращенной речи, интроверты – к рефлексивно-модальной. Поскольку объем выборки ограничен, выявленные тенденции следует рассматривать как предварительные. Однако они очерчивают направления для более масштабной проверки гипотез об особенностях личности, проявляющихся в устной КОК.

В упомянутой работе Ф. Мэресса и др. [22] на основе анализа предшествующих исследований была составлена обобщающая таблица, фиксирующая характерные языковые особенности ИТ и ЭТ на различных языковых уровнях [22, с. 461]. В частности, были выявлены различия и на морфологическом уровне: речь ЭТ характеризуется большей частотностью существительных, прилагательных и предлогов, тогда как для ИТ типично более активное использование глаголов, наречий и местоимений. Однако большинство обобщенных исследований было выполнено на материале английского языка. Исследование Е.Д. Костиной на материале русского языка не выявило существенных различий в дистрибуции частей речи (ЧР) экстравертов и интровертов [6, с. 87].

Для выявления потенциальных различий между психотипами в морфологической организации голосовых сообщений был проведен количественный анализ распределения ЧР в подкорпусах сообщений ЭТ и ИТ. На основе проведенной разметки были подсчитаны абсолютные и относительные частоты использования частей речи в классификации НКРЯ. Полученные данные представлены в таблице 5, из которой видно, что существенных различий в относительной частоте употребления частей речи в голосовых сообщениях экстравертов и интровертов не обнаружено. Из этого можно сделать вывод, что в целом ГС достоверно отражают особенности реальной разговорной речи вне зависимости от психотипа говорящего: дистрибуция ЧР в проанализированных данных соответствует результатам сопоставления устной и письменной форм речи, проведенного на материале основного подкорпуса НКРЯ (письменная речь) и корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (устная речь), ср.: «В повседневной устной и в письменной формах нашей речи практически одинаково часто используются глаголы – по 17 %» [4, с. 246]. В устной речи, по данным ОРД, первое место занимают глаголы (17,2 %), затем существительные (15,8 %) и местоимения-существительные (15,5 %), частицы (15,7 %), предлоги (7,9 %) и наречия (7,6 %) [там же].

¹⁵ Ср.: «Понятия хеджирования и аппроксимации рассматриваются как условные синонимы, под ними понимается прагматическая стратегия, выполняющая функцию "страхования" говорящего в случае сомнения в достоверности, снимающая с говорящего ответственность за сказанное, а также позволяющая дистанцироваться от высказывания» [17, с. 48].

Таблица 5. Распределение словоупотреблений в ГС экстравертов и интровертов

Части речи	Экстраверты		Интроверты	
	N	%	N	%
V	327	17,18	1014	15,96
S	308	16,18	940	14,79
SPRO	288	15,13	954	15,01
PART	198	10,4	838	13,19
CONJ	200	10,51	640	10,07
ADV	147	7,72	546	8,59
PR	147	7,72	494	7,77
APRO	79	4,15	317	4,99
ADVPRO	82	4,31	290	4,56
A	60	3,15	200	3,15
INTJ	39	2,05	73	1,15
NUM	19	1,0	34	0,54
ANUM	9	0,47	15	0,24

Если корреляция между психотипами и жанровыми особенностями ГС и существует, то, вероятно, не на уровне общей частеречной дистрибуции, а в пределах конкретных грамматических категорий. Однако проверка подобных гипотез требует отдельного, более детального исследования.

Полученные результаты распределения ЧР совпадают с полученными на материале ОРД, что еще раз подтверждает значимость исследований в области спонтанной речи и необходимость постоянной проверки полученных результатов на разном материале.

На сегодняшний день ГС видится как специфический информационно-фатический гипержанр компьютерно-опосредованной коммуникации с преобладанием фатики, главным жанрово-детерминирующим признаком которого является технический параметр. Н.С. Пластун в числе жанрообразующих признаков ГС выделяет следующие: «социокультурный параметр "неудобства", преобладание фатики в коммуникативной цели, компьютерную опосредованность коммуникации, непривычность устной модальности для собеседников в письменной виртуальной среде, наличие условий для создания голосового сообщения» [13, с. 75]. При этом именно техническая возможность создания ГС является главной жанровой детерминацией, как и для других жанров КОК. Ср. комментарий М.Л. Макарова: «направления развития жанров в эпоху все возрастающей зависимости общения от технических средств задаются именно технологией, определяющей "формат" общения» [10, с. 351], « в процессе формирования новых жанров на фоне других факторов все более заметную, а иногда и просто определяющую роль играет ранее не принимавшийся всерьез "технический", а точнее – "технологический" критерий» [8, с. 164].

Заключение. Настоящее исследование было направлено на выявление лексико-грамматических особенностей голосовых сообщений в цифровой коммуникации с учетом психотипологических различий говорящих. На основе вручную затранскрибированного и морфологически размеченного подкорпуса, включающего 120 голосовых сообщений студентов-филологов, были составлены частотные списки лексем и сводная таблица дистрибуции частей речи, с последующим сопоставлением речевых данных экстравертов и интровертов. Результаты показали, что голосовые сообщения, несмотря на их технологическую специфику, сохраняют ключевые черты спонтанной устной речи и совпадают по частотным характеристикам

с общеразговорными корпусами; различия между экстравертами и интровертами проявляются в распределении прагматически нагруженной лексики. Частеречная дистрибуция совпадает в обеих группах, что позволяет говорить о жанровой устойчивости ГС как новой формы повседневного речевого взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова-Бегларян Н.В. Прагматические маркеры русской повседневной речи: количественные данные / Н.В. Богданова-Бегларян, О.В. Блинова, Т.Ю. Шерстинова, Е.В. Трошенкова, Д.А. Горбунова, К.Д. Зайдес., Т.И. Попова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2021. – С. 119–126. – DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-119-126.
2. Горбунова Д.А. Прагматические маркеры русской устной речи: корреляция с психотипом говорящего: дисс. канд. филол. наук / Д.А. Горбунова. – СПб., 2021. – 138 с.
3. Добрушина Н.Р. Семантика частиц бы и б / Н.Р. Добрушина // Корпусные исследования по русской грамматике. – М., 2009. – С. 283–313.
4. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. – 396 с.
5. Каминская А.В. Жанрово-тематическое разнообразие повседневного дискурса как проявление коммуникативных ценностей общества (на материале голосовых сообщений) / А.В. Каминская // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – 2022. – № 3 (108). – С. 163–172. – DOI: 10.23859/1994-0637-2022-3-108-12.
6. Костина Е.Д. Спонтанный монолог-рассказ на русском языке: психолингвистический аспект: выпускная квалификационная работа / Е.Д. Костина. – СПб., 2023. – 144 с.
7. Личностный опросник ЕРІ (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов. – М.: КСП, 1995. – С. 217–224.
8. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. / О.В. Лутовинова. – Волгоград: Перемена, 2009. – 477 с.
9. Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. – 1090 с.
10. Макаров М.Л. Жанры в электронной коммуникации: Quo vadis? / М.Л. Макаров // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2005. – С. 336–352.
11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).
12. Орлова Н.В. Голосовые сообщения как источник сведений о коммуникативных нормах и ценностях / Н.В. Орлова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2018. – № 3. – С. 57–66. – DOI: 10.17516/2311-3499-028.
13. Пластун Н.С. Голосовые сообщения в соцсетях: проблема жанра: выпускная квалификационная работа / Н.С. Пластун. – М., 2021. – 173 с.
14. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. – СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.
15. Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога (психолингвистическое исследование): автореферат дис. ... докт филол. наук / М.С. Саломатина. – Воронеж, 2005. – 24 с.
16. Се Жои. Высоочастотные слова в спонтанных монологах-описаниях: методика создания частотного списка для лексического анализа / Жои Се. // Вестник Донецкого нац. ун-та. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 3. – С. 92–102. – DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.15301555>.
17. Сян Янань. Прагматические маркеры-аппроксиматоры в русской повседневной речи: комплексный анализ: дис. ... канд. филол. наук / Янань Сян. – СПб., 2025. – 204 с.
18. Федорова О.В. Психолингвистические исследования дискурса в полевой лингвистике / О.В. Федорова // Социо- и психолингвистические исследования. – 2016. – № 4. – С. 6–17.
19. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие / А.Б. Хромов. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – 50 с.
20. Юнг К.Г. Психологические типы / Под общ. ред. В. Зеленского. – СПб.: Ювента, М.: Изд. фирма «Прогресс-Универс», 1995. – 715 с.
21. Dennis A.S. The Power of Introverts: Personality and Intelligence in Virtual Teams / A.S. Dennis, J.B. Barlow, A.R. Dennis // Journal of Management Information Systems. – 2022. – № 39(1). – Pp. 102–129. – DOI:10.1080/07421222.2021.2023408.

22. Mairesse F. Using linguistic cues for the automatic recognition of personality in conversation and text / F. Mairesse, M.A. Walker, M.R. Mehl, R.K. Moore // *Journal of Artificial Intelligence Research*. – 2007. – № 30. – Pp. 457–500. – DOI: <https://doi.org/10.1613/jair.2349>.

23. Tackman A.M. Personality in Its Natural Habitat' Revisited: A Pooled, Multi-sample Examination of the Relationships Between the Big Five Personality Traits and Daily Behaviour and Language Use / A.M. Tackman, E.N. Baranski, A.F. Danvers, D.A. Sbarra, C.L. Raison, S.A. Moseley, A.J. Polsinelli, M.R. Mehl // *European Journal of Personality*. – 2020. – № 34(5). – Pp. 753–776. – DOI: 10.1002/per.2283.

REFERENCES

1. Bogdanova-Beglaryan N.V., Blinova O.V., Sherstinova T.Yu., Troshchenkova E.V., Gorbunova D.A., Zaides K.D., Popova T.I. (2021). Pragmatische markery russkoi povsednevnoi rechi: kolichestvennye dannye [Pragmatic markers of Russian everyday speech: Quantitative data]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*, 119–126. – DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-119-126. (In Russian).
2. Gorbunova D.A. (2021). Pragmatische markery russkoi ustnoi rechi: korrelyatsiya s psixotipom govoryashchego [Pragmatic markers of Russian oral speech: Correlation with the speaker's psychotype] (Candidate's dissertation). Saint Petersburg. (In Russian).
3. Dobrushina N.R. (2009). Semantika chastits by i b [The semantics of particles by and *b*]. In *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike* (pp. 283–313). Moscow. (In Russian).
4. Zvukovoi korpus kak material dlya analiza russkoi rechi. Chast 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 1 [Sound corpus as material for the analysis of Russian speech. Part 2. Theoretical and practical aspects of analysis. Vol. 1] (N.V. Bogdanova-Beglaryan, Ed.). (2014). Saint Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU. (In Russian).
5. Kaminskaya A.V. (2022). Zhanrovo-tematicheskoe raznoobrazie povsednevnogo diskursa kak proyavlenie kommunikativnykh tsennostei obshchestva (na materiale golosovykh soobshchenii) [Genre and thematic diversity of everyday discourse as a manifestation of society's communicative values (based on voice messages)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(108), 163–172. (In Russian). – DOI: 10.23859/1994-0637-2022-3-108-12.
6. Kostina E.D. (2023). Spontannyy monolog-rasskaz na russkom yazyke: psikholingvisticheskii aspekt [Spontaneous monologue-narration in Russian: Psycholinguistic aspect] (Bachelor's thesis). Saint Petersburg. (In Russian).
7. Lichnostnyi oprosnik EPI (metodika G. Ayzenka) [EPI Personality Questionnaire (H. Eysenck's method)]. (1995). In *Almanakh psikhologicheskikh testov* (pp. 217–224). Moscow: KSP. (In Russian).
8. Lutovinova O.V. (2009). Lingvokulturologicheskie kharakteristiki virtualnogo diskursa [Linguocultural characteristics of virtual discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
9. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. (2009). Chastotnyi slovar sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka) [Frequency dictionary of modern Russian (based on the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian).
10. Makarov M.L. (2005). Zhanry v elektronnoi kommunikatsii: Quo vadis? [Genres in electronic communication: Quo vadis?]. *Zhanry rechi*, 336–352. (In Russian).
11. Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Retrieved March 10, 2025, from <http://www.ruscorpora.ru/>
12. Orlova N.V. (2018). Golosovye soobshcheniya kak istochnik svedenii o kommunikativnykh normakh i tsennostyakh [Voice messages as a source of information about communicative norms and values]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 3, 57–66. (In Russian). – DOI: 10.17516/2311-3499-028.
13. Plastun N.S. (2021). Golosovye soobshcheniya v sotsetyakh: problema zhanra [Voice messages in social networks: The problem of genre] (Bachelor's thesis). Moscow. (In Russian).
14. Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsialnykh gruppakh [Russian everyday communication: Features of functioning in different social groups] (N.V. Bogdanova-Beglaryan, Ed.). (2016). Saint Petersburg: LAIKA. (In Russian).
15. Salomatina M.S. (2005). Kommunikativnaya lichnost filologa (psikholingvisticheskoe issledovanie) [The communicative personality of a philologist (a psycholinguistic study)] (Doctoral dissertation abstract). Voronezh. (In Russian).
16. Xie Ruoyi. (2025). Vysokochastotnye slova v spontannykh monologakh-opisaniyakh: metodika sozdaniya chastotnogo spiska dlya leksicheskogo analiza [High-frequency words in spontaneous descriptive monologues: A method for compiling a frequency list for lexical analysis]. *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*, 3, 92–102. (In Russian). – DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.15301555>.

17. Xiang Yanan. (2025). Pragmaticheskie markery-approksimatory v russkoi povsednevnoi rechi: kompleksnyi analiz [Pragmatic approximator markers in Russian everyday speech: A comprehensive analysis] (Candidate's dissertation). Saint Petersburg. (In Russian).
18. Fedorova O.V. (2016). Psikholingvisticheskie issledovaniya diskursa v polevoi lingvistike [Psycholinguistic discourse studies in field linguistics]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya, 4*, 6–17. (In Russian).
19. Khromov A.B. (2010). Pyatifaktornyi oprosnik lichnosti [Five-Factor Personality Questionnaire]. Kurgan: Kurganskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian).
20. Jung C.G. (1995). Psikhologicheskie tipy [Psychological types] (V. Zelenskii, Ed.). Saint Petersburg: Yuventa; Moscow: Progress-Univers. (In Russian).
21. Dennis A.S., Barlow J.B., Dennis A.R. (2022). The power of introverts: Personality and intelligence in virtual teams. Journal of Management Information Systems, 39(1), 102–129. – DOI:10.1080/07421222.2021.2023408.
22. Mairesse F., Walker M.A., Mehl M.R., Moore R.K. (2007). Using linguistic cues for the automatic recognition of personality in conversation and text. Journal of Artificial Intelligence Research, 30, 457–500. – DOI: <https://doi.org/10.1613/jair.2349>.
23. Tackman A.M., Baranski E.N., Danvers A.F., Sbarra D.A., Raison C.L., Moseley S.A., Polsinelli A.J., Mehl M.R. (2020). Personality in its natural habitat' revisited: A pooled, multi-sample examination of the relationships between the Big Five personality traits and daily behavior and language use. European Journal of Personality, 34(5), 753–776. – DOI: 10.1002/per.2283.

Поступила в редакцию 27.05.2025 г.

FREQUENCY ANALYSIS OF LEXIS AND DISTRIBUTION OF PARTS OF SPEECH IN VOICE MESSAGES: EXPERIENCE IN MODELING DIFFERENCES

Y. Kalinicheva

The article deals with the study of voice messages (VM) as one of the new channels of computer-mediated communication, possessing oral modality in a written environment and technical determinism. The relevance of the study is determined by the need to study new speech practices and identify the psychotypological characteristics of speakers in digital communication. The aim of the work is to identify the lexical and grammatical features of VM of extroverted and introverted personalities based on the analysis of frequent vocabulary. The empirical basis was a corpus of 120 real VM of philology students, transcribed manually. Using a corpus approach to data collection and quantitative analysis, frequency lists were compiled for the entire corpus of voice messages and separately for extroverts and introverts. The results showed that voice messages are comparable to spoken language corpora in terms of the frequency distribution of vocabulary and parts of speech. A comparative analysis did not reveal any differences between extroverts and introverts in terms of overall part-of-speech distribution, but differences were found in the use of pronouns (*you/I*) and the modal particle *бы*. The study demonstrates the potential of frequency methods in combination with a psycholinguistic approach for analyzing speech strategies in digital oral communication.

Keywords: voice message, computer-mediated communication, frequency analysis, extraversion, introversion, spontaneous speech.

Калиничева Юлия.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Магистрант кафедры русского языка.

ORCID 0009-0004-1329-1844.

E-mail: y_k_01@mail.ru.

Kalinicheva Yuliya.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation.

Master's student of Russian Language Department.

ORCID 0009-0004-1329-1844.

E-mail: y_k_01@mail.ru.

Научная статья

УДК 159.922.8

DOI: 10.5281/zenodo.16265562

ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ У СТУДЕНТОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2025 А.В. Белан

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ORCID 0009-0005-5633-4557

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе исследуется влияние родительской поддержки, автономии и контроля на формирование жизненных стремлений молодежи. В отличие от других исследований, в данной работе анализируются причинно-следственные связи между конкретными аспектами детско-родительских отношений и жизненными целями студентов. На репрезентативной выборке (N=138) показано, что поддержка автономии со стороны родителей способствует развитию внутренних стремлений (самовыражение, значимые отношения), тогда как контроль является предиктором внешних стремлений (известность, влияние, финансовый успех). Интересным результатом исследования является вывод о том, что стремление к «сообществу» (как внутренняя цель) формируется у молодых людей под влиянием родительского контроля. Подтверждено, что внутренние стремления положительно связаны с академической успешностью и субъективным благополучием, а внешние – отрицательно. Результаты подчеркивают ключевую роль детско-родительских отношений в формировании мотивации молодежи.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, родители, жизненные цели, родительская поддержка, родительский контроль, студенты.

Для цитирования: Белан А.В. Формирование жизненных целей у студентов под влиянием детско-родительских отношений / А.В. Белан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 154–164. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16265562>.

Введение. Жизненные цели рассматриваются большинством исследователей наряду с ценностными ориентациями и нравственными идеалами как обобщенная, направляющая характеристика, регулирующая поведение личности. Большинство психологических и социально-психологических исследований сосредоточено на соотношении ценностных ориентаций с механизмами поведения человека, его деятельностью, а также с особенностями социально-психологического климата общества и групп [1; 6; 8].

В настоящем исследовании теоретической основой выступает теория самодетерминации (Self-Determination Theory, или SDT) [19]. Теория самодетерминации (SDT) – это широкая теория человеческой личности и мотивации, связанная с тем, как человек взаимодействует с социальным окружением и зависит от него. Концепция самодетерминации рассматривается как метатеория в том смысле, что состоит из нескольких «мини-теорий», которые объединяются вместе, чтобы предложить комплексное понимание человеческой мотивации функционирования. Она включает в себя: теорию базовых психологических потребностей, теорию организмической интеграции, теорию каузальных ориентаций, теорию когнитивной оценки и последнюю по времени возникновения – теорию содержания целей [3]. Зарубежные работы включают в комплекс теорий SDT также теорию мотивации отношений, которая постулирует идею о том, что

нормальные отношения – те, которые помогают людям удовлетворять их основные психологические потребности в автономии, компетентности и связанности [25].

В соответствии с теорией самодетерминации жизненные цели подразделяются на внешние (богатство, привлекательность, популярность) и внутренние (личностный рост, эмоциональная близость, участие в жизни общества). Внутренние ценности в исследованиях часто классифицируются как просоциальные или самотрансцендентные. Согласно SDT, приоритет внешних целей может давать лишь поверхностное удовлетворение, поскольку они не удовлетворяют базовые психологические потребности [19]. Инвестирование ресурсов во внешние цели ограничивает возможности удовлетворения внутренних потребностей, способных обеспечить более глубокое и устойчивое чувство благополучия. Более того, акцент на внешних целях связан с ухудшением качества социальных связей, усилением социального сравнения и развитием стрессовой, контролирующей и конкурентной среды. Приоритет внешних ценностей также ассоциируется с более низким уровнем психического здоровья и иными негативными последствиями [19; 20; 21].

Отметим, что при изучении взаимосвязи детско-родительских отношений (ДРО) и жизненных целей необходимо учитывать процесс интернализации – усвоения внешних установок и их интеграции в структуру личной идентичности. Исследователи SDT различают контролируемое (внешняя и интроецированная регуляция) и автономное регулирование (интегрированная и внутренняя регуляция) [31; 32]. Отмечается, что подростки способны различать контролируемую и автономную регуляцию ценностей [23]. В данном исследовании интернализация рассматривается как наличие приоритетности определенных ценностей перед другими.

Детско-родительские отношения выступают значимым предиктором формирования жизненных целей. В настоящем исследовании они рассматриваются через призму теории самодетерминации: мы анализируем социальную среду развития с точки зрения удовлетворения базовых психологических потребностей.

В рамках теории самодетерминации выделяются три ключевые потребности подростков: потребность в принадлежности (ощущение близости и заботы в межличностных отношениях), потребность в компетентности (опыт эффективности и мастерства), а также потребность в автономии (ощущение свободы и подлинности в действиях) [34]. Фрустрация этих потребностей имеет негативные психологические последствия: дефицит автономии вызывает ощущение принуждения, фрустрация принадлежности – социальную изоляцию, а неудовлетворенная потребность в компетентности – чувства беспомощности и неуспешности [19].

Одним из механизмов влияния родительства на потребности является родительский контроль, который рассматривается как многомерная конструкция, включающая поведенческий и психологический компоненты [12]. Поведенческий контроль связан со структурированием среды через установление правил и границ, способствующих безопасности и предсказуемости. Психологический контроль, напротив, включает эмоциональное давление, манипуляции и подрыв автономии ребенка. Эффективность поведенческого контроля зависит от его сочетания с теплым, поддерживающим взаимодействием, что подтверждается его защитным эффектом от девиантного поведения [13].

Родительское поведение, удовлетворяющее базовые потребности ребенка в автономии и принадлежности, способствует приоритизации внутренних жизненных целей [21]. В условиях фрустрации этих потребностей ребенок может ориентироваться

на внешние цели, связанные с социальным одобрением, материальным успехом и привлекательностью, что поощряется культурой потребления и сверстниками [35].

Результаты многочисленных исследований подтверждают связь между стилем детско-родительского взаимодействия и характером жизненных целей. Так, у молодых людей, ставящих во главу угла финансовый успех, матери демонстрировали низкий уровень теплоты и отзывчивости [22]. В то же время высокая родительская вовлеченность положительно коррелировала с просоциальной ориентацией подростков [18]. Поддержка автономии родителями ассоциировалась с приоритетом внутренних целей у старшеклассников в Канаде, Китае и США [26], а также с более низкой ориентацией на внешние ценности [35]. В Испании и Бразилии подростки из семей с авторитарными или пренебрежительными родителями проявляли низкий уровень ценностной ориентированности вообще [28; 29]. В других исследованиях обнаружено, что теплые родительские отношения способствуют благожелательной направленности (например, готовность помочь, дружелюбие), тогда как отвержение со стороны родителей ассоциируется с ориентацией на власть [9]. Таким образом, можно говорить о связи авторитарного воспитания с доминированием внешних целей, в то время как авторитетный стиль способствует развитию внутренних, контекстуально релевантных ценностей [22].

Существуют данные, подтверждающие связь между авторитетным стилем воспитания и просоциальным поведением [16; 24]. По мнению молодых людей, именно теплые и отзывчивые отношения с матерью способствуют автономной интернализации просоциальных ценностей [15]. Интернализированные автономно, такие ценности становятся устойчивой частью идентичности и поведения [23]. Напротив, восприятие Бога как карающего, аналогично образу авторитарного родителя, ассоциировалось с агрессивным и менее просоциальным поведением подростков [33]. Однако важно учитывать, что поведенческие проявления не всегда эквивалентны системе ценностей [14].

Несмотря на большое количество исследований, существует теоретико-эмпирический пробел в изучении прямого влияния детско-родительских отношений на формирование жизненных целей именно у студентов. Тогда как проактивное воспитание уже показано как фактор регуляции ценностей [30], большинство исследований сосредоточены на подростковой выборке. В связи с этим данное исследование нацелено на восполнение указанного пробела путем анализа влияния детско-родительских отношений в студенческой среде с опорой на принципы теории самодетерминации.

Материал и методы. В исследовании участвовали студенты (N = 138) из МГУ имени М.В. Ломоносова. Средний возраст респондентов составил 21 год (20,94, ст. откл. – 1,51). Из них лиц женского пола – 46, мужского – 92.

Целью проведенного исследования стал анализ влияния различных составляющих детско-родительских отношений как факторов, влияющих на формирование жизненных целей у молодежи. В состав диагностического портфеля вошли следующие методики:

1. Переведенная методика «Шкала воспринимаемой родительской поддержки автономии» (Perceived Parental Autonomy Support Scale (P-PASS) [27], включающая 6 шкал, включенных в 2 блока: блок поддержки автономии родителями (предоставление выбора родителями; объяснение причин поведения; осознание, принятие чувств ребенка) и блок психологического контроля (угроза наказания; вызывание чувства вины; поощрение результата родителями).

2. Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта, ШПАНА [7]. Методика представляет собой опросник, направленный на диагностику широкого спектра позитивных и негативных эмоциональных состояний. Разработана на основе зарубежной методики PANAS (Positive and Negative Affect Schedule).

3. Краткая версия опросника «Индекс стремлений». Гордеева Т.О., Сычев О.А., Егоров В.А. [4]. Данная методика включает 2 шкалы и по 3 субшкалы в каждой из них. Шкала-1 «Внутренние стремления» включает: Самовыражение, Отношения, Сообщество. Шкала-2 «Внешние стремления» включает: Внешность, Известность, Влиятельность.

4. Кроме того, респонденты самостоятельно сообщали средний балл текущей успеваемости. Для оценки давалась шкала от 3,00 до 5,00 с шагом в 0,25 балла (то есть 3,00; 3,25; 3,50 и т.д.)

Основная часть. Исследование исходило из предположения, что разные стили детско-родительского взаимодействия формируют различные типы жизненных целей у студентов, что впоследствии сказывается на их успеваемости и эмоциональном благополучии. В частности, предполагалось, что поддержка автономии (проявляющаяся в предоставлении выбора, объяснении причин и принятии чувств ребенка) способствует развитию внутренних целей, ориентированных на самовыражение, отношения и чувство общности. Напротив, психологический контроль (включая тактики вины, угроз и акцента на результативность) связан с внешними целями – стремлением к признанию, влиянию и материальному успеху. Ожидалось, что внутренние цели будут положительно ассоциироваться с академической успешностью и позитивным аффектом, тогда как внешние – демонстрировать обратную связь с этими показателями.

Первым этапом анализа была описательная статистика.

Проверка гендерных различий, осуществленная с помощью t-критерия Уэлча, не показала, статистически значимых различий.

Корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена выявил положительные связи всех показателей блока автономии с внутренними стремлениями. В то время как блок контроля, напротив, демонстрировал отрицательную корреляцию с внутренними стремлениями и положительную – с внешними стремлениями (Таблица 1).

Таблица 1. Показатели корреляций шкал методики P-pass и «Индекс стремлений»

	1	2	3	4	5	6	7	8
Внутренние	0.265*	0.106	0.156	0.354**	-0.246*	-0.318**	-0.137	-0.206
Самовыражение	0.106	0.122	0.010	0.090	-0.116	-0.123	0.117	-0.240*
Отношения	0.307*	0.209	0.196	0.411***	-0.202	-0.359**	-0.188	-0.102
Сообщество	0.252*	0.089	0.131	0.331**	-0.291*	-0.266*	-0.179	-0.267*
Внешние	-0.316**	-0.244*	-0.294*	-0.238*	0.312**	0.196	0.214	0.248*
Внешность	-0.257*	-0.183	-0.261*	-0.220	0.232	0.208	0.311**	-0.025
Известность	-0.224	-0.206	-0.099	-0.262*	0.340**	0.189	0.249*	0.309*
Влиятельность	-0.165	0.087	-0.194	-0.095	0.343**	0.183	0.168	0.328*
Финансовый успех	-0.312*	-0.226	-0.351**	-0.126	0.234*	0.046	0.077	0.311*

Примечание: «1» – Блок автономии; «2» – Предоставление выбора в определенных границах; «3» – Объяснение причин, лежащих в основе требований, правил и ограничений; «4» – Осознание, принятие, признание чувств ребенка; «5» – Блок контроля; «6» – Угрозы ребенку наказанием; «7» – Вызывание чувства вины; «8» – Поощрение результативных целей.

* – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$; *** – $p < 0.001$.

Далее с помощью линейного регрессионного анализа, теста Дурбина-Уотсона на автокорреляцию и теста всеобъемлющей модели (F-тест) мы оценивали наличие влияния отдельных проявлений детско-родительских отношений на формирование жизненных целей.

Таблица 2 Регрессионный анализ вклада показателей ДРО в формирование жизненных целей.

Предиктор	Коэффициент регрессии	p	R	R ²	F	p	Критерий Дурбина-Уотсона
Критерий: стремление к цели самовыражение							
Константа	6.3765	<0.001	0.506	0.256	3.56	0.004	1.71
1	0.0295	0.791					
2	-0.0983	0.299					
3	0.1273	0.235					
4	-0.2217	0.052					
5	0.2973	0.009					
6	-0.1429	0.019					
Критерий: стремление к цели отношения							
Константа	5.6767	<0.001	0.507	0.257	3.57	0.004	2,21
1	-0.2425	0.219					
2	-0.2034	0.222					
3	0.6480	<0.001					
4	-0.3844	0.055					
5	0.3629	0.064					
6	-0.0367	0.727					
Критерий: стремление к цели сообщества							
Константа	4.8610	0.002	0.533	0.284	4.09	0.002	1.89
1	-0.3986	0.080					
2	0.0606	0.750					
3	0.5668	0.010					
4	-0.2518	0.268					
5	0.4596	0.041					
6	-0.4354	<0.001					
Предиктор	Коэффициент регрессии	p	R	R ²	F	p	Критерий Дурбина-Уотсона
Критерий: стремление к цели известность							
Константа	2.7458		0.462	0.213	2.80	0.018	2.20
1	0.1029	0.653					
2	-0.0369	0.849					
3	-0.2251	0.306					
4	0.2000	0.387					
5	-0.2636	0.245					
6	0.3678	0.004					
Критерий: стремление к цели влияние							
Константа	4.862	0.55	0.443	0.188	2.39	0.039	1.85
1	0.534	0.146					
2	-0.329	0.286					
3	-0.599	0.89					
4	0.479	0.194					
5	-0.803	0.028					
6	0.514	0.010					
Критерий: стремление к цели финансовый успех							
Константа	7.941	<0.001	0.635	0.404	7.00	<0.001	1.71
1	0.218	0.203					

2	-0.720	<0.001
3	-0.138	0.399
4	-0.186	0.280
5	-0.380	0.026
6	0.353	<0.001

Блок автономии действительно влияет на формирование таких внутренних жизненных целей, как самовыражение (25,6%) и отношения (25,7%).

Блок контроля также значимо влияет на следующие внешние жизненные цели (ЖЦ): известность (21,3%), влиятельность (18,8%), финансовый успех (40,4%). Но и формирование одной из внутренних ЖЦ «Сообщество» было обусловлено наличием в детско-родительских блока контроля.

Затем мы исследовали связь жизненных целей с академической успешностью студентов и благополучием.

Таблица 3. Связь жизненных целей с показателями академической успешности и благополучием у студентов.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
ПА	0.106	0.232*	0.156	0.020	-0.320**	-0.349**	-0.384**	-0.048	-0.333**
НА	0.252*	0.215	0.126	0.316**	0.153	0.424***	0.112	-0.056	-0.011
Ср. Б.	-0.141	-0.036	-0.189	-0.103	-0.38**	-0.38**	-0.213	-0.216	-0.504***

Примечание: «1» – Внутренние стремления; «2» – Самовыражение, «3» – Отношения, «4» – Сообщество; «5» – Внешние стремления; «6» – Внешность, «7» – Известность, «8» – Влиятельность; «9» – финансовый успех. «НА» – Негативный аффект; «ПА» – Позитивный аффект; Ср.Б. – средний академический балл.

* – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$; *** – $p < 0.001$

Анализ данных выявил устойчивую отрицательную связь между внешними ЖЦ и средним академическим баллом. Наиболее сильная корреляция наблюдается для финансового успеха ($r = -0.504$, $p < 0.001$), что свидетельствует о том, что чрезмерная ориентация на материальные ценности сопряжена со снижением учебных результатов. Аналогичные, хотя и менее выраженные, тенденции обнаружены для стремления к внешности, привлекательной для окружающих ($r = -0.360$, $p = 0.002$) и известности ($r = -0.383$, $p = 0.001$).

Студенты, ориентированные на внешние цели, демонстрируют повышенный уровень негативного аффекта. В частности, стремление к внешности ($r = 0.424$, $p < 0.001$) значимо коррелирует с переживанием отрицательных эмоций. В то же время, и общий блок внешних целей ($r = -0.320$, $p = 0.007$), и отдельно взятые внешние стремления: внешность ($r = -0.349$, $p = 0.003$), известность ($r = -0.384$, $p = 0.001$) и финансовый успех ($r = -0.333$, $p = 0.005$), связаны со снижением позитивного аффекта.

Итак, обобщим полученные результаты. Настоящее исследование было призвано исследовать взаимосвязь различных характеристик детско-родительских отношений с жизненными стремлениями молодежи. Новизна работы заключалась в комплексном изучении проблемы с точки зрения теории самодетерминации. Основной акцент в исследовании был смещен на анализ влияния поддержки автономии со стороны родителей и контролирующих практик в родительском воспитании. Ожидается, были выявлены

значимые положительные связи между показателями поддержки автономии и внутренними ЖЦ и значимые положительные связи контроля с внешними жизненными стремлениями.

Как было показано, блок автономии действительно влияет на формирование таких внутренних ЖЦ, как самовыражение и отношения. Блок контроля в свою очередь значимо влиял на формирование внешних ЖЦ у молодежи: стремление к известности, влиятельности, финансовому успеху. Это данные согласуются с результатами работ, проведенных на группе школьников [30].

Таким образом, поддержка автономии со стороны родителей способствует формированию внутренних жизненных целей (самовыражение, отношения, сообщество), тогда как родительский контроль связан с внешними целями (известность, влиятельность, финансовый успех), которые отрицательно коррелируют с академической успеваемостью и благополучием студентов, что подтверждается исследованиями [17; 20].

Однако формирование одной из внутренних ЖЦ «Сообщество» также было обусловлено наличием в детско-родительских блока контроля. На первый взгляд, это может противоречить положениям теории SDT, согласно которой контроль, особенно в форме психологического давления, ассоциируется с фрустрацией базовой потребности в автономии и приоритетом внешних целей. Более детальный анализ позволяет интерпретировать полученные данные через призму различия двух типов родительского контроля – поведенческого и психологического [12]. Поведенческий контроль, предполагающий структурирование среды через установление правил и границ, особенно при условии сочетания с эмоциональной поддержкой, может способствовать интернализации просоциальных норм и ценностей. В частности, он создает условия для формирования чувства социальной ответственности, понимания значимости участия в жизни сообщества и соблюдения коллективных норм. Таким образом, наличие поведенческого контроля в семье может опосредованно способствовать развитию внутренней цели «Сообщество» через механизмы структурированной социализации и формирования интегрированной регуляции. Это согласуется с утверждением, что просоциальные цели могут интернализироваться в условиях автономной, но структурированной и поддерживающей среды [15; 19].

Исследование связей между жизненными стремлениями и благополучием, академической успешностью студентов продолжили логику современных исследований [5]. Эти данные также соотносятся с данными, полученными на выборке старшеклассников, представленными в статье Гордеевой Т.О., Сычева О.А и Егорова В.А. [2].

Полученные данные согласуются с исследованиями, показывающими, что детско-родительские отношения, характеризующиеся поддержкой автономии детей, способствуют развитию «внутреннего компаса» – системы интегрированных личных ценностей, предпочтений и интересов [10]. Это напрямую влияет на позитивные результаты не только в отношении благополучия подростков и молодежи, но и в отношении их основной продуктивной деятельности – учебной, в рамках которой закладывается фундамент профессиональной успешности.

Заключение. На выборке студентов было показано, что детско-родительские отношения остаются значимым фактором, сказывающемся на формировании жизненных стремлений молодежи.

Результаты эмпирического исследования показали, что поддержка автономии, то есть предоставление подростку выбора в определенных границах, объяснение причин поступков, а также желание и умение услышать ребенка, понять его чувства, влияют на формирование внутренних целей у молодежи. Более того, значимое влияние на

формирование таких жизненных ценностей, как финансовый успех, влияние, известность, сообщество и самовыражение оказывают такие аспекты детско-родительских отношений как вызывание чувства вины у ребенка, поощрение результативных достижений.

Исследование данной проблематики остается актуальным для современной психологической науки. Результаты исследования планируется включить в цикл работ, связанных с проблемами родительского подхода к воспитанию, выстраиванию взаимоотношений с детьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобнева М.И. Психологические механизмы регуляции социального поведения / М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1979. – 272 с.
2. Гордеева Т.О. Мотивы учебной деятельности учащихся средних и старших классов современной массовой школы / Т.О. Гордеева // Психология обучения. – 2010. – № 6. – С. 17–32.
3. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Ч. 1: Проблемы развития теории / Т.О. Гордеева // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 4(12). – Режим доступа: <https://psystudy.ru/num/article/view/906/853> (дата обращения 04.10.2024)
4. Гордеева Т.О. Диагностика жизненных целей: краткая версия опросника «Индекс стремлений» / Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, В.А. Егоров // Психологический журнал. – 2023. – Т. 44. № 4. – С. 17–49.
5. Гордеева Т.О. Источники мотивации и академических достижений студентов: роль родительского контроля и поддержки автономии / Т.О. Гордеева, Д.М. Нечаева, О.А. Сычев // Вестник Московского университета. – 2024. – Серия 14. 47(3) – С. 33–55.
6. Додонов Б.И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.
7. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS / Е.Н. Осин // Психология. Журнал ВШЭ. – 2012. – № 4. – С. 91–110.
8. Фельдштейн Д.И. Проблемы формирования личности растущего человека на новом историческом этапе развития общества / Д.И. Фельдштейн // Образование и наука. – 2013. – № 9. – С. 3–23.
9. Aluja A. Relationships between adolescents' memory of parental rearing styles, social values and socialization behavior traits / A. Aluja, V. del Barrio, L.F. Garcia // Personality and Individual Differences. – 2005. – Vol. 39. – P. 903–912.
10. Assor A. Feeling Free and Having an Authentic Inner Compass as Important Aspects of the Need for Autonomy in Emerging Adults' Interactions with Their Mothers / A. Assor, R. Cohen, O. Ezra, S. Yu // Frontiers in Psychology. – 2021. – Vol. 12. Article № 635118.
11. Barber B.K. Parental psychological control: Revisiting a neglected construct / B.K. Barber // Child Development. – 1996. – Vol. 67. – P. 3296–3319.
12. Barber B.K. Parental support, psychological control, and behavioral control: Assessing relevance across time, culture, and method: Abstract / B.K. Barber, H.E. Stolz, J.A. Olsen, A. Collins, M. Burchinal // Monographs of the Society for Research in Child Development. – 2005. – Vol. 70. № 4. – P. 125–137.
13. Barber B.K. The centrality of control to parenting and its effects / B.K. Barber, M. Xia // Authoritative parenting: Synthesizing nurturance and discipline for optimal child development / Ed. by R.E. Larzelere, A.S. Morris, A.W. Harrist. Washington: American Psychological Association, – 2013. – P. 61–87.
14. Bardi A. Values and behavior: Strength and structure of relations / A. Bardi, S.H. Schwartz // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2003. – Vol. 29. № 10. – P. 1207–1220.
15. Barry C.M. The impact of maternal relationship quality on emerging adults' prosocial tendencies: Indirect effects via regulation of prosocial values / C.M. Barry, L.M. Padilla-Walker, S.D. Madsen, L.J. Nelson // Journal of Youth and Adolescence. – 2008. – Vol. 37. – P. 581–591.
16. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use / D. Baumrind // The Journal of Early Adolescence. – 1991. – Vol. 11. – P. 56–95.
17. Bradshaw E.L. A meta-analysis of the dark side of the American dream: Evidence for the universal wellness costs of prioritizing extrinsic over intrinsic goals / E.L. Bradshaw, J.H. Conigrave, B.A. Steward, K.A. Ferber, P.D. Parker, R.M. Ryan // Journal of Personality and Social Psychology. – 2023. – Vol. 124. № 4. – P. 873–899.
18. Davis A.N. Longitudinal associations between maternal involvement, cultural orientations, and prosocial behaviors among recent immigrant Latino adolescents / A.N. Davis, G. Carlo, C. Streit, S.J. Schwartz, J.B. Unger, L. Baezconde-Garbanati, J. Szapocznik // Journal of Youth and Adolescence. – 2018. – Vol. 47. – P. 460–472.

19. Deci E.L. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior / E.L. Deci, R.M. Ryan // *Psychological Inquiry*. – 2000. – № 11. – P. 227–268.
20. Kasser T. A dark side of the American Dream: Correlates of financial success as a central life aspiration / T. Kasser, R.M. Ryan // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1993. – Vol. 65. – P. 410–422.
21. Kasser T. Further examining the American Dream: differential correlates of intrinsic and extrinsic goals / T. Kasser, R.M. Ryan // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1996. – Vol. 22. – P. 280–287.
22. Kasser T. The relations of maternal and social environments to late adolescents' materialistic and prosocial values / T. Kasser, R.M. Ryan, M. Zax, A.J. Sameroff // *Developmental Psychology*. – 1995. – Vol. 31. – P. 907–914.
23. Knafo A. Motivation for agreement with parental values: Desirable when autonomous, problematic when controlled / A. Knafo, A. Assor // *Motivation and Emotion*. – 2007. – Vol. 31. – P. 232–245.
24. Lamborn S.D. Patterns of competence and adjustment among adolescents from authoritative, authoritarian, indulgent, and neglectful families / S.D. Lamborn, N.S. Mounts, L. Steinberg, S.M. Dornbusch // *Child Development*. – 1991. – P. 1049–1065.
25. Legault L. Assisted versus asserted autonomy satisfaction: their unique associations with wellbeing, integration of experience, and conflict negotiation / L. Legault, K. Ray, A. Hudgins, M. Pelosi, W. Shannon // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2017.
26. Leks N. Parental autonomy-support, intrinsic life goals, and well-being among adolescents in China and North America / N. Leks, I. Gingras, F.L. Philippe, R. Koestner, J. Fang // *Journal of Youth and Adolescence*. – 2010. – Vol. 39. – P. 858–869.
27. Mageau G.A. Validation of the Perceived Parental Autonomy Support Scale (P-PASS) / G.A. Mageau, F. Ranger, M. Joussemet, R. Koestner, E. Moreau, J. Forest // *Canadian Journal of Behavioural Science*. – 2015. – Vol. 47. № 3. – P. 251–262.
28. Martinez I. Impact of parenting styles on adolescents' self-esteem and internalization of values in Spain / I. Martinez, J. Fernando Garcia // *Spanish Journal of Psychology*. – 2007. – Vol. 10. – P. 338–348.
29. Martinez I. Internalization of values and self esteem among Brazilian teenagers from authoritative, indulgent, authoritarian, and neglectful homes / I. Martinez, J. Fernando Garcia // *Family Therapy*. – 2008. – Vol. 35. – P. 43–59.
30. Padilla-Walker L.M. Walking the walk: The moderating role of proactive parenting on adolescents' value-congruent behaviors / L.M. Padilla-Walker, A.M. Fraser, J.M. Harper // *Journal of Adolescence*. – 2012. – Vol. 35. – P. 1141–1152.
31. Sheldon K.M. Pursuing personal goals: Skills enable progress, but not all progress is beneficial / K.M. Sheldon, T. Kasser // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1319–1331.
32. Sheldon K.M. The independent effects of goal contents and motives on well-being: It's both what you pursue and why you pursue it / K.M. Sheldon, R.M. Ryan, E.L. Deci, T. Kasser // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 2004. – Vol. 30. – P. 475–486.
33. Shepperd J.A. Belief in a loving versus punitive God and behavior / J.A. Shepperd, G. Pogge, N.P. Lipsey, W.A. Miller, G.D. Webster // *Journal of Research on Adolescence*. – 2019. – Vol. 29. – P. 390–401.
34. Soenens B. How parents contribute to children's psychological health: The critical role of psychological need support / B. Soenens, E.L. Deci, M. Vansteenkiste // *Development of self-determination through the life-course* / Ed. by L. Wehmeyer, T.D. Little, S.J. Lopez, K.A. Shogren, R. Ryan. – New York: Springer. – 2017. – P. 171–187.
35. Williams G.C. Extrinsic life goals and health-risk behaviors in adolescents / G.C. Williams, E.M. Cox, V.A. Hedberg, E.D. Deci // *Journal of Applied Social Psychology*. – 2000. – Vol. 30. – P. 1756–1771.

REFERENCES

1. Bobneva M.I., Shorokhova E.V. (1979) Psikhologicheskie mekhanizmy regulatsii sotsial'nogo povedeniya [Psychological mechanisms of regulation of social behavior] (272 p.). Moscow: Nauka (In Russian).
2. Gordeeva T.O. (2010) Motivy uchebnoj deyatel'nosti uchashchihsya srednih i starshih klassov sovremennoj massovoj shkoly [Motives of educational activity of students of middle and senior classes of modern mass schools]. *Psychology of education*. No. 6. pp. 17–32 (In Russian).
3. Gordeeva T.O. (2010) Teoriya samodeterminatsii: nastoyashchee i budushchee. CH. 1: Problemy razvitiya teorii [Self-determination theory: present and future. Part 1: Problems of theory development] // *Psikhologicheskie issledovaniya: ehlektron. nauch. zhurn. № 4(12)*. (In Russian).
4. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Egorov V.A. (2023) Diagnostika zhiznennykh tselei: kratkaya versiya oprosnika «Indeks stremlenii» [Diagnostics of life goals: short version of the questionnaire «Index of aspirations»] [Diagnostics of life goals: short version of the questionnaire "Index of aspirations"]. *Psikhologicheskii zhurnal*. T. 44. № 4. pp. 17–49 (In Russian).

5. Gordeeva T.O., Nechaeva D.M., Sychev O.A. (2024) Istochniki motivacii i akademicheskikh dostizhenij studentov: rol' roditel'skogo kontrolya i podderzhki avtonomii [Sources of students' motivation and academic achievement: the role of parental control and autonomy support]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. 47(3), pp. 33–55 (In Russian).
6. Dodonov B.I. (1978) Ehmotsiya kak tsennost' [Emotion as a value] (272 p.). Moscow: Politizdat (In Russian).
7. Osin E.N. (2012) Izmerenie pozitivnykh i negativnykh ehmotsii: razrabotka russkoyazychnogo analoga metodiki PANAS [Measuring positive and negative emotions: development of a Russian-language analogue of the PANAS technique]. Psikhologiya. Zhurnal VSHEH. № 4. pp. 91–110 (In Russian).
8. Fel'dshtein D.I. (2013) Problemy formirovaniya lichnosti rastushchego cheloveka na novom istoricheskom ehtape razvitiya obshchestva [Problems of personality formation of a growing person at a new historical stage of society development]. Obrazovanie i nauka. № 9. pp. 3–23 (In Russian).
9. Aluja A., del Barrio V., Garcia L.F. (2005) Relationships between adolescents' memory of parental rearing styles, social values and socialization behavior traits. Personality and Individual Differences. Vol. 39. pp. 903–912 (In English).
10. Assor A., Cohen R., Ezra O., Yu S. (2021) Feeling Free and Having an Authentic Inner Compass as Important Aspects of the Need for Autonomy in Emerging Adults' Interactions with Their Mothers. Frontiers in Psychology. Vol. 12. Article № 635118 (In English).
11. Barber B.K. (1996) Parental psychological control: Revisiting a neglected construct. Child Development. Vol. 67. pp. 3296–3319 (In English).
12. Barber B.K., Stolz H.E., Olsen J.A., Collins A., Burchinal M. (2005) Parental support, psychological control, and behavioral control: Assessing relevance across time, culture, and method: Abstract. Monographs of the Society for Research in Child Development. Vol. 70. № 4. pp. 125–137 (In English).
13. Barber B.K., Xia M. (2013) The centrality of control to parenting and its effects. Authoritative parenting: Synthesizing nurturance and discipline for optimal child development. Ed. by R.E. Larzelere, A.S. Morris, A.W. Harrist. Washington: American Psychological Association. pp. 61–87 (In English).
14. Bardi A., Schwartz S.H. (2003) Values and behavior: Strength and structure of relations. Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 29. № 10. pp. 1207–1220 (In English).
15. Barry C.M., Padilla-Walker L.M., Madsen S.D., Nelson L.J. (2008) The impact of maternal relationship quality on emerging adults' prosocial tendencies: Indirect effects via regulation of prosocial values. Journal of Youth and Adolescence. Vol. 37. pp. 581–591 (In English).
16. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use. The Journal of Early Adolescence. 1991. Vol. 11. pp. 56–95 (In English).
17. Bradshaw E.L., Conigrave J.H., Steward B.A., Ferber K.A., Parker P.D., Ryan R.M. (2023) A meta-analysis of the dark side of the American dream: Evidence for the universal wellness costs of prioritizing extrinsic over intrinsic goals. Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 124. № 4. pp. 873–899 (In English).
18. Davis A.N., Carlo G., Streit C., Schwartz S.J., Unger J.B., Baezconde-Garbanati L., Szapocznik J. (2018). Longitudinal associations between maternal involvement, cultural orientations, and prosocial behaviors among recent immigrant Latino adolescents. Journal of Youth and Adolescence. Vol. 47. pp. 460–472 (In English).
19. Deci E.L., Ryan R.M. (2000) The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. Psychological Inquiry. № 11. pp. 227–268 (In English).
20. Kasser T., Ryan R.M. (1993) A dark side of the American Dream: Correlates of financial success as a central life aspiration. Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 65. pp. 410–422 (In English).
21. Kasser T., Ryan R.M. (1996) Further examining the American Dream: differential correlates of intrinsic and extrinsic goals. Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 22. pp. 280–287 (In English).
22. Kasser T., Ryan R.M., Zax M., Sameroff A.J. (1995) The relations of maternal and social environments to late adolescents' materialistic and prosocial values. Developmental Psychology. Vol. 31. pp. 907–914 (In English).
23. Knafo A., Assor A. (2007) Motivation for agreement with parental values: Desirable when autonomous, problematic when controlled. Motivation and Emotion. Vol. 31. pp. 232–245 (In English).
24. Lamborn S.D., Mounts N.S., Steinberg L., Dornbusch S.M. (1991) Patterns of competence and adjustment among adolescents from authoritative, authoritarian, indulgent, and neglectful families. Child Development. Vol. pp. 1049–1065 (In English).
25. Legault L., Ray K., Hudgins A., Pelosi M., Shannon W. (2017) Assisted versus asserted autonomy satisfaction: their unique associations with wellbeing, integration of experience, and conflict negotiation. Journal of Personality and Social Psychology (In English).

26. Lekes N., Gingras I., Philippe F.L., Koestner R., Fang J. (2010) Parental autonomy-support, intrinsic life goals, and well-being among adolescents in China and North America. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 39. pp. 858–869 (In English).
27. Mageau G.A., Ranger F., Joussemet M., Koestner R., Moreau E., Forest J. (2015) Validation of the Perceived Parental Autonomy Support Scale (P-PASS). *Canadian Journal of Behavioural Science*. Vol. 47. № 3. pp. 251–262 (In English).
28. Martinez I., Fernando Garcia J. (2007) Impact of parenting styles on adolescents' self-esteem and internalization of values in Spain. *Spanish Journal of Psychology*. Vol. 10. pp. 338–348 (In English).
29. Martinez I., Fernando Garcia J. (2008) Internalization of values and self-esteem among Brazilian teenagers from authoritative, indulgent, authoritarian, and neglectful homes. *Family Therapy*. Vol. 35. pp. 43–59 (In English).
30. Padilla-Walker L.M., Fraser A.M., Harper J.M. (2012) Walking the walk: The moderating role of proactive parenting on adolescents' value-congruent behaviors. *Journal of Adolescence*. Vol. 35. pp. 1141–1152 (In English).
31. Sheldon K.M., Kasser T. (1998) Pursuing personal goals: Skills enable progress, but not all progress is beneficial. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 24. pp. 1319–1331 (In English).
32. Sheldon K.M., Ryan R.M., Deci E.L., Kasser T. (2004) The independent effects of goal contents and motives on well-being: It's both what you pursue and why you pursue it. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 30. pp. 475–486 (In English).
33. Shepperd J.A., Pogge G., Lipsey N.P., Miller W.A., Webster G.D. (2019) Belief in a loving versus punitive God and behaviour. *Journal of Research on Adolescence*. Vol. 29. pp. 390–401 (In English).
34. Soenens B., Deci E.L., Vansteenkiste M. (2017) How parents contribute to children's psychological health: The critical role of psychological need support. *Development of self-determination through the life-course* / Ed. by L. Wehmeyer, T.D. Little, S.J. Lopez, K.A. Shogren, R. Ryan. New York: Springer. pp. 171–187 (In English).
35. Williams G.C., Cox E.M., Hedberg V.A., Deci E.D. (2000) Extrinsic life goals and health-risk behaviors in adolescents. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 30. pp. 1756–1771 (In English).

Поступила в редакцию 27.05.2025 г.

FORMATION OF LIFE GOALS IN UNIVERSITY STUDENTS: INFLUENCE OF PARENT-CHILD RELATIONSHIPS

A.V. Belan

The study deals with the influence of parental support, autonomy, and control on the formation of life aspirations in youth. In contrast to prior research, this work analyzes causal relationships between specific dimensions of parent-child relationships and the life goals of university students. A representative sample (N = 138) demonstrated that parental autonomy support fosters the development of intrinsic aspirations (e.g., self-expression, meaningful relationships), whereas parental control predicts extrinsic aspirations (e.g., fame, influence, financial success). A notable finding is that the pursuit of "community" (as an intrinsic goal) emerges in young adults under the influence of parental control. The study confirms that intrinsic aspirations are positively associated with academic performance and subjective well-being, while extrinsic aspirations exhibit negative correlations. The results underscore the pivotal role of parent-child dynamics in shaping youth motivation, emphasizing the need to differentiate between autonomy-supportive and controlling parenting practices in developmental research.

Key words: parent-child relationships, parents, life goals, parental support, parental control, students.

Белан Александра Владимировна.

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская
Федерация.

Студент.

ORCID 0009-0005-5633-4557.

E-mail: aleksandbelan@yandex.ru.

Belan Aleksandra Vladimirovna.

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russian Federation.

Student.

ORCID 0009-0005-5633-4557.

E-mail: aleksandbelan@yandex.ru.

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.923

DOI: 10.5281/zenodo.16265882

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЛОЖНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО В ЗОНЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА¹⁶

© 2025 *Е.Н. Рядинская, В.В. Волобуев, К.Б. Богрова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасская аграрная академия»

ORCID¹ 0000-0002-9924-881X

ORCID² 0000-0001-6093-660X

ORCID³ 0000-0002-3748-5844

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В данной статье представлены результаты исследования по проблеме пребывания в сложных жизненных ситуациях мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта. Эмпирические сведения были получены с помощью метода фокус-групп по трем категориям населения: студенты (фокус-группа 1), работающая молодежь (фокус-группа 2), работники образования и преподаватели (фокус-группа 3). Выяснено, что в целом справиться с негативными состояниями участникам всех групп помогает осознание того, что человек не одинок, занятия любимым делом, работа и общение с коллегами, физические нагрузки, поддержка семьи, частое общение в социальных сетях и мессенджерах, уход за животными, что является ценным для людей в тяжелый период вооруженного конфликта. Полученные данные в перспективе дальнейших исследований будут положены в основу опросника.

Ключевые слова: сложные жизненные ситуации, вооруженный конфликт, стресс, негативные состояния, мирное население.

Для цитирования: Рядинская Е.Н. Представление о сложных жизненных ситуациях гражданского населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта / Е.Н. Рядинская, В.В. Волобуев, К.Б. Богрова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 165–174. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16265882>.

Введение. В условиях современных глобальных изменений исследование того, как гражданское население, проживающее в зонах вооруженных конфликтов, сталкивается с трудными жизненными ситуациями и как реагирует на эти вызовы, становится чрезвычайно важным. Люди, находящиеся в районах ведения боевых действий, подвергаются множеству факторов, вызывающих стресс, которые значительно усложняют их повседневную жизнь. Они переживают постоянное чувство страха за свою жизнь и жизни близких, сталкиваются с неопределенностью и ощущением беспомощности, тревогой за свое будущее, что, в свою очередь, усугубляется условиями, порожденными военными действиями, которые затрудняют принятие адекватных решений [1; 3; 8; 9].

¹⁶ Исследование было проведено в рамках Гранта РНФ 23-18-00848 «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков»

В экстремальных ситуациях все, на чем основан здравый смысл, фактически теряет свою ценность. Возможность смерти, травм или увечий, а также сильные переживания за близких и детей подрывают веру в благоприятный исход и смысл жизни. Этот страх и навязчивое чувство тревоги вызывают постоянное нервное возбуждение, которое усиливается с каждой минутой. В результате все системы организма работают без должного контроля и становятся дисбалансированными. Постоянное состояние тревоги и страха может привести к психическому и физическому истощению.

Личность, оказавшаяся в экстремальной ситуации высокой интенсивности, например при внезапном артобстреле или террористическом акте, словно оказывается между «молотом» ответственности за близких и «наковальней» страха за свою жизнь. В таких условиях человек как бы снимает чрезмерное напряжение, превращая свои страхи в физические расстройства организма. Такое психическое состояние – одно из самых тяжелых и мощных психологических последствий экстремальной ситуации – может привести к физической дезорганизации и, таким образом, освободить человека от страха, условно говоря, на «законных» основаниях, вследствие ухудшения здоровья.

Безусловно, вооруженный конфликт является для человека крайне сильным психотравмирующим событием, сопровождающимся множеством стрессовых факторов и способным полностью трансформировать его личность. Под воздействием этих стрессоров у человека возникают физиологические реакции, которые могут существенно и необратимо изменить его ценностно-смысловую сферу, нарушить привычное восприятие реальности и разрушить веру в будущее, а также лишить желание строить жизненные планы. Анализ условий, в которых происходит конфликт, и стрессовых факторов, влияющих на психику тех, кто находится в зоне боевых действий, предполагает, по нашему мнению, также учет индивидуальных значений каждого стресс-фактора для конкретного человека и различий в реакциях на психотравмирующие события у разных категорий людей.

Цель исследования заключается в углубленном изучении и анализе сложных жизненных ситуаций, с которыми сталкивается мирное население в условиях вооруженного конфликта, а также в исследовании реакций людей на эти ситуации.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи.

1. Выявить и проанализировать жизненные ситуации, которые оказались наиболее сложными и стрессовыми для разных социальных групп в течение последнего года пребывания на территории, охваченной вооруженным конфликтом.

2. Оценить, какие психологические реакции, связанные с переживанием трудных обстоятельств, наблюдали у себя участники исследования в процессе преодоления данных ситуаций.

3. Определить, какие стратегии преодоления стрессовых ситуаций в условиях вооруженного конфликта являются наиболее распространенными среди мирных жителей.

4. Опираясь на мнения участников исследования, провести анализ влияния интернет-пространства и различных интернет-ресурсов на процессы адаптации и преодоления или стрессовых ситуаций.

В психологической литературе существует широкий спектр терминов, связанных с понятием трудных жизненных ситуаций. Исследователи считают, что влияние таких ситуаций на личность следует рассматривать не только через призму их негативного воздействия на психику, но и в контексте того, как кризис может создать возможности для личностного роста [5–7].

Одна и та же ситуация может оказывать различное воздействие на личность в зависимости от этапа ее развития. Так, Е.Н. Туманова считает, что не столько

объективная ситуация, сколько отношение к ней влияет на личность [10]. Таким образом, решение о том, следует ли считать ситуацию трудной или кризисной, а также вызовет ли она кризисные состояния, зависит от того, насколько важна она для данной личности.

Согласно видению Ф.Е. Василюка, ключевая особенность трудных жизненных ситуаций заключается в субъективной невозможности осуществления жизненного замысла. Преодоление этого кризиса происходит через восстановление или перерождение жизни путем самосозидания, что представляет собой творческое преодоление кризиса и воплощение основного принципа жизненного творчества [2]. Как подчеркивает Т.В. Маликова, личность может либо искать новые способы реализации своего жизненного замысла, либо разрабатывать новый замысел, который продолжает предыдущий, ставший невозможным, а также находить практические пути его осуществления. Также возможно отказаться от псевдоценностей и преодолеть их негативное влияние на личностное развитие, найти истинную систему ценностей и следовать ей, осознанно реализуя принцип преобладания ценностной реальности над противоречащими жизненными обстоятельствами [4]. Авторы акцентировали внимание на том, что в действительности часто происходит синтез указанных выше принципов различных способов преодоления жизненных кризисов, что обусловлено уникальностью жизненной ситуации конкретного человека [2; 4].

Методы исследования. В данном исследовании использовались теоретический анализ и метод фокус-групп для сбора эмпирических данных и их дальнейшего анализа.

Результаты исследования. Исследование было проведено в рамках Гранта РФ 23-18-00848 «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков». Эмпирическая работа осуществлялась на базе Научно-консультационного психологического центра ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия», в нем приняли участие респонденты трех фокус-групп: студенты (6 человек), преподаватели (12 человек) и работающая молодежь (8 человек).

Организация работы фокус-групп была основана на методе групповых дискуссий, направленных на обсуждение поставленных вопросов. Встречи проводились в неформальной обстановке, что способствовало свободному обмену мнениями. Основным правилом, установленным модераторами и принятым всеми участниками, было честное и искреннее выражение мнений.

В ходе работы фокус-групп планировалось получить ответы на пять ключевых вопросов:

1. Какие сложные жизненные ситуации вы пережили за последний год?
2. С какими психологическими трудностями вы столкнулись при преодолении этих ситуаций?
3. Что способствовало преодолению этих трудностей?
4. Как интернет-пространство помогло вам справиться с жизненными сложностями?
5. Какие ресурсы в интернете вы использовали для преодоления трудных жизненных ситуаций?

Таким образом, в ходе обсуждения был составлен перечень трудных жизненных ситуаций, с которыми сталкиваются различные категории граждан, проживающих в условиях вооруженного конфликта.

Студенты (фокус-группа 1) выделяют среди наиболее острых проблем вопросы, связанные с учебой, в том числе и с дистанционным обучением. Проблемы, связанные с военной ситуацией, оказывают влияние на учебный процесс (*«Волнует военная ситуация*

в регионе и сложности при дистанционном обучении», *«Переживаю о совмещении работы с дистанционным обучением»*). Также большая часть студентов обращает внимание на психологические и физические проблемы, вызванные стрессом и усталостью, связанными с военной обстановкой (*«Столкнулась с психологическим стрессом и тревогой из-за военных действий и нестабильной ситуации в регионе», «Одолевают проблемы с собственным физическим и психологическим здоровьем и здоровьем родных, военная обстановка», «Столкнулась с депрессией, чувством одиночества, стрессом»*).

Отдельно стоит отметить, что студенты сталкиваются с физическими недомоганиями, такими, как усталость, апатия и бессонница (*«Больше всего почти целый год испытывала физические сложности, усталость»*), а также сильными эмоциональными перегрузками, как результат постоянного стресса и страха за будущее (*«В моей жизни остались только чувство страха и тревоги», «Самое главное на сегодня – это эмоциональное выгорание», «Преобладают навязчивые мысли и тревожность, которые отражались на здоровье в худшую сторону»*).

Что касается методов преодоления трудностей, то большинство респондентов подчеркивают важность поддержания социальных связей и общения. Установление новых контактов и поддержание старых помогает справляться с одиночеством и изоляцией, а также найти новые интересы и увлечения (*«Помогали новые знакомства, новые интересы, друзья»*). Множество респондентов обращается за поддержкой к близким людям, что помогает им пережить трудности (*«Для преодоления трудностей мне помогала поддержка близких», «Помогало общение с людьми со схожими проблемами»*). Кроме того, занятия любимым делом становятся источником силы и уверенности для многих участников (*«Продолжала заниматься любимым делом»*). Некоторые респонденты признались, что еще не преодолели все сложности, но активно продолжают бороться с ними, не теряя надежды и сил (*«Сложности еще не преодолены, еще с ними борюсь»*).

Дискуссия, возникшая вокруг пятого вопроса: *«К каким ресурсам/источникам в интернет-пространстве вы обращались для преодоления возникающих жизненных сложностей?»*, показала разнообразие мнений среди респондентов. Большинство студентов высказались против блокировки некоторых социальных сетей и приложений, отмечая, что они играют важную роль в обмене информацией и поддержке. Например, они использовали онлайн-ресурсы для связи с другими жителями региона, что позволяло не только делиться опытом, но и получать помощь и советы в трудные моменты. Одни из участников подчеркнули, что такие платформы помогали оставаться на связи с внешним миром, получать актуальную информацию, и было странно, что некоторые из них были заблокированы в условиях кризиса (*«Использовала онлайн-ресурсы для обмена информацией и опытом с другими жителями региона. Также обращалась к социальным сетям и тематическим форумам для получения поддержки и советов. Не понимаю, нужно ли было в таких условиях запрещать важные для работы и отдыха ресурсы», «Интернет помогал оставаться на связи с внешним миром, получать важную информацию, странно, что некоторые не работают, запрещены»*).

В то же время некоторые респонденты поддерживали запрет, аргументируя свою позицию необходимостью борьбы с контентом, который, по их мнению, оказывает негативное влияние на эмоциональное состояние и формирование убеждений человека. Они считали, что избыток негативной информации может только усиливать стресс и тревогу, а для улучшения психоэмоционального состояния важно избегать такого

контента (*«Интернет во многом уменьшает стресс и даёт возможность получить позитивные эмоции. Зачем же смотреть и скролить негатив?»*).

В целом, студенты чаще всего обращаются к социальным сетям (ВКонтакте, RuTube, YouTube), активно изучают тематические блоги, участвуют в вебинарах и смотрят сериалы. Эти ресурсы становятся для них источником информации и способом поддержания связи с внешним миром в условиях вооруженного конфликта.

Что касается работающей молодежи (фокус-группа 2), проживающей в зоне боевых действий, то основные трудности, с которыми сталкиваются молодые люди, связаны с несколькими важными аспектами:

1. Разлука с близкими, что приносит эмоциональные страдания (*«Разлука с родителями и сестрой», «Разлука с детьми. Это самое для меня тяжелое. Не могу справиться и сейчас. Очень скучаю. Я теперь одна», «Много что произошло в моей жизни... Смерть двоих друзей, болезненное расставание»*).

2. Работа с ранеными военными и мирными жителями (*«Работа с ранеными. Я кому-то нужен, моя помощь ценна и важна. Это мотивирует и ободряет. Но это не легко»*).

3. Перемена места жительства, часто вынужденная из-за разрушений своего жилья (*«Выведение жилья из строя. Дом остался без газа, воды и частично без света. Жить нигде. Ютимся по соседям и знакомым»*).

4. Профессиональные изменения, такие, как переход на другую работу или смена деятельности либо должности (*«Переход на службу во внутренние войска, смена специальности и рода деятельности, смена должности инженера на должность психолога», «Назначение на очень ответственную должность», «Переезд в другой город»*).

Собственные психологические реакции на нахождение в сложных ситуациях и попытки их преодоления работающие молодые люди описывали следующим образом: *«Сложно смириться с тем, что никаким образом не можешь повлиять на ситуацию», «Иногда не замечаю моменты, которые оказываются важными. Особенно в личной жизни. Часты ссоры, непонимания», «Осознание изменений далось очень тяжело. Я переехала. Все. Я живу и работаю тут, хоть и временно. Тяжело привыкала. Плакала», «Очень тяжело было осознавать, что возможно никогда больше не смогу жить в своем доме, в доме детства и юности, где все близкое и мое», «Сложно не иметь возможности постоянно находиться рядом с детьми. Не видеть, как они растут, не трогать их, не целовать, обнимать, а видеть только в интернете», «Ощущение чужих страданий вызывает во мне ответную боль, только она душевная. Это очень нелегко», «Я в апатии, близкой к депрессивному состоянию. Не преодолела все это до конца. Иногда "накрывает"»*.

На вопрос о том, что помогало преодолеть эти трудности, мнения респондентов разделились. Важными факторами, которые помогали молодежи, стали:

1. Развитие защитных механизмов, активность и высшие чувства (*«Осознание того, что я в такой ситуации не одна, что у других бывает ситуация и хуже. И что нахождение мужа в зоне СВО важно для нашей общей победы», «Психологический настрой на работу – аутотренинг, изучение вопроса изнутри, обучение и практика, взаимодействие с коллективом, создание команды»*).

2. Поиск и предоставление социальной поддержки через общение (*«Спасает понимание того, что это временная разлука и частое общение посредством мессенджеров», «Выручает ежедневное общение посредством различных мессенджеров. Знаю, что у детей свои дела, теперь своя жизнь, свои заботы, и, может быть, я навязчива, но звоню каждый день много месяцев», «Пытаюсь не ассоциировать*

себя с чужими страданиями, оказывать медицинскую помощь, но так не получается. Я психолог по второму образованию, развита эмпатия. Стараюсь помочь и психологически тоже, поддержать, ободрить»).

3. Занятия любимым делом («Старалась больше заниматься любимым делом. Есть хобби. Я теперь – творческая личность»).

4. Обеспечение самобезопасности и самоподдержки («Помогло понимание того, что самое ценное – это моя жизнь и жизнь моей семьи, и мы теперь в безопасности. Это самое важное. Важнее материального», «Делаю многое. Спасало обращение к специалисту, физические нагрузки, поддержка семьи, постоянная работа над собой. С трудностями мне также помогла справиться музыка, искусство. Открыла для себя многие вещи, которые ранее мне были не интересны»).

Живой отклик и дискуссию вызвали вопросы, связанные с собственными переживаниями, трудностями и способами их преодоления. Молодые люди активно делились своими жизненными историями, профессиональными и личными сложностями, достижениями. Все участники фокус-группы 2 сошлись во мнении, что в условиях трудностей человек часто чувствует себя слабым и только маленькие радости и поддержка близких способны вывести его из глубоких психологических состояний.

На вопросы 4 и 5, касающиеся использования интернет-пространства, участники фокус-группы однозначно отметили, что Интернет является основным источником информации и средств для решения различных личных и профессиональных задач. Молодые люди используют интернет для:

1) получения информации («Интернет служит основным ресурсом для получения актуальных данных о ситуации на фронте и жизни других людей»). Многие из респондентов отмечают, что именно через интернет они получают информацию о ситуациях в своей профессиональной сфере и о личных проблемах, связанных с ограничениями на службе;

2) обучения и расширения интересов («Интернет предоставляет возможность обучаться, проходить тестирование, искать нормативные акты и образцы документов»). Некоторые респонденты используют его для профессионального роста, в том числе в области психологии, а также для поиска новых увлечений и интересов;

3) общения. Благодаря интернету участники фокус-групп поддерживают связь с семьей и близкими, что помогает не чувствовать себя одинокими. В социальных сетях они находят сообщества, где делятся опытом и поддерживают друг друга в сложных ситуациях. Также это дает возможность участвовать в жизни детей, несмотря на расстояние.

Основными Интернет-ресурсами, которыми пользуются респонденты, являются социальные сети ВКонтакте и Телеграм, поисковик Яндекс, YouTube, RuTube, PubMed, а иногда ТикТок (когда он доступен).

Кроме того, в ходе исследования были выявлены основные сложности, с которыми сталкиваются работники образования и преподаватели (фокус-группа 3), проживающие в зоне боевых действий. В частности, чаще всего они испытывают трудности в профессиональной деятельности.

1. Организация дистанционного обучения. Преподаватели сталкиваются с проблемами перехода от дистанционного обучения к очному, особенно в условиях ограниченных ресурсов и технических трудностей. Многие выражают обеспокоенность по поводу недостатка навыков работы с новыми цифровыми инструментами и сложностью в преподавании сложных дисциплин.

2. Семейные проблемы. Преподаватели переживают сложности в общении с близкими, что приводит к изоляции и внутреннему напряжению. Некоторые респонденты сообщают о проблемах со здоровьем пожилых родителей и беспокойстве за детей.

3. Психологическое и соматическое состояние. В условиях постоянных стрессов, военной обстановки и проблем со здоровьем многие преподаватели испытывают тревогу и усталость. Это сказывается на их профессиональной деятельности и личных отношениях.

Эти сложности показывают, что жизненные обстоятельства, связанные с военной обстановкой, изменением привычного уклада жизни и ограничениями, влияют на профессиональную и личную жизнь работников образования в зоне боевых действий.

Интересно, что некоторые участники подходили к своим жизненным трудностям философски, не рассматривая их как проблемы, а скорее как вопросы, которые можно решить. Это показывает их способность к адаптации и восприимчивость к жизни как к чередованию сложных и более спокойных периодов. Они находят баланс и стремятся к миру, не заикливаясь на негативных аспектах.

Тем не менее, многие описывают свое состояние как крайне истощенное, с ощущением недостатка сил и ресурсов для преодоления возникающих трудностей. Это затрудняет их способность фокусироваться на работе и других задачах, создавая чувство перегрузки и нехватки времени.

Однако, несмотря на эти сложности, часть участников активно ищет пути для их преодоления, опираясь на поддержку коллег, семьи и друзей. Коллективная поддержка играет важную роль, и, как отмечают многие респонденты, их команда является важным источником силы и уверенности. В некоторых случаях работа в коллективе дает энергию и помогает справляться с ситуациями, когда кажется, что все выходит из-под контроля.

Семья также служит важной поддержкой, особенно близкие и дети, которые помогают сохранять эмоциональное равновесие. Многие из респондентов подчеркивают ценность общения с семьей, поездок и активного времяпрепровождения как способа избежать перегрузки и стресса.

Физическая активность и забота о животных также помогают многим оставаться в тонусе и снижать уровень стресса. Спорт и прогулки с питомцами становятся своего рода терапией и способом сохранить внутреннюю гармонию.

Кроме того, активное времяпрепровождение, такое, как путешествия, активный отдых играют важную роль в восстановлении психологического состояния, предлагая возможность отвлечься и набраться сил.

Все эти аспекты – от поддерживающих отношений до физической активности – помогают участникам фокусироваться на положительных моментах в жизни и находить способы адаптации к экстремальным условиям, несмотря на все трудности.

Что касается общения в интернет-пространстве, то в этом вопросе мнения были различными. В большинстве случаев Интернет помогал в:

- профессии и обучении (*«В проектной деятельности со студентами помогал. Делали проекты, отправляли на разные конкурсы. Освоили множество новых программ», «Искала информацию, связанную с работой. Проходила курсы повышения квалификации. Удобно», «Проходила курсы повышения квалификации. Недавно освоила этот формат. Вижу в нем преимущества», «Провожу консультации дистанционно, используя Интернет пространство. Читаю лекции. Ищу важную и нужную информацию. Здорово упрощает жизнь», «Дистанционное обучение – через Интернет. Видеокурсы лекций – тоже. Проходится постоянно использовать. Кроме того, все курсы повышения квалификации сейчас онлайн. Удобно, конечно...», «Пользуюсь*

интернетом постоянно. 24/7. Рабочие моменты. Все связано с Интернет пространством», «В нашей работе без интернета нельзя совсем. Вся база там. Очень помогает. Включена во множество студенческих он-лайн групп. Кроме того, дома фильмы смотрю», «В работе без него никак. Курсы, онлайн лекции, много времени занимает работа в Moodle),

- общении («Использую интернет в общении с близкими людьми. Они у меня разбросаны по всему миру»),

- поиске информации («Интернет в моем районе работает не очень хорошо, связь плохая сейчас. Работаю с его помощью. Ищу информацию. Использую соцсети. Новости узнаю. Это важно в нашем городе. Часто что-то случается»),

- в организации досуга («Я не молода уже. Только недавно освоила социальные сети. ВК, Одноклассники. Общаюсь там, рецепты смотрю, видео. Пишу комментарии иногда в ДНР-овских группах», «Пользуюсь иногда по работе, но чаще всего и видео забавные могу посмотреть. Позитив обеспечен»).

- Однако есть и доля населения (5%), почти не пользующийся интернетом («Не очень много пользуюсь. В большинстве случаев у меня "бумажная работа". Но новости почитать могу...»).

Интернет-ресурсы, которыми пользуются преподаватели, – это социальные сети (ВК, Одноклассники), мессенджеры (Телеграмм, Ватсап), приложения для участия в вебинарах, семинарах и организации дистанционного обучения («Созидатели», Яндекс-телемост, Тимс), ресурсы для просмотра фильмов (Zona, Rutube, Smart-TV), различные форумы.

Некоторые преподаватели социальными сетями не пользуются вообще (5%).

Отметим, что живой интерес и дискуссию вызвали вопросы 1 и 3, связанные с наличием и причиной жизненных трудностей и способом их преодоления. Большинство причин жизненных сложностей, так или иначе связанным с проживанием в зоне боевых действий и невозможности реализации себя как субъекта деятельности, переживанием чувства одиночества, потерю связи с близкими, участвующими в СВО, потерей жилья и переездом, переменой рода деятельности, что вызывает тяжелые психологические состояния: апатию, депрессию, эмоциональное выгорание, ощущение безвыходности и т.д.

В заключение хочется подчеркнуть важность социальных связей, поддержки и личных увлечений в преодолении трудных жизненных ситуаций, особенно в условиях вооруженного конфликта. Участники исследования выделяют несколько ключевых факторов, которые помогают им справляться с негативными состояниями, включая общение с близкими и коллегами, участие в физической активности, уход за животными и активное использование интернета для поиска информации и общения.

Перспективы дальнейших исследований могут заключаться в создании авторского опросника, который бы учитывал разнообразие факторов, влияющих на адаптацию людей в экстремальных социогенных условиях. Это позволило бы глубже понять, какие именно действия и поддержка способствуют лучшему психоэмоциональному состоянию и адаптации в условиях стресса, а также определить, какие способы справляться с трудными ситуациями могут быть полезными для разных групп людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова И.В. Ценностно-смысловая сфера населения районов локальных вооруженных конфликтов: психологический анализ / И.В. Абакумова, Е.Н. Рядинская, К.Б. Богрова, А.А. Щетинин, С.В. Сотников // Российский психологический журнал. – 2024. – 21(2). – С. 169–183. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.2.10>.

2. Василюк Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 27–37.

3. Волобуев В.В. Связь жизнестойкости и личностных особенностей у мирных жителей / В.В. Волобуев // Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters) [Электронный ресурс]. – 2024. – №2. Режим доступа: <http://emissia.org/offline/2024/3349.htm> (дата обращения: 28.06.2025).
4. Маликова Т.В. Переживание утраты детьми дошкольного возраста / Т.В. Маликова // Педиатр. – 2018. – Т. 9. – № 6. – С. 111–117.
5. Мышко В.В. Теоретические подходы к изучению понятия трудной жизненной ситуации в психологии / В.В. Мышко, С.И. Баляев // Наука в жизни человека. – 2023. – № 3. – С. 95–101.
6. Мягких Н.И. Теория и практика психологии кризисных ситуаций / Н.И. Мягких, Н.И. Ларина // Психология и право [Электронный ресурс]. – 2011. – Том 1. – № 2. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n2/40903 (дата обращения: 28.06.2025).
7. Правдина Л.Р. Экстремальные и кризисные ситуации в контексте психологии здоровья / Л.Р. Правдина, О.С. Васильева // Северо-кавказский психологический вестник. – 2008. – Т. 6, № 3. – С. 78–85.
8. Рядинская Е.Н. Исследование эмоциональной сферы гражданских лиц, пострадавших вследствие боевых действий / Е.Н. Рядинская, В.В. Волобуев, М.А. Тахтарова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». – 2024. – № 09. – С. 82–85. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2024.09.14>.
9. Рядинская Е.Н. Отношение к смерти гражданского населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта, в контексте экзистенциальной исполненности / Е.Н. Рядинская, Н.И. Ковальчишина, В.В. Волобуев // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2023. – Т. 6. – № 2. – С. 6–14. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-6-14>.
10. Туманова Е.Н. Помощь подростку в кризисной ситуации жизни: учебное пособие / Е.Н. Туманова. – Саратов, 2002. – 69 с.

REFERENCES

1. Abakumova I.V., Ryadinskaya E.N. Bogrova K.B., Shchetinin A.A. & Sotnikov S.V. (2024). Cennostno-smyslovaya sfera naseleniya rajonov lokal'nyh vooruzhennykh konfliktov: psihologicheskij analiz [Value-sense sphere of the population of local armed conflict areas: psychological analysis]. Rossijskij psihologicheskij zhurnal, 21(2), 169–183. (In Russian)
2. Vasilyuk F.E. (1988). Urovni postroeniya perezhivaniya i metody` psixologicheskoy pomoshhi [Levels of construction of experience and methods of psychological help]. Voprosy` psixologii, 5, 27–37. (In Russian)
3. Volobuev V.V. (2024). Svyaz` zhiznestojkosti i lichnostny`x osobennostej u mirny`x zhitelej [Relation of resilience and personality traits in civilians]. The Emissia.Offline Letters, 2. URL: <http://emissia.org/offline/2024/3349.htm> (In Russian)
4. Malikova T.V. (2018). Perezhivanie utraty` det`mi doskol`nogo vozrasta [Perepirovanie berezha by children of preschool age]. Pediatr, T.9, 6, 111–117. (In Russian)
5. My`shko V.V. & Balyaev S.I. (2023). Teoreticheskie podxody` k izucheniyu ponyatiya trudnoj zhiznennoj situacii v psixologii [Theoretical approaches to the study of the concept of difficult life situation in psychology]. Nauka v zhizni cheloveka, 3, 95–101. (In Russian)
6. Myagkix N.I., & Larina N.I. (2011). Teoriya i praktika psixologii krizisny`x situacij [Theory and practice of psychology of crisis situations]. Psixologiya i pravo, T.1, 2, URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n2/40903. (In Russian)
7. Pravdina L.R. & Vasil`eva O.S. (2008). E`kstrema`l`ny`e i krizisny`e situacii v kontekste psixologii zdorov`ya [Extreme and crisis situations in the context of health psychology]. Severo-kavkazskij psixologicheskij vestnik, T.6, 3, 78–85. (In Russian)
8. Ryadinskaya E.N., Volobuev V.V. & Tahtarova M.A. (2024). Issledovanie emocional'noj sfery grazhdanskih lic, postradavshih vsledstviy boevyh dejstvij [Study of the emotional sphere of civilians affected by combat operations]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki», 09, 82–85. (In Russian)
9. Ryadinskaya E.N., Koval`chishina N.I. & Volobuev V.V. (2023). Otnoshenie k smerti grazhdanskogo naseleniya, prozhivayushhego v zone vooruzhennogo konflikta, v kontekste e`kzistencional`noj ispolnennosti [Attitude to the death of civilians living in the zone of armed conflict in the context of existential fulfillment]. Innovacionnaya nauka: psixologiya, pedagogika, defektologiya, T.6, 2, 6–14. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-6-14> (In Russian)
10. Tumanova E.N. (2002). Pomoshh` podrostku v krizisnoj situacii zhizni: uchebnoe posobie [Help to a teenager in a crisis situation of life]. Saratov, 69 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 20.06.2025 г.

IEWS ON COMPLEX LIFE SITUATIONS OF CIVILIAN POPULATION
LIVING IN ARMED CONFLICT ZONE

Ye.N. Ryadinskaya, V.V. Volobuev, K.B. Bogrova

This article presents the results of the research on the problem of civilians living in difficult life situations in the zone of armed conflict. The empirical data were obtained using the focus group method for three categories of the population - students (focus group 1), working youth (focus group 2), educators and teachers (focus group 3). It was found out that in general, the following activities help the participants of all the groups to cope with negative states: realizing that one is not alone, doing something they love, working and communicating with colleagues, physical activity, family support, frequent communication in social networks and messengers, caring for animals, which is valuable for people during the difficult period of the armed conflict. The data obtained may form the basis of a questionnaire and contribute to a further research of the issue.

Key words: difficult life situations, armed conflict, stress, negative states, civilian population.

Рядинская Евгения Николаевна.

Доктор психологических наук, доцент.
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка,
Российская Федерация.

Заведующая кафедрой психологии.
ORCID 0000-0002-9924-881X.

E-mail: muchalola@mail.ru

Волобуев Вахтанг Вячеславович.

Кандидат медицинских наук.
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка,
Российская Федерация.

Доцент кафедры психологии.

ORCID 0000-0001-6093-660X.

E-mail: gooodpsychologist@gmail.com

Богрова Кристина Борисовна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка,
Российская Федерация.

Доцент кафедры психологии.

ORCID 0000-0002-3748-5844.

E-mail: k.bogrova@yandex.ru

Ryadinskaya Yevgenia Nikolayevna.

Doctor of Psychology, Associate Professor
Donbass Agrarian Academy, Makeyevka, Russian
Federation.

Head of Department of Psychology.

ORCID 0000-0002-9924-881X.

E-mail: muchalola@mail.ru

Volobuev Vakhtang Vyacheslavovich.

Candidate of Medicine.
Donbass Agrarian Academy, Makeyevka, Russian
Federation.

Associate Professor at Department of Psychology

ORCID 0000-0001-6093-660X.

E-mail: gooodpsychologist@gmail.com

Bogrova Kristina Borisovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donbass Agrarian Academy, Makeyevka, Russian
Federation.

Associate Professor at Department of Psychology

ORCID 0000-0002-3748-5844.

E-mail: k.bogrova@yandex.ru

Научная статья

УДК 159.923+159.922+159.99

DOI: 10.5281/zenodo.16266297

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ФАКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СТУДЕНТОВ И РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

© 2025 *Е.М. Коротеева¹, М.Д. Тихонюк²*

Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

ORCID¹ 0009-0001-6036-3685

ORCID² 0009-0000-3688-7449

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлен анализ уровня и компонентов субъективного благополучия современной молодежи с учетом сферы занятости, а также факторов, оказывающих влияние на благополучие/неблагополучие личности. В качестве основных факторов рассматриваются индивидуально-типологические особенности (экстраверсия, тревожность, ригидность и др.), смысложизненные ориентации и жизненные ценности. В исследовании приняли участие 90 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Основные методы сбора данных: теоретический анализ литературы отечественных и зарубежных авторов по проблеме исследования, психологическое тестирование (методика диагностики субъективного благополучия личности Р.В. Шамянова, Т.В. Бесковой, методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С.С. Бубновой, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, индивидуально-типологический опросник (ИТО) Л.Н. Собчик). Анализ результатов исследования показал, что индивидуально-типологические особенности и ценностные ориентации являются факторами субъективного благополучия студентов и работающей молодежи. У студентов в качестве факторов субъективного благополучия выступают как индивидуально-типологические особенности, так и жизненные ценности и смыслы, а у работающей молодежи ведущим фактором субъективного благополучия являются смысложизненные ориентации.

Ключевые слова: субъективное благополучие, студенты, работающая молодежь, индивидуально-типологические особенности, ценностные и смысложизненные ориентации личности.

Для цитирования: Коротеева Е.М. Индивидуально-типологические особенности и ценностные ориентации как факторы субъективного благополучия студентов и работающей молодежи / Е.М. Коротеева, М.Д. Тихонюк // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 5. – С. 174–186. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.16266297>.

Введение. В современном обществе молодежь является социальной группой, характеризующейся динамичностью, разнообразием путей и возможностей развития. Вместе с тем эта группа подвержена появлению различных психологических дисфункций, в том числе связанных с неудовлетворенностью собой, своей жизнью, возможностями.

Благополучие в современной психологии рассматривается как одно из важнейших условий, определяющих качество жизни, ее наполненность и счастье. Стремление быть счастливым, благополучным, реализовать в различных сферах рассматривается обществом как один из приоритетов. Особое значение стремление к благополучию имеет для молодых людей, которые только выстраивают свою жизнь, получают профессиональное образование или начинают свое профессиональное становление.

В психологических исследованиях благополучие рассматривается как реализация внутреннего потенциала, вместе с тем отмечается его субъективный характер: успешный с точки зрения общества человек может чувствовать себя неблагополучным и наоборот.

Благополучие как психологический конструкт анализируется в работах таких авторов, как Е. Diener [19], С.Д. Рифф [20], Р.М. Шамионов [13; 14], Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко [16], исследованиях современных авторов [1; 7; 10]. В этих работах представлены общие определения феноменов благополучия и противоположного ему неблагополучия, его структурные компоненты, факторы, формирующие его как субъективное переживание и отношение, а также проявления в различных аспектах человеческого бытия.

В нашей работе мы опираемся на подход Р.М. Шамионова, определяющего субъективное благополучие как «эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни» [13, с. 77]. В структуре этого отношения выделяются отдельные компоненты (эмоциональное, социально-нормативное, экзистенциально-деятельностное, гедонистическое, эго-благополучие), которые формируют общий уровень благополучия личности.

Психологическое благополучие, как отмечают С.А. Минюрова, И.В. Заусенко, детерминировано совокупностью личностных качеств и характеристик, обеспечивающих «стабильность ее позитивного функционирования» [9, с. 96]. В нашей работе рассматриваются индивидуально-типологические характеристики, определяемые как индивидные и личностные компоненты, формирующие тенденции реагирования на различные стимулы и ситуации. В качестве основных тенденций выступают стиль мышления, тип эмоционального реагирования, мотивационная направленность и стиль межличностного поведения. В нашей работе рассматриваются индивидуально-типологические характеристики, выделенные Л.Н. Собчик как базовые свойства, определяющие тип реагирования: агрессивность, ригидность, спонтанность, экстраверсия, интроверсия, лабильность, сензитивность, тревожность [11].

Ценностно-смысловая сфера личности, представленная такими интегративными конструктами как ценностные ориентации и жизненные смыслы, может рассматриваться как один из значимых аспектов психологического благополучия. В изучении ценностно-смысловой сферы мы опираемся на понятие «ценностные ориентации» и «жизненные смыслы», которые раскрываются в работах таких авторов как J.S. Crumbaugh, L.T. Maholick [17; 18], Б.С. Братусь [2], Е.И. Головаха [3], Д.А. Леонтьев [5; 6] и др. [12; 21]. В нашей работе мы опираемся на определение К.Д. Давыдовой, согласно которому, ценностные ориентации представляют собой «систему ценностных установок личности, которая характеризует избирательное отношение личности к ценностям» [4, с. 63].

Согласно позиции Д.А. Леонтьева, жизненные смыслы и ценности определяются через «идеальную модель должного» (желательного), отражающую опыт жизнедеятельности социальной общности, присвоенную и интериоризованную субъектом в процессе его участия в общественной практике, указывающую направление желательного преобразования действительности субъектом и выступающую имманентным источником жизненных смыслов, которые объекты и явления действительности приобретают в контексте должного» [5, с. 14]. Как отмечает Н.Ю. Литвинова, важнейшим фактором субъективного благополучия является психологическая устойчивость, формирующая такие критерии как счастье, удовлетворенность качеством жизни, самоактуализацию, самореализацию [8].

Основой нашей работы является изучение комплекса психологических аспектов и факторов субъективного благополучия, которое зависит и от приоритетных ценностей и

смыслов, и от субъективной оценки удовлетворенности их реализацией. Поэтому значимым аспектом нашей работы является профессиональный (деятельностный) контекст, который реализуется посредством сравнения двух жизненных позиций, определяющих выбранный молодыми людьми путь профессионального становления. В связи с этим мы вводим в работу две группы исследования: студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, и работающую молодежь (принципиально значимым критерием отбора данной группы является отсутствие высшего профессионального образования). В современных условиях, когда наблюдается снижение ценности высшего профессионального образования, вместе с повышением статуса обучения в ВУЗе (отсрочка от призыва на военную службу), требуется дополнительное изучение психологических аспектов субъективного благополучия.

Приведенный обзор позволяет говорить о необходимости изучения индивидуально-типологических особенностей и ценностно-смысловой сферы личности как факторов, оказывающих влияние на субъективное благополучие молодежи с учетом их профессиональной реализации.

Целью нашего исследования стало изучение индивидуально-типологических особенностей и ценностных ориентаций как факторов субъективного благополучия студентов и работающей молодежи.

Данную цель мы конкретизировали в следующих задачах исследования:

- 1) определить уровень субъективного благополучия студентов и работающей молодежи;
- 2) выявить жизненные ценности и смысложизненные ориентации студентов и работающей молодежи;
- 3) определить индивидуально-типологические особенности студентов и работающей молодежи;
- 4) выявить влияние индивидуально-типологических особенностей, жизненных ценностей и смысложизненных ориентаций на субъективное благополучие студентов и работающей молодежи.

Материалы и методы исследования. Общий объем выборки составил 90 человек. Критерием включения в выборку являлся возраст. Возраст участников исследования – от 18 до 23 лет (средний возраст $21,3 \pm 0,9$).

Выборка была разделена на 2 подгруппы на основе критерия профессионализации:

- в первую вошли 43 студента омских вузов (ОмГУ, ОмГТУ, ОмГАУ),
- во вторую – 47 юношей и девушек, не имеющих и не получающих высшего профессионального образования и на момент исследования работающих по трудовому договору или неофициально (разнорабочие на строительных объектах, продавцы, менеджеры по продажам, водители).

В выборке 60% девушек и 40% юношей.

Выборка формировалась методом доступных случаев.

Основными методами сбора данных являлись:

- 1) теоретический анализ литературы отечественных и зарубежных авторов по проблеме исследования;
- 2) психологическое тестирование. В качестве основного методического инструментария применялись: методика диагностики субъективного благополучия личности Р.В. Шаминова, Т.В. Бесковой [14], методика диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С.С. Бубновой [15], тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева [6], индивидуально-типологический опросник (ИТО) Л.Н. Собчик [11].

Для статистической обработки полученных данных использовались: первичная описательная статистика (среднее арифметическое значение, стандартное отклонение); частотный анализ и проценты; критерий согласия распределения Колмогорова – Смирнова; U-критерий Манна–Уитни; однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

Основная часть. С помощью методики Р.В. Шамянова, Т.В. Бесковой мы определили уровень субъективного благополучия студентов и работающей молодежи.

Полученные данные отражены на рисунке 1.

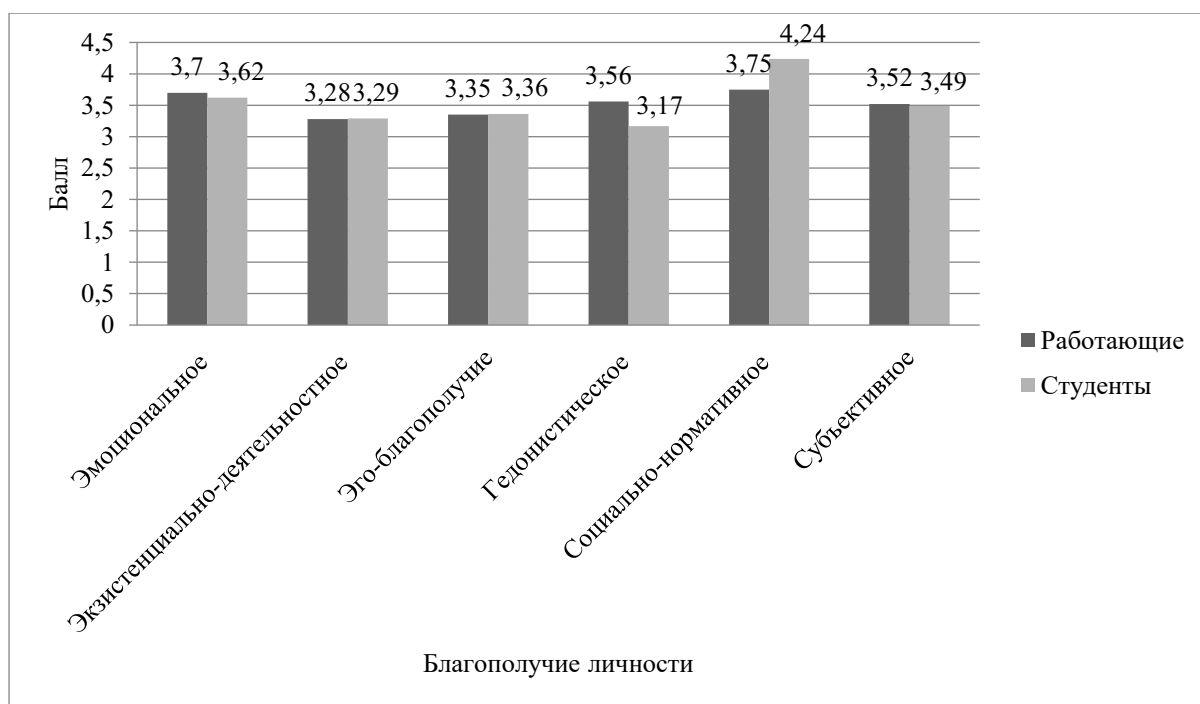

Рисунок 1. Субъективное благополучие студентов и работающей молодежи (средние значения).

Согласно полученным данным, у студентов средний уровень субъективного благополучия (3,49), то есть они удовлетворены некоторыми аспектами своей жизни, в других может проявляться неудовлетворенность. Самый высокий показатель – уровень социально-нормативного благополучия (4,24), то есть студенты характеризуются высоким уровнем проявления социальной согласованности, соответствия действий и поступков социальным нормам и нравственным ценностям личности. Самый низкий показатель характеризует уровень гедонистического благополучия (3,17), то есть у студентов наблюдается средний уровень проявления удовлетворенности базовых потребностей в безопасности, доходе, жилищных условиях, общих условиях жизни.

У работающей молодежи также наблюдается средний уровень субъективного благополучия (3,52). Самый высокий показатель характеризует уровень социально-нормативного благополучия (3,75). Самый низкий показатель – уровень экзистенциально-ценностного благополучия (3,28), то есть работающая молодежь характеризуется средним уровнем проявления усилий для достижения благополучия, их результативности, событийно-смысловой насыщенности жизни.

Сравнение средних значений показывает, что у работающей молодежи несколько выше показатели общего уровня субъективного благополучия, а также таких его

компонентов, как эмоциональное и гедонистическое благополучие, а у студентов выше показатели экзистенциально-деятельностного и социально-нормативного благополучия. Кроме того, студенты характеризуются высоким уровнем социально-нормативного благополучия, в то время как у работающей молодежи все компоненты выражены на среднем уровне.

Сравнение субъективного благополучия студентов и работающей молодежи показало наличие следующих значимых различий:

- работающая молодежь характеризуется более высоким уровнем гедонистического благополучия, чем студенты ($U=721$ при $p \leq 0,05$);
- студенты характеризуются более высоким уровнем социально-нормативного благополучия, чем работающая молодежь ($U=552,5$ при $p \leq 0,001$).

На наш взгляд, более высокий уровень гедонистического благополучия у работающей молодежи обусловлен тем, что у них больше финансовых возможностей для реализации своих потребностей в связи с наличием собственного дохода. Но также значимым механизмом является то, что у студентов более выражена удовлетворенность своей самореализацией, так как в перспективе у них может быть больше возможностей.

Ценностные ориентации студентов и работающей молодежи, выявленные с помощью методики диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности С.С. Бубновой, представлены на рис. 2.

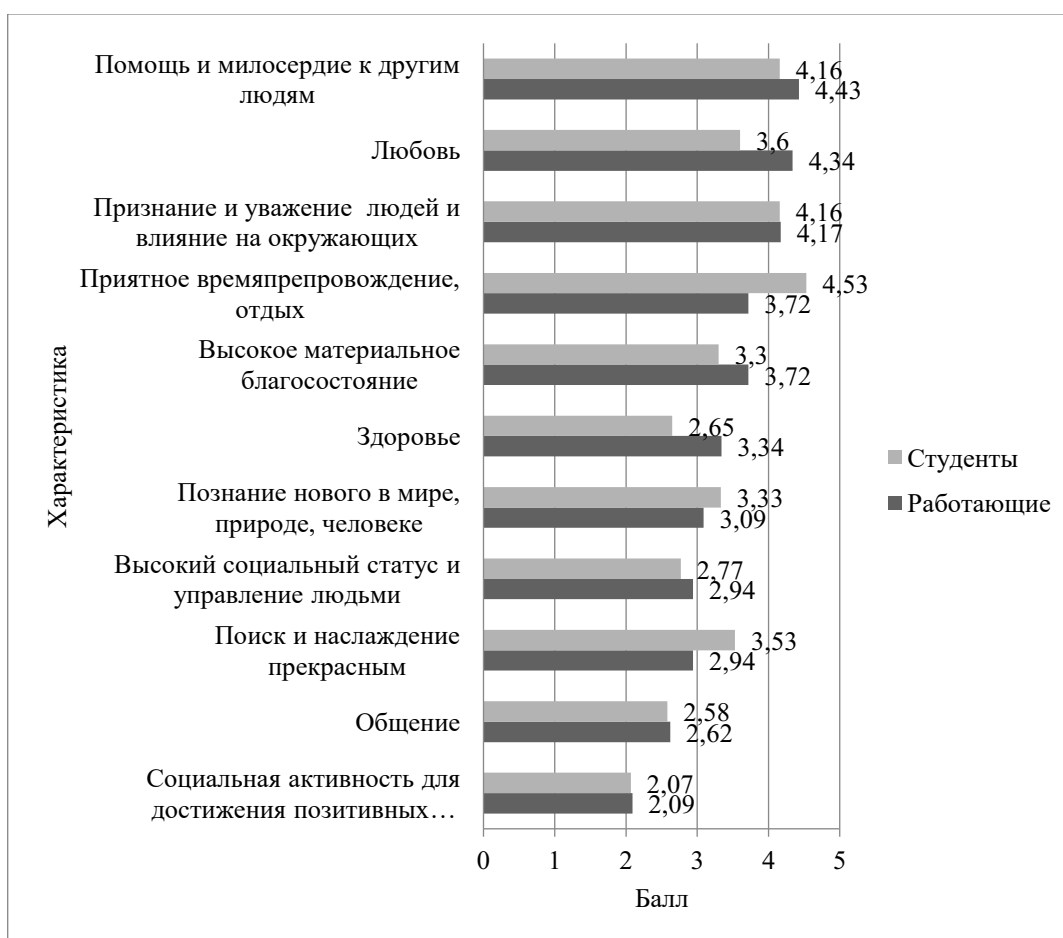

Рисунок 2. Ценностные ориентации студентов и работающей молодежи (средние значения).

У студентов выявлены следующие ценностные ориентации: на первом месте – ценность приятного времяпрепровождения и отдыха (4,53). Наименьшее значение имеют ценности здоровья (2,65), общения (2,58) и социальной активности для достижения позитивных изменений в обществе (2,07).

У работающей молодежи самая высокая значимость характеризует ценность помощи и милосердия к другим людям (4,43). Наименьшее значение имеют ценности общения (2,62) и социальной активности для достижения позитивных изменений в обществе (2,09).

Сравнение ценностных ориентаций студентов и работающей молодежи показало наличие следующих значимых различий:

- студенты характеризуются более высоким уровнем значимости ценностей приятного времяпрепровождения и отдыха ($U=616$ при $p \leq 0,001$), поиска и наслаждения прекрасным ($U=769$ при $p \leq 0,05$), чем работающая молодежь;
- работающая молодежь характеризуется более высоким уровнем значимости ценности любви ($U=666$ при $p \leq 0,01$) и здоровья ($U=682$ при $p \leq 0,01$), чем студенты.

Интерпретация выявленных особенностей может быть основана на том, что студенты проявляют больше стремления к отдыху, удовольствиям, разнообразию, что позволяет студенческая жизнь, они более инфантильны, но также имеют большую свободу для творчества, самовыражения, поиска себя. Работающая молодежь больше ориентирована на близкие отношения, традиционные ценности, больше ценит свое здоровье.

Смыслоразностные ориентации студентов и работающей молодежи, выявленные с помощью опросника СЖО Д.А. Леонтьева, представлены на рис. 3.

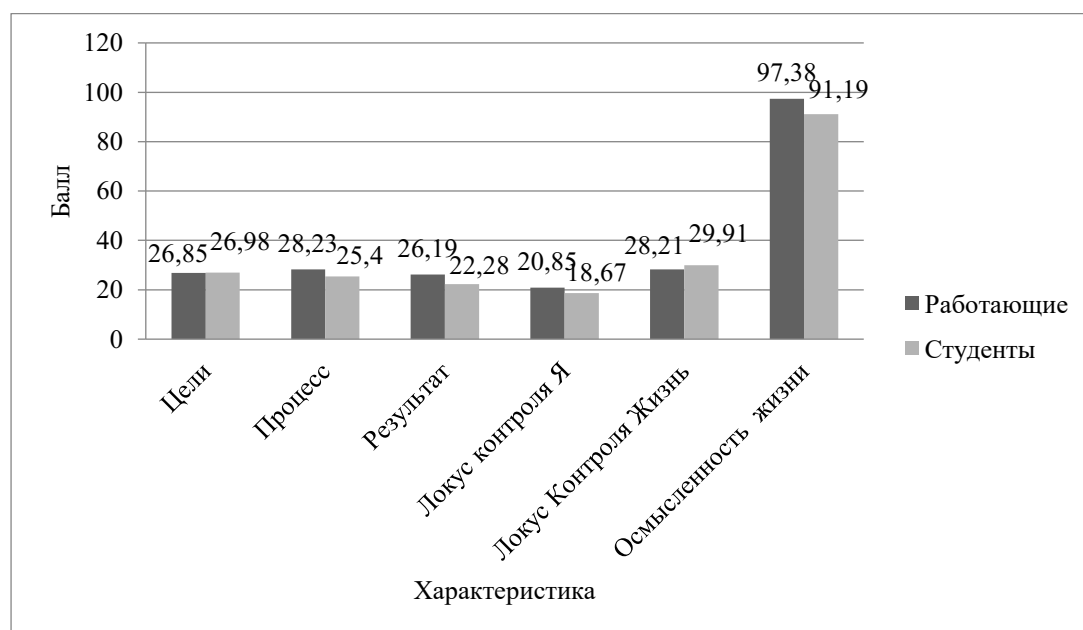

Рисунок 3. Смыслоразностные ориентации студентов и работающей молодежи (средние значения).

У студентов выявлены следующие показатели смыслоразностных ориентаций:

- средний уровень осмысленности жизни (понимания своего жизненного пути, целей, смысла жизни) (91,19);
- средние показатели характеристик «Цели» (26,98), «Процесс» (25,4), «Результат» (22,28), «Локус контроля Я» (18,67), «Локус контроля Жизнь» (29,91), что указывает на наличие некоторых значимых целей в жизни, заинтересованность процессом, ощущение

продуктивности жизни, убежденность в том, что жизнь поддается осознанному контролю, наличие свободы выбора.

У работающей молодежи выявлены следующие показатели смысловых ориентаций:

- высокий уровень осмысленности жизни (97,38);
- средние показатели характеристик «Цели» (26,85), «Процесс» (28,23), «Результат» (26,19), «Локус контроля Я» (20,85), «Локус контроля Жизнь» (28,21).

Сравнение смысловых ориентаций студентов и работающей молодежи показало наличие следующего значимого различия: работающая молодежь характеризуется более высоким уровнем осмысленности результатов, чем студенты ($U=714,5$ при $p \leq 0,05$). В качестве тенденции можно отметить различие характеристики «Локус контроля Я» и общего уровня осмысленности жизни у студентов и работающей молодежи, то есть, работающая молодежь характеризуется более высоким уровнем осмысленности жизни и интернальностью, чем студенты.

На наш взгляд, полученные данные можно объяснить тем, что работающая молодежь больше вовлечена в различные процессы обеспечения жизнедеятельности, на них больше ответственности за свою жизнь, чем на студентах, поэтому они и проявляют большую осмысленность, целеустремленность.

Индивидуально-типологические особенности студентов и работающей молодежи, выявленные с помощью опросника ИТО Л.Н. Собчик, представлены на рис. 4.

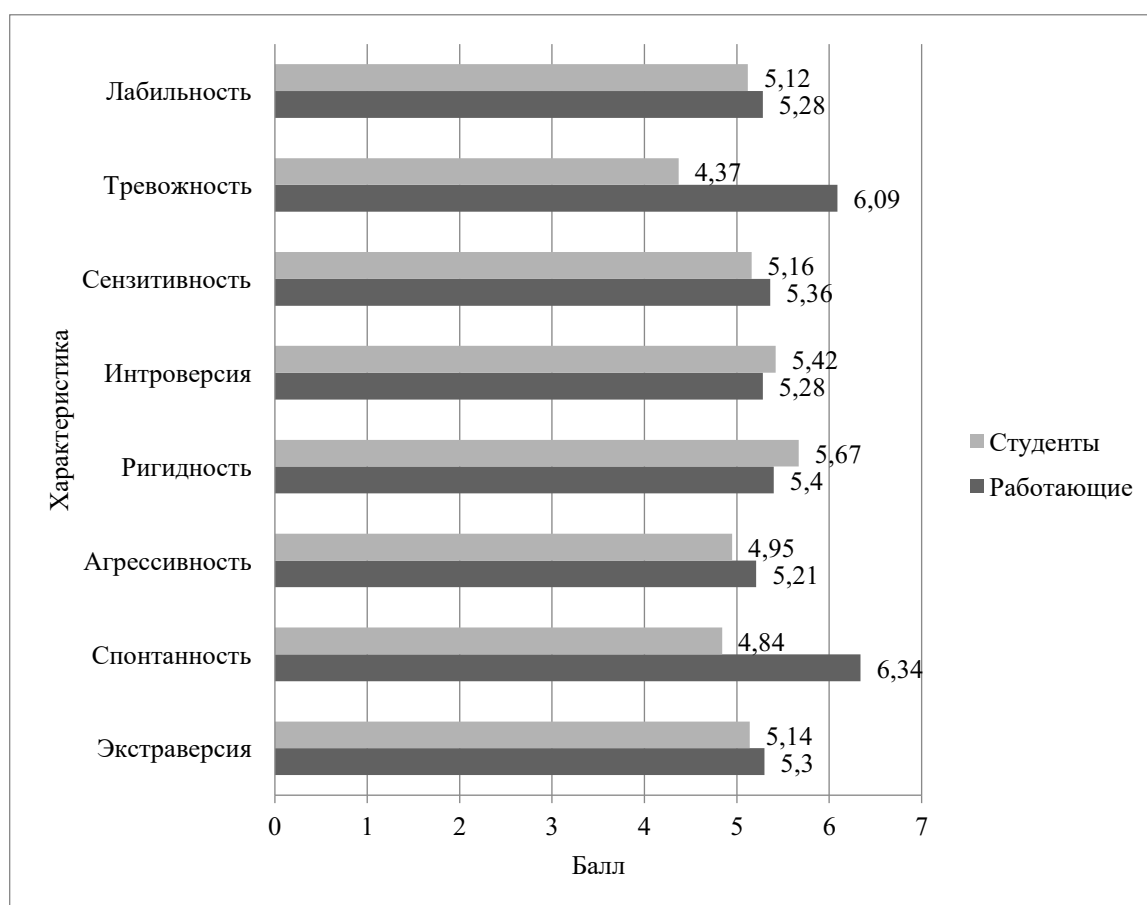

Рисунок 4. Индивидуально-типологические особенности студентов и работающей молодежи (средние значения).

В группе студентов выявлены следующие индивидуально-типологические особенности:

- на уровне гармоничного развития находятся характеристики спонтанности (4,84), агрессивности (4,95), тревожности (4,37), то есть студенты проявляют такие качества как продуманность собственных действий, активность в реализации своих интересов, способность справиться с переживаниями и тревогой;

- на уровне акцентуированной личности находятся характеристики экстраверсии (5,14), ригидности (5,67), интроверсии (5,42), лабильности (5,12), сензитивности (5,16), то есть студенты проявляют такие качества как некоторая инертность установок, субъективизм, критичность, стремление отстаивать свои взгляды, некоторая неустойчивость эмоций и настроения, открытость, стремление к общению, но также может проявляться тенденция к уходу в мир иллюзий, субъективные идеалы, замкнутость.

В группе работающей молодежи выявлены следующие индивидуально-типологические особенности: на уровне акцентуированной личности находятся характеристики тревожности (6,09), сензитивности (5,36), агрессивности (5,21), ригидности (5,4), спонтанности (6,34), экстраверсии (5,3), лабильности (5,28), интроверсии (5,28), то есть работающая молодежь проявляет такие качества как эмоциональная восприимчивость, склонность к рефлексии, некоторая пессимистичность в оценке перспектив, упрямство в отстаивании своих интересов, инертность установок, субъективизм, критичность в отношении иных мнений, некоторая непродуманность высказываний и поступков, открытость, стремление к расширению круга контактов в совокупности с закрытостью, замкнутостью.

Сравнение индивидуально-типологических особенностей студентов и работающей молодежи показало наличие следующих значимых различий: работающая молодежь характеризуется более высоким уровнем тревожности ($U=555,5$ при $p \leq 0,001$) и спонтанности ($U=481$ при $p \leq 0,001$), чем студенты. На наш взгляд, полученные результаты можно объяснить тем, что работающая молодежь больше зависит от различных ситуаций на работе, поэтому больше тревожится, более эмоционально может воспринимать жизненные трудности.

Изучение влияния индивидуально-типологических особенностей, жизненных ценностей и смысловых ориентаций на субъективное благополучие молодежи являлось заключительной задачей нашей работы.

Согласно полученным результатам, индивидуально-типологические особенности и ценностные ориентации являются факторами субъективного благополучия студентов и работающей молодежи:

- в группе студентов ценность помощи и милосердия к другим людям оказывает прямое влияние на уровень социально-нормативного благополучия ($F=4,763$ при $p \leq 0,05$); ценность приятного времяпрепровождения и отдыха оказывает обратное влияние на уровень гедонистического благополучия ($F=-3,83$ при $p \leq 0,05$); ценность признания и уважения других людей, влияния на окружающих оказывает обратное влияние на уровень гедонистического благополучия ($F=-3,412$ при $p \leq 0,05$); характеристика «Цели» оказывает прямое влияние на уровень социально-нормативного благополучия ($F=3,059$ при $p \leq 0,05$); характеристика «Локус контроля – Я» оказывает прямое влияние на уровень эго-благополучия ($F=3,807$ при $p \leq 0,05$); тревожность оказывает обратное влияние на уровень социально-нормативного благополучия ($F=-2,961$ при $p \leq 0,05$); спонтанность оказывает прямое влияние на уровень социально-нормативного благополучия ($F=4,196$ при $p \leq 0,05$). На наш взгляд, полученные данные можно объяснить тем, что стремление молодежи к приятному времяпрепровождению, а также самоутверждению и влиянию в

настоящее время реализуется с существенными ограничениями, а развитая рефлексия позволяет анализировать и понимать жизненные обстоятельства, причины, что и приводит к снижению уровня благополучия. Осмысленность жизни, особенно ее целей, позволяет ставить перед собой определенные задачи, добиваться их, что повышает уровень благополучия студентов. Повышенная тревожность препятствует удовлетворенности, в то время как способность к спонтанным поступкам повышает ее;

- в группе работающей молодежи осмысленность жизни и характеристика «Локус контроля – Я» оказывают прямое влияние на уровень субъективного благополучия ($F=5,69$ при $p \leq 0,01$ и $F=4,616$ при $p \leq 0,05$ соответственно), эмоционального благополучия ($F=3,406$ и $F=4,259$ при $p \leq 0,05$ соответственно), экзистенциально-деятельностного благополучия ($F=3,75$ при $p \leq 0,05$ и $F=5,666$ при $p \leq 0,01$ соответственно), эго-благополучия ($F=5,69$ при $p \leq 0,01$ и $F=3,799$ при $p \leq 0,05$ соответственно); характеристика «Цели» оказывает прямое влияние на уровень экзистенциально-деятельностного благополучия ($F=4,214$ при $p \leq 0,05$); характеристика «Процесс» оказывает прямое влияние на уровень эмоционального благополучия ($F=3,144$ при $p \leq 0,05$), эго-благополучия ($F=4,392$ при $p \leq 0,05$); характеристика «Локус контроля – Жизнь» оказывает прямое влияние на уровень эго-благополучия ($F=3,173$ при $p \leq 0,05$). На наш взгляд, выявленные влияния можно объяснить тем, что осмысленность жизни, ее различных аспектов, интернальность в отношении себя и своей жизни, способствует удовлетворенности своим статусом и достижениями, эмоциональному комфорту, в целом, повышает уровень благополучия работающей молодежи.

Сравнение выявленных влияний показывает, что у студентов в качестве факторов субъективного благополучия выступают как индивидуально-типологические особенности, так и жизненные ценности и смыслы, а у работающей молодежи ведущим фактором субъективного благополучия являются смысловые-жизненные ориентации.

Обобщая полученные результаты, можно отметить, что студенческая молодежь проявляет творческое, но, одновременно, и более инфантильное отношение к жизни. У нее сильнее, чем у работающей молодежи, проявляется стремление к поиску приятного времяпрепровождения, она менее ориентирована на результат, меньше тревожится и переживает. Работающая молодежь проявляет, во многом, более зрелое отношение к жизни, вместе с тем характеризуется тревожностью, порывистостью, что может быть обусловлено большей ответственностью за свою жизнь, необходимостью принимать решения, определяющие настоящее и будущее, ставить более продуманные цели.

Заключение. Резюмируя сказанное выше, сформулируем следующие основные выводы.

1. Студенты характеризуются значительно более высоким уровнем социально-нормативного благополучия, работающая молодежь – гедонистического.

2. Работающая молодежь характеризуется более высоким уровнем значимости ценностей любви и здоровья, у студентов более выражены ценности приятного времяпрепровождения и отдыха, поиска и наслаждения прекрасным.

Уровень осмысленности жизни, а также проявлений характеристик «Результат», «Локус контроля Я», значительно выше у работающей молодежи по сравнению со студентами.

3. Работающая молодежь характеризуется более высоким уровнем тревожности и спонтанности, чем студенты.

4. Индивидуально-типологические особенности и ценностные ориентации являются факторами субъективного благополучия студентов и работающей молодежи. У студентов в качестве факторов субъективного благополучия выступают как

индивидуально-типологические особенности, так и жизненные ценности и смыслы, а у работающей молодежи ведущим фактором субъективного благополучия являются смысложизненные ориентации.

Перспективным является дальнейшее изучение факторов благополучия молодежи с учетом не только психологических, но и средовых характеристик. Возможно, значимым фактором, определяющим благополучие, является родительская семья, сепарация от родителей, совместное или раздельное проживание с ними. Еще одним значимым фактором в настоящее время может выступать политическая ситуация в стране, что также нуждается в дополнительном изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинская Е.П. Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте / Е.П. Белинская, З.Д. Шаехов // Вестник Московского университета. – 2023. – Т. 46. – № 3. – С. 239–260. – <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35>.
2. Братусь Б.С. Смысловая сфера личности / Б.С. Братусь // Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л.В. Куликов. – СПб. : Питер, 2001. – С. 130–139.
3. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности / Е.И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л.В. Куликов. – СПб. : Питер, 2001. – С. 256–269.
4. Давыдова К.Д. Социальная установка как психологический феномен / К.Д. Давыдова // Социальная психология и философия. – М., 1975. – С. 63–64.
5. Леонтьев Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности / Д.А. Леонтьев // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1996. – № 4. – С. 35–44.
6. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2000. – 18 с.
7. Липская Т.А. Особенности психологического благополучия студентов на начальном и завершающем этапах обучения / Т.А. Липская // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 1. – С. 270–274.
8. Литвинова Н.Ю. Психологические факторы субъективного благополучия / Н.Ю. Литвинова // Известия Саратовского университета. – 2015. – Вып. 2(14). – С. 147–149.
9. Минюрова С.А. Личностные детерминанты психологического благополучия педагога / С.А. Минюрова, И.В. Заусенко // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 1. – С. 94–101.
10. Потапова Ю.В. Жизнестойкость и субъективное благополучие сибирских школьников с разным уровнем выраженности миграционных установок (на примере Омской области) / Ю.В. Потапова, А.Ю. Маленова, А.А. Маленов, А.К. Потапов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2023. – № 1. – С. 67–86. – DOI 10.22363/2313-1683-2023-20-1-67-86.
11. Собчик Л.Н. Индивидуально-типологический опросник. Практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста / Л.Н. Собчик. – Боргес, 2010. – 60 с.
12. Тукальская Н.И. Смысложизненные ориентации: понятие, сущность, психологическая характеристика / Н.И. Тукальская // Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции. – Уфа. – 2022. – С. 99–103.
13. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р.М. Шамионов. – Саратов : Научная книга, 2008. – 296 с.
14. Шамионов Р.М. Методика диагностики субъективного благополучия личности / Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова // Психологические исследования. – 2018. – № 11(60). – С. 8–20. – <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>.
15. Шапарь В.Б. Практическая психология. Инструментарий / В.Б. Шапарь – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 768 с.
16. Шевеленкова Т.Д. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методик исследования) / Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95–129.
17. Crumbaugh J.S. The Seeking of Noetic Goals Test (SONG): a complementary scale to the Purpose in Life Test (PIL) / J.S. Crumbaugh // J. of Clinical Psychology. – 1977. – Vol. 33. – № 3. – P. 900–907.

18. Crumbaugh J.S. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis / J.S. Crumbaugh, L.T. Maholick // *J. of Clinical Psychology*. – 1964. – Vol. 20. – P. 200–207.
19. Diener E. Subjective well-being / E. Diener // *Psychological Bulletin*. – 1984. – № 95. – P. 542–575.
20. Riff C.D. The structure of psychological well-being revisited / C.D. Riff, C. Keyes, M. Lee // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1995. – Vol. 69. – № 4. – P. 719–727.
21. Shek D. The Purpose in Life Questionnaire in a Chinese Context / D. Shek, E. Hong, M. Cheung // *The Journal of Psychology*. – 1987. – Vol. 121. – № 1. – P. 77–83.

REFERENCES

1. Belinskaya E.P., & Shaehov Z.D. (2023). Vzaimosvyaz psikhologicheskogo blagopoluchiya i adaptatsii k riskam tsifrovogo mira v molodezhnom vozraste [The relationship between psychological well-being and adaptation to the risks of the digital world in youth]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 46 (3), 239–260. <https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35> (In Russian).
2. Bratus B.S. (2001). Smyslovaya sfera lichnosti [The semantic sphere of personality]. In L.V. Kulikov (Ed.), *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Personality psychology in the works of domestic psychologists] (pp. 130–139). Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
3. Golovakha E.I. (2001). Zhiznennaya perspektiva i tsennostnye orientatsii lichnosti [Life perspective and value orientations of the individual]. In L.V. Kulikov (Ed.), *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Personality psychology in the works of domestic psychologists] (pp. 256–269). Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
4. Davydova K.D. (1975). Sotsial'naya ustanovka kak psikhologicheskii fenomen [Social attitude as a psychological phenomenon]. In *Sotsial'naya psikhologiya i filosofiya* [Social psychology and philosophy] (pp. 63–64). Moscow. (In Russian).
5. Leontiev D.A. (1996). Ot sotsial'nykh tsennostei k lichnostnym: sotsiogenez i fenomenologiya tsennostnoi regulatsii deyatel'nosti [From social values to personal ones: sociogenesis and phenomenology of value regulation of activity]. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 35–44. (In Russian).
6. Leontiev D.A. (2000). *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [The Purpose-in-Life Test (PIL)]. Moscow: Smysl. (In Russian).
7. Lipskaya T.A. (2023). Osobennosti psikhologicheskogo blagopoluchiya studentov na nachal'nom i zavershayushchem etapakh obucheniya [Features of psychological well-being of students at the initial and final stages of education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education], 1, 270–274. (In Russian).
8. Litvinova N.Yu. (2015). Psikhologicheskie faktory sub'ektivnogo blagopoluchiya [Psychological factors of subjective well-being]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Saratov University Bulletin], 2 (14), 147–149. (In Russian).
9. Minyurova S.A., & Zausenko I.V. (2013). Lichnostnye determinanty psikhologicheskogo blagopoluchiya pedagoga [Personal determinants of a teacher's psychological well-being]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 1, 94–101. (In Russian).
10. Potapova Yu.V., Malenova A.Yu., Malenov A.A., & Potapov A.K. (2023). Zhiznestoykost' i sub'ektivnoe blagopoluchie sibirskikh shkol'nikov s raznym urovnem vyrazhennosti migratsionnykh ustanovok (na primere Omskoi oblasti) [Resilience and subjective well-being of Siberian schoolchildren with different levels of migration attitudes (on the example of the Omsk region)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 1, 67–86. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-1-67-86>. (In Russian).
11. Sobchik L.N. (2010). *Individual'no-tipologicheskii oprosnik. Prakticheskoe rukovodstvo k traditsionnomu i komp'yuternomu variantam testa* [Individual-Typological Questionnaire. Practical Guide to Traditional and Computerized Test Versions]. Borges. (In Russian).
12. Tukalskaya N.I. (2022). Smyslozhiznennyye orientatsii: ponyatie, sushchnost', psikhologicheskaya kharakteristika [Life-purpose orientations: concept, essence, psychological characteristics]. In *Sbornik nauchnykh statei po materialam VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Collection of scientific articles based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference] (pp. 99–103). Ufa. (In Russian).
13. Shamionov R.M. (2008). *Sub'ektivnoe blagopoluchie lichnosti: psikhologicheskaya kartina i faktory* [Subjective well-being of the individual: psychological picture and factors]. Saratov: Nauchnaya kniga. (In Russian).
14. Shamionov R.M., & Beskova T.V. (2018). Metodika diagnostiki sub'ektivnogo blagopoluchiya lichnosti [Methodology for diagnosing subjective well-being of an individual]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 11 (60), 8–20. <https://doi.org/10.54359/ps.v11i60.277>. (In Russian).

15. Shapar V.B. (2005). *Prakticheskaya psikhologiya. Instrumentarii* [Practical Psychology. Tools]. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russian).
16. Shevelenkova T.D., & Fesenko P.P. (2005). Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor osnovnykh kontseptsii i metodik issledovaniya) [Psychological well-being of the individual (review of basic concepts and research methods)]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics], 3, 95–129. (In Russian).
17. Crumbaugh J.S. (1977). The Seeking of Noetic Goals Test (SONG): a complementary scale to the Purpose in Life Test (PIL). *Journal of Clinical Psychology*, 33 (3), 900–907 (In English).
18. Crumbaugh J.S., & Maholick L.T. (1964). An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis. *Journal of Clinical Psychology*, 20, 200–207 (In English).
19. Diener E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95, 542–575 (In English).
20. Ryff C.D., & Keyes C.L.M. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69 (4), 719–727 (In English).
21. Shek D., Hong E., & Cheung M. (1987). The Purpose in Life Questionnaire in a Chinese Context. *The Journal of Psychology*, 121 (1), 77–83 (In English).

Поступила в редакцию 03.05.2025 г.

INDIVIDUAL TYPOLOGICAL FEATURES AND VALUE ORIENTATIONS AS FACTORS OF SUBJECTIVE WELL-BEING OF STUDENTS AND WORKING YOUTH

E.M. Koroteeva, M.D. Tikhonyuk

The article presents an analysis of the level and components of the subjective well-being of modern youth, taking into account the sphere of employment, as well as factors affecting the well-being / disadvantage of the individual. Individual typological features (extraversion, anxiety, rigidity, etc.), life-meaning orientations and life values are considered as the main factors. The study involved 90 people aged 18 to 23 years. The main methods of data collection are theoretical analysis of the literature by domestic and foreign authors on the research problem, psychological testing (the methodology for diagnosing the subjective well-being of a personality by R.V. Shamionova, T.V. Beskova, the methodology for diagnosing the real structure of value orientations of a personality by S.S. Bubnova, the test of life sense orientations by D.A. Leontiev, the individual typological questionnaire by L.N. Sobchik). The analysis of the research results showed that individual typological features and value orientations are factors of the subjective well-being of students and working youth. For students, both individual typological features and life values and meanings act as factors of subjective well-being, while for working youth, the leading factor of subjective well-being is life meaning orientations.

Key words: subjective well-being, students, working youth, individual typological features, value and life-meaning orientations of a personality.

Коротеева Елена Михайловна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Омский государственный университет им.
Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская
Федерация.
Доцент кафедры общей и социальной психологии.
ORCID 0009-0001-6036-3685
E-mail: koroteevaem@omsu.ru.

Тихонюк Мария Дмитриевна.

Омский государственный университет им.
Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская
Федерация.
Студентка.
ORCID 0009-0000-3688-7449
E-mail: abramova_9601@bk.ru.

Koroteeva Elena Mikhajlovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian
Federation.
Associate Professor at Department of General and
Social Psychology
ORCID 0009-0001-6036-3685
E-mail: koroteevaem@omsu.ru.

Tikhonyuk Maria Dmitrievna.

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, The
Russian Federation.
Student.
ORCID 0009-0000-3688-7449
E-mail: abramova_9601@bk.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректурa статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приема статьи к публикации).

6. ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...""...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда

и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психоллингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznanii. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
 2. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
 3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
- Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). *Ornitonimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
10. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniya*, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию хх.хх.20хх г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2025. – № 5

На русском и английском языках

Технический редактор: Д.И. Борозенец